

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*

БИБЛИОТЕКИ ШТАБА

ВОЙСКЪ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Шкафъ № 4 , полка № 2 ,

книга № 7 , на полку № 10 ,

(счетъ съ правой руки.)

Библ. Всв. Шт. Тр. Кз. Вск.

отд. _____ № _____

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ

ОПИСАНІЯ ВОЙНЫ НА ЗАПАДНОМЪ КАВКАЗЪ.

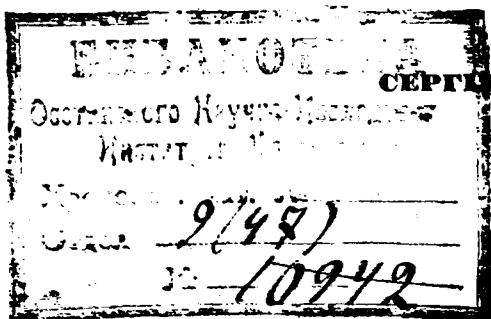

ДАХОВСКІЙ ОТРЯДЪ

НА

ЮЖНОМЪ СКЛОНЪ КАВКАЗСКИХЪ ГОРЪ

ВЪ 1864 ГОДУ.

СЕРГІЙ ДУХОВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНАЯ, № 39.

1864.

СОДЕРЖАНІЕ

I.

СТРАН.

Положеніе дѣлъ на западномъ Кавказѣ въ концѣ 1863 и въ началѣ 1864 годовъ. — Планъ дѣйствій на южномъ склонѣ. — Сборъ даховскаго отряда и движеніе его къ укрѣпленію Гойтхъ. 1

II.

Переходъ черезъ переваль и занятіе теченія рѣки Туапсе и бывшаго форта Вельяминовскаго 17

III.

Пребываніе отряда подъ постомъ Вельяминовскимъ. — Устройство туапсинской кордонной линіи. — Переселеніе горцевъ въ Турцію. — Изъявленіе покорности обществами, жившими по Шепсы, Мокопсе и низовьямъ Ашше. — Рекогносцировка съ моря части южнаго склона до Сочи и предположеніе о дѣйствіяхъ отряда въ мартъ и апрѣль. — Движеніе къ устью рѣки Псезуале и занятіе бывшаго форта Лазарева 35

IV.

Убыхи. — Письмо къ нимъ и первые переговоры. — Характеръ мѣстности между теченіемъ Туапсе и Псезуале. — Движеніе отъ поста Лазаревскаго къ Вельяминовскому и далѣе нагорною полосою отъ верховій Туапсе по Пшинахо, Пшіахо и Тхаценако къ устью Псезуале 52

V.

Дѣло у развалинъ монастыря и каштановаго лѣса. — Прибытіе къ устью рѣки Шахе. — Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ у убыховъ послѣ 18-го марта. — Обстоятельства, заставившія измѣнить первоначальное предположеніе о военныхъ дѣйствіяхъ 71

VI.

Постъ Головинскій. — Переправа черезъ рѣку Шахе. — Изъявленіе покорности убыхами. — Занятіе Сочи и бывшаго форта Навагинскаго. — Депутаты отъ джигетовъ, общества саше и хакучей. — Пріѣздъ командующаго войсками, графа Евдокимова, и Его Императорскаго Высочества командующаго кавказскою арміею 85

VII.

Постъ Кубанскій и убыхская кордонная линія. — Встрѣча съ пехскимъ отрядомъ и открытіе сообщенія черезъ бѣлорѣченскій переваль. — Движеніе внизъ по Сочи на постъ Даховскій. — Свѣтлый праздникъ. — Раздѣленіе отряда на семь колоннъ и разработка дороги вдоль по убыхской линіи. — Движеніе части даховскаго отряда въ верховья рѣки Мзымты. — Соединеніе на урочище Кбаада четырехъ отрядовъ. — Молебствіе по случаю окончанія войны . 102

VIII.

Положеніе дѣлъ во вновь покоренномъ краѣ въ началѣ іюня. — Дѣятельность войскъ: 1) разработка дорогъ; 2) поиски по трущобамъ, для очищенія ихъ отъ остатковъ горцевъ. — Происшествіе 11-го іюня. — Хакучи. — Безуспѣшность мирныхъ сношеній съ ними и военныя дѣйствія. — Хакучинское укрѣпленіе и кордонная линія. — Роспускъ отряда 118

МАТЕРИАЛЫ

для

ОПИСАНИЯ ВОЙНЫ НА ЗАПАДНОМЪ КАВКАЗЪ.

Даховскій отрядъ на южномъ склонѣ горъ въ 1864 году.

I.

Положеніе дѣлъ на западномъ Кавказѣ въ концѣ 1863 и въ началѣ 1864 годовъ.— Планъ дѣйствій на южномъ склонѣ. — Сборъ даховскаго отряда и движеніе его къ укрѣпленію Гойтхъ.

Вельяминовъ справедливо говорилъ, что война на Кавказѣ— это осада обширной и сильной крѣпости. гдѣ съ успѣхомъ можно подаваться впередъ только шагъ за шагомъ. Дѣло подтвердило слова его. Успѣхъ войны на Кавказѣ сдѣлался очевиденъ только тогда, когда линіями станицъ и укрѣпленій, связанныхъ повозочными дорогами, какъ бы паралелями и батареями, мы отрѣзывали у непріятели кусокъ за кускомъ и становились вездѣ твердою ногою. Такимъ порядкомъ, какъ извѣстно, занята была большая часть западнаго Кавказа.

Многія обстоятельства заставили съ осени 1863 года, когда почти весь сѣверный склонъ и часть южнаго до рѣки Ту, были уже въ нашихъ рукахъ, эту медленную систему дѣйствій оставить и приступить къ другой, болѣе быстрой.

Такъ въ письмѣ къ командующему войсками Кубанской области графу Евдокимову, отъ 4-го сентября 1863 года, начальникъ главнаго штаба кавказской арміи, генераль-лейтенантъ Карцевъ, между прочимъ писалъ (*):

„Военный министръ, въ предвидѣніи политическихъ затруд-

(*) Всѣ письменные документы и извлечения, приводимые въ этой статьѣ, взяты исключительно изъ дѣлъ даховскаго отряда и начальника онаго.

нений, которыя могутъ вспыхнуть съ новою силою, а можетъ быть и доведутъ насъ до войны (весною 1864 года), просить Великаго Князя о возможномъ усиленіи дѣйствій въ Кубанской области“ и т. д.]

Свѣдѣнія изъ горъ, собранныя раннею осенью, были такія:

„Абадзехскіе старшины возвратились изъ Константинополя съ письменными увѣщеваніями къ горцамъ отъ Магометъ-Эмина и Карабатыра не изъявлять покорности русскому правительству, не переселяться въ Турцію, убѣждая, что въ самомъ непродолжительномъ времени объявится европейская война, въ началѣ которой будутъ отправлены турецкія войска на восточный берегъ Чернаго моря. Сильный десантъ подкрѣпитъ всѣхъ враждующихъ съ русскими горцевъ и поможетъ имъ занять свои мѣста, завоеванныя въ настоящее время русскими. Въ этихъ же письмахъ Магометъ-Эминъ, для большаго убѣжденія въ справедливости своихъ обѣщаній, сообщаетъ, что тѣ изъ горцевъ, которые отправились въ нынѣшнемъ году на переселеніе въ Турцію, остановлены турецкимъ правительствомъ въ Трапезондѣ, гдѣ собраны турецкія войска, изъ которыхъ предполагаютъ отправить десантъ въ Сухумъ-Кале или же въ Новороссійскъ. Въ ожиданіи распоряженія, войска совершенно готовы къ выступленію съ большимъ запасомъ провіанта и боевыхъ припасовъ.

„Иностраннѣйшій офицеръ, сошедшій съ парохода, пристававшего къ берегу Чернаго моря, на сборѣ убуховъ сообщилъ, будто онъ присланъ отъ своего правительства для убѣжденія горцевъ, чтобы они держались противъ русскихъ во враждебныхъ отношеніяхъ, и что въ самомъ непродолжительномъ времени всѣ горцы, оставившіе свои земли, увидятъ себя на прежнихъ мѣстахъ, которыя имъ помогутъ возвратитъ союзныя арміи, давъ имъ войско и все необходимое для веденія войны съ русскими. Сообщивъ эти свѣдѣнія убухамъ, офицеръ возвратился обратно къ пароходу въ сопровожденіи партіи и самого хаджи-Догомукова (*).

„Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ, горцы, вдохновенные надеждами, пріостановились переселеніемъ въ Турцію, и всѣ отправившіеся чрезъ Туапсе, въ настоящее время, въ ожиданіи результата распространенныхъ слуховъ, остаются на берегу, не продолжая своего путешествія въ Турцію.

(*) Одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ на народъ убухскій старшинъ.

„Натухайскій народный эфендїй Куштануковъ, находившійся въ Турціи, возвратился черезъ Джубгу обратно къ мѣсту своего жительства и съ своей стороны подтвердилъ увѣщанія народу, абадзехамъ и шапсугамъ не покоряться русскимъ и не переселяться въ Турцію, а оставаться во враждебныхъ отношеніяхъ къ русскимъ, на сколько позволитъ возможность; не обезсиловать себя военными дѣйствіями въ большихъ размѣрахъ, а держаться лишь въ оборонительномъ положеніи. Онъ же увѣрялъ народъ, что отъ правительства турецкаго выданъ для горцевъ порохъ, 160 ящиковъ, который принять имъ и сложенъ въ Трапезондѣ и въ скоромъ времени будетъ доставленъ въ горы; въ доказательство же справедливости своихъ словъ показалъ народу ключъ, подъ которымъ будто бы хранится порохъ.

„Въ ожиданіи возвращенія Магометъ-Эмина, убыхи устраниваютъ мехкеме (*), собираютъ старшинъ, для приведенія всего въ порядокъ къ его приходу...“ и т. д.

Свѣдѣнія эти препровождены были командующимъ войсками Кубанской области, въ числѣ прочихъ лицъ, и начальнику дѣйствовавшаго въ горахъ даховскаго отряда, полковнику Гейману, *при слѣдующемъ предписаніи* отъ 29-го августа 1863 года, № 1,425:

„Изъ прилагаемой при семъ копіи свѣдѣній изъ горъ..... ваше высокоблагородіе усмотрите, какъ серьезны мѣры противодѣйствія, подготовляемыя нашимъ непріателемъ, подъ вліяніемъ вѣшняго вмѣшательства. Теперь больше чѣмъ когда-нибудь намъ нужно стремиться быстро осуществить предложенныя предпріятія, а потому я счелъ себя обязаннымъ, призвавъ ваше вниманіе къ настоящему положенію дѣлъ, просить обратиться съ полною энергіею къ исполненію указанныхъ мною дѣйствій и, не теряя благопріятнаго еще времени, не жалѣя труда, спѣшить окончаніемъ предложенныхъ движеній, работъ и другихъ предпріятій. По моему мнѣнію, каждая потерянная теперь минута будетъ искупаться впоследствии дорогою цѣною, если только быстрыми и настойчивыми дѣйствіями мы не успѣемъ обставить себя такимъ образомъ, чтобы быть внѣ всякой зависимости отъ слагающагося противодѣйствія.“

Въ подтвержденіе и дополненіе къ приведеннымъ свѣдѣніямъ,

(*) Народная сборища для совѣщаній.

командующему войсками и начальнику даховскаго отряда доставлялись разнаго рода воззванія и письма, полученные и распространяемыя въ горахъ въ концѣ лѣта и осенью 1863 года. Они исходили частію отъ прежнихъ выходцевъ изъ горъ, жившихъ въ Турціи, частію отъ различныхъ, и преимущественно убыхскихъ, старшинъ.

Вотъ болѣе интересныя изъ нихъ: а) *Письмо къ абадзехамъ изъ Турціи*. Переводъ съ арабскаго (*):

„Всѣмъ обществамъ абадзехскимъ, ученымъ и разумнымъ людямъ и прочимъ мусульманамъ почтеніе!

„Я дѣйствительно уже вступилъ въ сужденія о вашихъ дѣлахъ, т. е. относительно оставленія за вами земель, на которыхъ вы живете. Мусульмане! если вы желаете опустошить ваши земли, то переселяйтесь въ Турцію; если желаете быть покорными невѣрнымъ, переселяйтесь къ нимъ. Но если не желаете ни того, ни другаго, то подождите, пока мы увидимся съ вами лицомъ къ лицу. Мы прибудемъ къ вамъ скоро, если угодно будетъ Богу. Уже въ совѣтѣ державъ положено: а) чтобы русскіе держались въ прежнихъ границахъ и оставили бы черкесамъ занятая ими мѣста; б) чтобы черкесы вошли въ составъ подданныхъ турецкой державы и в) чтобы всѣ державы были врагами русскихъ.

„Итакъ, если одолѣютъ русскихъ, то заставятъ ихъ уступить вамъ всѣ ваши земли; но если русскіе останутся побѣдителями, то тогда уже, конечно, они сдѣлаютъ съ вами что захотятъ, безъ всякаго участія со стороны державъ. Въ скорости увидимъ что будетъ! Откроется война или нѣтъ, но мы все-таки приѣдемъ къ вамъ; до того же времени не спѣшите, мусульмане, не забывайте свои стѣсненные обстоятельства! Если русскіе будутъ идти съ войскомъ къ вашимъ деревнямъ, чтобы овладѣть ими, то удаляйтесь отъ нихъ далѣе въ ущелья и на вершины горъ. Клянемся великимъ Богомъ, что земля ваша останется вамъ. Если вы этому не вѣрите, то клянемся истиннымъ Богомъ, что все сказанное нами, безъ сомнѣнія, сущая истина. Будьте увѣрены въ этомъ такъ, какъ увѣрены въ томъ, что единство Всемогущаго Бога несомнѣнно.

„Сообщите о всемъ вышесказанномъ русскимъ властямъ, когда они будутъ заключать съ вами договоръ. Они все это

(*) Получено въ лагерь отряда на р. Шекодзь 24-го августа 1863 года.

знаютъ, однако продолжаютъ воевать съ вами. Всѣ ихъ поступки очень ясно извѣстны всѣмъ державамъ. Неужели вы не понимаете, что ни одна изъ державъ не можетъ ничего сдѣлать безъ согласія другихъ?

„Въ заключеніе извѣщаемъ васъ, что всѣ просьбы наши и желанія приняты на совѣтъ державъ, занимавшихся обсужденіемъ вашихъ дѣлъ, и уже утверждены общимъ подписомъ. Если начнется война, то вы не торопитесь кончать дѣлъ съ русскими и старайтесь продлить ихъ на годъ или болѣе, потому что поддержать васъ—это есть общее желаніе всѣхъ державъ, и это дѣло—дѣло великое! Какъ же вы такъ поспѣшны и нетерпѣливы, что не хотите подождать до нашего къ вамъ прибытія? Богъ сказалъ: не отторгайтесь отъ милости людей! Я вездѣсущъ и бойтесь Меня! Я окажу вамъ милость, и вы увидите ее; Я воззову къ вамъ, и вы услышите зовъ Мой; Я дамъ вамъ умъ, и вы будете мудры.

„Мы не замедлимъ подать вамъ помощь, не раньше какъ чрезъ мѣсяцъ. Русскіе увѣряютъ васъ, что воевать съ вами имъ разрѣшено всѣми державами; не вѣрьте этому: это неправда и суцая ложь.“ Печати нельзя было разобрать (*).

б) Переводъ съ арабскаго письма старшинъ изъ Турціи къ убухамъ (**):

„Любезные братья! юноши и старцы народа убухскаго! посылаемъ вамъ наше привѣтствіе.

„Увѣдомляемъ васъ, что мы старались и стараемся непрестанно о томъ, что для насъ полезно и что можетъ избавить насъ отъ враговъ нашихъ.

„Мы представляли жалобы великой державъ, министрамъ и агентамъ всѣхъ дворовъ; посылали депутатовъ въ Парижъ, Лондонъ и Египетъ. Мы не забываемъ, ни на одинъ день, вашихъ стѣснительныхъ обстоятельствъ и не можемъ забыть ихъ. И если мы писали державамъ о томъ, что видѣли и слышали, прося средствъ къ нашему избавленію (въ чемъ встрѣтили полное сочувствіе), то не для того только, чтобы узнали объ этомъ народы. Мы не можемъ вамъ выразить, съ какою готовностію были приняты всѣми дворами наши просьбы. Результатъ нашихъ стараній превзошелъ наши ожиданія.

(*) У мусульманъ часто къ письмамъ вмѣсто подписей прилагаются печати, съ изображеніемъ имени и фамиліи. •

(**) Получено въ лагерѣ на р. Шекодъ 30-го августа 1863 года.

„Итакъ, братцы, мы скоро нагрянемъ къ вамъ и принесемъ съ собою все то, что полезно для насъ и можетъ успокоить насъ въ этой жизни. Всѣ державы уже слышали о вашей отличной храбрости и мужествѣ; о вашемъ желаніи сохранить земли и жилища и быть независимыми отъ русскихъ; вашу любовь къ войнѣ, стѣснительныя обстоятельства ваши; знаютъ о томъ, сколько лѣтъ вы проливали кровь свою безъизвѣстно, безъ всякаго участія и помощи со стороны другихъ державъ. Имъ извѣстны силы русскихъ и ваши какъ нельзя быть лучше. Теперь эти державы подадутъ вамъ скорую помощь, дадутъ возможность открыто восвать для того, чтобы избавиться отъ враговъ вашихъ и быть независимыми. Не полагайте своихъ надеждъ на русскихъ, какъ это дѣлали вы прежде; не уходите въ чужія земли до тѣхъ поръ, пока мы придемъ къ вамъ. Вы увидите скоро чудо отъ Бога.

„Настанутъ времена нашей славы; придетъ день, когда русскіе дадутъ тылъ и обратятся въ бѣгство. Вы увидите, что мы сдѣлаемъ для васъ, въ этой жизни, при помощи милосердаго Бога! Не переставайте же быть мужественными противъ враговъ вашихъ.

„Желаемъ вамъ здоровья и избавленія отъ всѣхъ бѣдъ. Печати приложили: Карабатырь, Хассанъ, Камъ-Гирей, Сулейманъ (фамиліи неизвѣстны) Измаиль - Абрековъ и Бесланъ-Азазіевъ.“

в) *Письмо Догмукова къ Куфтовымъ и Хатуковымъ* (абадзехскимъ старшинамъ) (*).

„Къ друзьямъ и братьямъ нашимъ Куфтовымъ и Хатуковымъ послѣ всѣхъ привѣтствій.

„Да будетъ извѣстно вамъ, что въ Трапезондѣ прибылъ пародъ съ большимъ числомъ войска и пушками большаго калибра. Начальникъ его въ настоящее время пріѣхалъ въ горы и гоститъ у насъ и говоритъ намъ весьма пріятныя вещи, кои должны радовать всѣхъ мусульманъ, вслѣдствіе чего просимъ васъ не переходить пока на сторону русскихъ, а оставаться въ настоящемъ отношеніи къ нимъ, имѣя въ виду, что чрезъ мѣсяцъ они, какъ говоритъ начальникъ этотъ, должны очистить земли горскія. Вы же должны идти къ намъ. гдѣ будете жить

(*) Препровождено начальнику даховскаго отряда изъ штаба Кубанской области при предписаніи отъ 20-го августа 1863 года, № 1,376.

и довольствоваться всё́мъ, чѣ́мъ довольствуемся мы, если вы исполняете законъ мусульманскій.“

г) Переводъ съ арабскаго *письма убухскихъ старшинъ къ абадзехскимъ* (*):

„Любезнымъ братьямъ нашимъ хаджи-Магомеду и хаджи-Измаилу почтеніе. Да будетъ на васъ милость и благословіе Божіе!

„Увѣдомляемъ васъ, что посланный нашъ Измаиль сынъ Баракъ-Зефшъ, уже прибылъ, при помощи Господа-мздовоздателя, съ пятью орудіями, множествомъ пороха и свинца и съ военными припасами на 5,000 человѣкъ. Все это сдѣлано по распоряженію.... Увѣряемъ, что это свѣдѣніе вѣрно. Скоро мы будемъ спокойны такъ же, какъ были прежде, если будетъ угодно Богу.

„Въ заключеніе да будетъ миръ и благословіе на всёхъ слѣдующихъ истинѣ. Подписали: Шемитъ, Хассанъ, Османъ и Измаиль-эфенди. 1281 года (отъ г. М.). Мѣсяць рабіуль-ахира, 3-го дня.

„PS. Прибыло къ намъ пять человѣкъ англичанъ и пять французовъ, которые будутъ руководить нами.“

д) Переводъ съ арабскаго: „*Отъ народа убухскаго, старшинъ и почетныхъ людей хаджи-Керендукова и друиныхъ, къ абадзехскому народу* наше задушевное привѣтствіе (**).“

„Извѣстившись о милости.... мы спѣшимъ отправленіемъ къ вамъ этого письма и желаемъ соединиться съ вами въ одинъ народъ, для чего намъ и нужно собраться въ одно мѣсто.

„Увѣдомьте насъ въ скорости, по полученіи вами этого письма, гдѣ намъ лучше собраться: въ вашей ли землѣ—въ такомъ случаѣ мы прійдемъ къ вамъ—или же въ другомъ мѣстѣ.

„Братцы! не медлите. Увѣдомьте насъ объ этомъ поскорѣе; если же пройдетъ время, то мы повредимъ сами себѣ. Совѣтуйте всёмъ оставаться, а не отправляться за море (въ Турцію). Да, впрочемъ, никто теперь не можетъ отправиться, потому что мы стережемъ всё бухты, въ которыя входятъ суда.

„Старшины, пріѣхавшіе изъ Турціи вмѣстѣ съ Измаиль-нашею, привезли пушки, порохъ и сформировали много войска. Пушекъ числомъ пять, пороху 60 ящичковъ; кромѣ того много одежды, которую мы даже и назвать не имѣемъ знаковъ.

(*) Получено въ лагерь на р. Шекодзь 9-го сентября 1863 года.

(**) Письмо это доставлено въ лагерь отряда 17-го сентября 1863 года,

„Да будетъ же миръ и благословеніе на тѣхъ, кто слѣдуетъ истинѣ“, и т. п.

Большая часть писемъ и воззваній, распространяемыхъ по горамъ, сообщались полковнику Гейману еще на дорогѣ изъ Турціи или отъ старшинъ и потомъ неслись и раздавались по назначенію.

Въ дѣйствительности, разумѣется, поддержка горцевъ извнѣ была далеко не такова, какою ее выставляли подстрекатели. Въ августѣ 1863 года командующій войсками Кубанской области былъ извѣщенъ по телеграфу, что изъ Константинополя вышелъ пароходъ съ баржею, который везетъ оружіе и авантюристовъ для высадки къ кавказскимъ берегамъ. Сдѣлавъ распоряженіе о посылкѣ крейсеровъ для воспрепятствованія высадкѣ и поступленія съ пароходомъ согласно утвержденной для крейсерства инструкціи, онъ поручилъ полковнику Гейману, въ случаѣ, если упомянутому пароходу удастся достигнуть своей цѣли, узнать: а) что за люди прибывшіе и въ чемъ начала проявляться ихъ дѣятельность; б) сколько привезено оружія и припасовъ и какихъ именно, и в) что съ оружіемъ и припасами дѣлается. Черезъ нѣсколько дней (27-го августа) въ отвѣтъ полковникъ Гейманъ послалъ графу рапортъ (№ 1,414), слѣдующаго содержанія:

„Черезъ вѣрныхъ лазутчиковъ получены мною слѣдующія свѣдѣнія:

„Пароходъ съ баржею прибыли на убыхскій берегъ, однако чуть не попались въ руки нашихъ крейсеровъ. Убыхи встрѣтили ихъ съ пальбою и радостными криками.

„На этихъ судахъ привезено пять нарѣзныхъ пушекъ, ящики съ оружіемъ, порохомъ, платьемъ и артиллерійскими снарядами и при нихъ восемь авантюристовъ.

„Изъ восьми авантюристовъ шестеро поляки и французы. седьмой ихъ слуга и восьмой турокъ, который прежде здѣсь проживалъ. Всѣ они живутъ у Баракая (*), который съ ними пріѣхалъ, и обѣщаютъ, что придетъ много войскъ къ нимъ на помощь, что имъ будутъ отданы всѣ земли и что Россія не справится потому, что со всѣми державами будетъ имѣть войну. Сколько и какое привезено оружіе, а также снаряды и мундиры, нельзя пока узнать, потому что они сложены въ большихъ сундукахъ и подъ замкомъ у Баракая.

(*) Одинъ изъ убыхскихъ старшинъ.

„Пушекъ привезено пять: двѣ большія, которыя можно возить только по хорошей дорогѣ, двѣ горныя и одна совсѣмъ маленькая; какъ говорятъ, послѣднія три можно на лошади возить, на вьюкѣ. Всѣ онѣ совершенно снаряжены для дѣйствія.

„Оружіе пока не раздается.

„Ключи отъ сундуковъ находятся у Баракаева, который женатъ на дочери хаджи-Догомукова. Братъ ея обѣщалъ мнѣ украсть ключи и доставить по одному экземпляру оружія и снарядовъ къ пушкамъ, а также мундиръ и шапку, привезенные изъ Константинополя.

„Убыхи всѣми силами стараются возстановить противъ насъ абадзеховъ, но пока въ этомъ еще мало успѣваютъ.“

Вообще положеніе дѣлъ въ горахъ къ концу лѣта 1863 года видимо было такое, что безъ сильной поддержки, при энергическихъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны все оставшееся горское населеніе должно было пасть скоро. Но, повторяемъ, *при энергическихъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны.*

Къ этому времени *на сѣверномъ склонѣ* оставалась только часть абадзеховъ; изъ нихъ *верхніе абадзехи*, жившіе прежде отъ Фарса до Бѣлой, по Бѣлой до Майкопа, по всему теченію Курджипса, верхнимъ теченіямъ Пшехи, Пшиша и между этими рѣками были стѣснены въ особенности сильно: теченіе Пшехи было занято даховскимъ отрядомъ до Маратуковскаго поста; на этой рѣкѣ строились станицы: Самурская, Ширванская, Апшеронская и другія ниже по рѣкѣ; на Пшишѣ пшехскій отрядъ доходилъ до Хадыжей и возводились станицы: Тверская, Кубанская и другія. Съ сѣвера были заняты низовья Пшиша, а съ запада наши войска доходили близко къ Псекупсу.

Видя себя въ крайне стѣсненномъ положеніи, абадзехи начали вести переговоры, а нѣкоторые изъ нихъ стали выходить въ Турцію. Но, подстрегаемые извнѣ и убыхами, они колебались, избѣгали всякаго рѣшительнаго шага и только тянули время.

Тогда было занято остальное теченіе Пшиша, построено укрѣпленіе Гойтхъ и занятъ перевалъ по направленію съ Пшиша къ Туапсе. Абадзехи вынуждены были отказаться окончательно отъ сопротивленія. Въ уваженіе того, чтобы народъ, и такъ уже разоренный войною, не подвергся самымъ ужаснымъ бѣдствіямъ, неизбѣжнымъ при переселеніи зимою, имъ данъ срокъ по 1-е февраля.

Такимъ образомъ, осенью на сѣверномъ склонѣ не стало болѣе непріятеля, исключая немногихъ самыхъ горныхъ ущельевъ въ верховьяхъ Пшехи, Пшиша и ихъ притоковъ, проникнуть въ которыя прямо съ сѣвера, вверхъ по ущельямъ, по свойству мѣстности, невозможно. Вся масса оставшихся абадзеховъ столпилась на небольшомъ пространствѣ Псекупса; да и здѣсь, занятые войною, они не успѣли съ осени вспахать землю. Поэтому единственное средство не умереть будущей годъ съ голоду имъ оставалось выселиться. Между тѣмъ, желающихъ идти на Лабу все-таки было мало, а въ Турцію не пускали убыхи и шапсуги. Слѣдовательно, все дѣло стало за тѣмъ, чтобы нанести ударъ жителямъ южнаго склона и тѣмъ открыть путь къ выселенію абадзехамъ.

Въ то же время, какъ *жители южнаго склона горъ*, и въ особенности убыхи, неумоимо подстрекали абадзеховъ держаться до послѣдняго, сами они, до тѣхъ поръ не тронутые русскими, постепенно слабѣли и готовились къ распаденію.

Шапсуги были сильно потрясены дѣйствіями джубскаго и адагумскаго отрядовъ. *Убыхи*, безъ абадзеховъ и другихъ закрывавшихъ ихъ отъ русскихъ племенъ, стали совершенно безсильны. Люди болѣе умные, въ томъ числѣ почти всѣ старшины, ясно видѣли, каковъ будетъ исходъ; многіе изъ нихъ сознавали, что слухи о поддержкѣ изъ-заграницы крайне не надежны, если не совершенныя басни, и потому были противъ войны, въ пользу окончанія дѣла путемъ мирнымъ. Но самолюбіе воинственныхъ народовъ, какъ говорится, зажимало имъ ротъ. Въ пользу войны была въ горахъ сильная партія, которой всякій поднимающій голосъ противъ представлялся измѣнникомъ родинѣ. Поэтому многіе старшины сочли за лучшее, для спасенія обществъ отъ разоренія и для обезпеченія лично себя, вступить заблаговременно въ сношенія съ русскими и содѣйствовать тому, чтобы занятіе края войсками состоялось по возможности безъ пролитія крови, безъ разоренія края. Подстрекательства къ войнѣ въ глазахъ ихъ представлялись какъ бы послѣдними, безотчетными, судорожными усиліями отдалить еще хотя нѣсколько время своего окончательнаго паденія. Между тѣмъ, масса населенія южнаго склона молчала и колебалась; она была въ такомъ положеніи, что если не дать ей опомниться и нагрянуть на нее вдругъ, она падетъ разомъ. Извѣстія о покореніи абадзеховъ, объ успѣшныхъ экспедиціяхъ

въ самыя неприступныя въ глазахъ горцевъ трущобы, и въ самое суровое время, объ экспедиціяхъ зимою съ Гойтха на Кушу и потомъ въ Тубу (въ истокахъ Пшехи) навели на жителей южнаго склона горъ чуть-ли не панической страхъ. Единства въ народѣ уже не было вовсе: онъ видимо распался.

Всѣ эти обстоятельства заставляли въ основаніе предстоящихъ дѣйствій на западномъ Кавказѣ положить *быстроту и рѣшительность. Останавливаться и укрѣпляться на каждомъ шагу; устраивать повозочныя сообщенія уже некогда. Передовыя пристройки огромной крѣпости всѣ взяты; сѣверный склонъ и часть южнаго до р. Ту заняты; въ главномъ валѣ пробита брешь — занятъ перевалъ. Не ясно ли, что пора дѣлать штурмъ, что пора, собравшись съ силами, ринуться во внутренность крѣпости и стараться разомъ сломить все, что осталось?*

Но это быстрое вторженіе въ земли южнаго склона, этотъ штурмъ могъ имѣть вѣрный успѣхъ только въ томъ случаѣ, *если будетъ начатъ какъ можно скорѣе.*

Когда распустится листь, начнутъ подниматься хлѣба, явится подножный кормъ, все оживаетъ и средства горцевъ къ войнѣ удешевляются. Лѣса даютъ имъ защиту; теплое время дозволяетъ имѣть убѣжища внѣ селеній; скотъ для пищи оправляется, и его можно держать при себѣ. Зимою, напротивъ того, уничтоженіе запасовъ и селеній дѣйствуетъ губельно; горцы остаются совершенно безъ крова, съ меньшими средствами для защиты и крайне стѣснены въ пищѣ.

Кромѣ того, оставляя свою прежнюю землю раннею весною, переселенцы имѣютъ возможность устроиться на новыхъ мѣстахъ еще до лѣта, а къ осени могутъ получить свой собственный хлѣбъ. Имѣя это въ виду, всякій, конечно, скорѣе рѣшится на выселеніе раннею весною, чѣмъ лѣтомъ.

Далѣе: сношенія съ нами партіи противниковъ войны не могли понемногу не открываться. Партія эта, довольно многочисленная, для своей безопасности нуждалась въ помощи русскихъ и молила о скорѣйшемъ наступленіи.

Наконецъ, если бы, подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ событій, разыгралась внѣшняя война, то она началась бы весною и лѣтомъ 1864 года. и, слѣдовательно, къ этому времени полезно было бы сдѣлать свободнымъ нѣсколько лишнихъ десятковъ тысячъ штыковъ.

Вотъ что говорилъ между прочимъ вліятельнѣйшій изъ шап-

сугскихъ старшинъ въ письмѣ (получено 12-го февраля 1864 года, въ лагерѣ у поста Мирнаго, на Пшишѣ) полковнику (тогда уже генераль-маіору) Гейману:

„Однимъ словомъ, по всему видно, что отъ поспѣшнаго вашего дѣйствія все придетъ въ ужасъ въ этихъ мѣстахъ и никто не рѣшится встать на дорогѣ противорѣчія, потому что убѣждены въ своемъ безсиліи; если же что будетъ противъ своего же благополучія и спокойствія, то это нисколько не помѣшаетъ. Теперь убѣдительнѣйше просимъ поспѣшить прійти къ намъ и успокоить весь край...“ и т. д.

Также одинъ изъ шапсугскихъ старшинъ въ письмѣ къ графу Евдокимову (въ началѣ 1864 года) *) говорилъ:

„Если вамъ благоугодно будетъ знать о нашемъ положеніи, то я скажу вамъ слѣдующее: если только вы пойдете на Туапсе, то, не встрѣчая сопротивленія, вы можете спокойно прійти и рѣсположиться. Но не нужно медлить, потому что съ весною, когда распустятся деревья и выростетъ трава, послѣдній горецъ, не имѣющій ни черкески, ни рубашки, и тотъ подыметъ, тогда какъ все это можно покончить въ мартѣ мѣсяцѣ...“ и т. д.

Вотъ почему походъ на южный склонъ необходимо было начать сколь возможно раньше, и, если можно, даже еще зимою.

Дѣйствія на южномъ склонѣ были возложены на *отрядъ даховскій*, состоявшій подъ начальствомъ полковника, а со 2-го января 1864 года генераль-маіора—*Геймана* (**). Сначала предполагалось начать наступленіе въ январѣ; но обстоятельства заставили исполнить это мѣсяцемъ позже, такъ что войска перешли черезъ переваль только 20-го февраля.

Такое промедленіе было слѣдствіемъ двухъ причинъ:

Съ одной стороны, весь январь и начало февраля погода стояла весьма суровая. Въ горахъ выпалъ снѣгъ, въ эту зиму

(*) Копія съ этого письма доставлена начальнику отряда въ началѣ января 1864 года.

(**) Даховскій отрядъ получилъ свое названіе лѣтомъ 1862 года, послѣ занятія долины общества Дахо, ключа къ завоеванію самой трудной части западнаго Кавказа—наиболѣе возвышеннаго и суроваго пространства по обѣимъ сторонамъ водораздѣльнаго хребта, отъ верховьевъ Пшиша къ востоку. Вслѣдствіе особаго ходатайства начальника, отрядъ сохранялъ это названіе до роспуска его. Въ періодъ времени отъ занятія Дахо до наступленія на южный склонъ, отрядъ занимался очисткою части упомянутаго пространства по сѣверную сторону водораздѣльнаго хребта, дѣйствуя главнымъ образомъ противъ верхнихъ абадзеховъ.

особенно глубокой, и морозы доходили до слишкомъ 25 град. Войска, утомленные дѣйствіями въ ноябрь, декабрь 1863 года и въ началѣ января 1864 года, замѣчательными по трудностямъ, требовали хотя небольшого отдыха.

Съ другой стороны, только 1-го февраля кончался срокъ, данный абадзехамъ: надо было выждать, какъ они исполнять обѣщаніе. Если бы абадзехи оказали сопротивленіе и не стали выселяться, пришлось бы, можетъ быть, походъ на южный склонъ отсрочить еще, а войска даховскаго отряда направить навремя къ верховьямъ Псекупса, для содѣйствія находившемуся тамъ отряду шехскому.

Впрочемъ, время остановки военныхъ дѣйствій не было потеряно. Въ теченіе его употреблены всѣ усилія, чтобы въ укрѣпленіе Гойтхъ подвезти возможно большее количество провіанта. Въ случаѣ неисправной доставки моремъ или замедленія въ достиженіи моря, это былъ единственный источникъ для продовольствія отряда.

При военныхъ дѣйствіяхъ на западномъ Кавказѣ *составленіе предварительнаго плана* встрѣчало постоянно большія затрудненія въ неизвѣстности мѣстности. Въ европейской войнѣ всегда можно имѣть карты пространства, куда предполагается идти; хороши онѣ или дурны, онѣ есть. Здѣсь нѣтъ ничего: съемка впервые производится только тогда, когда идетъ отрядъ. При каждомъ отрядѣ обыкновенно имѣется топографъ, и дорогою дѣлается цѣпью промѣръ. Но и то, въ особенности при туманной погодѣ, снимается только пространство недалеко въ стороны отъ маршрута. Всѣ соображенія приходилось основывать на распросахъ и предположеніяхъ.

Между тѣмъ, отъ горцевъ-лазутчиковъ, единственнаго источника для распросовъ, обстоятельныхъ свѣдѣній о мѣстности было очень трудно добиться. Напримѣръ, для разстояній, ни версть, ни миль они не знаютъ и если мѣрятъ разстояніе, то часами ходьбы; но и о часѣ у нихъ понятія самыя смутныя и разнообразныя. Случается, что одинъ проводникъ скажетъ три часа ходу, другой шесть, а выйдетъ ни то, ни другое. Или о качествѣ пути: они могутъ сказать только: „дорога трудна“, „очень трудна“, „хороша“, „такъ себѣ“ или что-нибудь въ родѣ того. А бываетъ, что по пути, указанному какъ трудный, отрядъ пройдетъ скорѣе и легче, чѣмъ по тому, который называли хорошимъ. Поэтому составлять заблаговременно по-

дробный и обстоятельный планъ дѣйствій въ предстоящемъ походѣ оказывалось невозможнымъ.

Но, принимая въ соображеніе, что въ горной войнѣ особенно важно занятіе тѣхъ пространствъ, которыя какъ цитадели въ крѣпости командуютъ надъ остальною мѣстностію и по свойствамъ своимъ могутъ играть роль послѣдняго, надежнаго убѣжища, главное вниманіе было обращено на полосу наиболѣе возвышенную, ближайшую къ водораздѣлу.

По свѣдѣніямъ отъ горцевъ можно было заключить, что почти на всемъ протяженіи южнаго склона параллельно водораздѣльному хребту идетъ другой хребетъ, не менѣе перваго возвышенный; что между этими двумя хребтами туземное населеніе многочисленно, мѣстность сурова и что вдоль всей этой продольной нагорной долины, переваливаясь безпрестанно изъ бассейна одной рѣки въ бассейнъ другой, идетъ продольная нагорная дорога, имѣющая частыя сообщенія съ моремъ. По этой-то продольной нагорной дорогѣ и предположено было производить наступленіе.

Съ другой стороны, опытъ предшествовавшихъ лѣтъ войны показалъ, что, для завладѣнія теченіемъ какой-нибудь горной рѣки, не къ чему лѣзть вверхъ по ущелью, рискуя на каждомъ шагу быть остановленнымъ ничтожными силами, понести большую потерю и не сдѣлать неприятелю ничего, а достаточно занять верховья рѣки и низовья. Тогда весь бассейнъ очистится поневолѣ: сверху внизъ по ущелью, въ случаѣ надобности, будетъ уже легко дѣйствовать. Поэтому, идя нагорною полоскою, предполагалось въ то же время, даже нѣсколько впереди, занимать одинъ за другимъ приморскіе пункты.

Наконецъ время отъ времени имѣлось въ виду посылать части войскъ изъ горъ къ морю, для поддержанія сообщеній, для окончательнаго очищенія ущелій отъ населенія и для подвозки провіанта: все довольствіе предстояло получать съ моря.

Вотъ все, что можно было предположить сначала; подробности плана дѣйствій или измѣненія должны были выясниться при самомъ вступленіи въ край.

Но во всякомъ случаѣ начать походъ слѣдовало переходомъ черезъ перевалъ отъ Пшиша на Туапсе, занятіемъ всего теченія Туапсе, взятіемъ бывшаго форта Вельяминовскаго и устройствомъ на берегу моря магазина и склада. Такъ и было

рѣшено начальникомъ отряда и одобрено командующимъ войсками.

5-го февраля 1864 года на лѣвомъ берегу Пшехи, противъ станицы Ширванской, на широкой полянѣ, покрытой глубокимъ снѣгомъ, *собрались*, послѣ трехнедѣльнаго отдыха, *войска даховскаго отряда* (*). Лагерь, или, правильнѣе бивуакъ, вытянулся большимъ полукругомъ, открытою стороною къ Пшехѣ. Днемъ черная полоса на яркомъ бѣломъ фонѣ, ночью множество бивуачныхъ огней виднѣлись съ окрестныхъ высотъ издалека. Въ серединѣ полукруга оставлено было просторное мѣсто для молебствія. Артиллерія помѣстилась въ исходящей части дуги; штабъ сталъ въ центрѣ.

Всѣ были увѣрены, что въ послѣдній разъ досталось имъ выступать въ экспедицію; всѣ были увѣрены и въ томъ, что эта послѣдняя экспедиція потребуетъ огромныхъ трудовъ и вызоветъ большія лишения. Нетрудно было предвидѣть что предстоитъ отряду: на южномъ склонѣ мѣстность и такъ особенно пересѣчена, тропы и такъ весьма трудны, а тутъ приходится двигаться въ самое суровое время. Ни овса, ни сѣна, ни соломы найти негдѣ. Штабъ-квартиры и ближайшія населенныя мѣста останутся на сотни верстъ сзади. У жителей южнаго склона запасы сѣна и хлѣба, ничтожные и въ обыкновенное время, теперь, когда отъ абадзеховъ, главной ихъ житницы, нельзя было получить ничего, не существовали вовсе. Подвозка всего необходимаго изъ магазиновъ сѣвернаго склона черезъ перевалы, по страшной затруднительности въ сообщеніяхъ, была

(*) Отрядъ былъ въ составѣ 11¹/₂ баталіоновъ и 6-ти горныхъ орудій. Начальникъ отряда генералъ-маіоръ Гейманъ; квартирмейстеръ отряда генеральнаго штаба капитанъ Духовской; дежурный штабъ офицеръ капитанъ Тимоѣевъ.—3-я рота кавказскаго сапернаго № 2-го баталіона — штабъ-капитанъ Бирюковъ; 1-й баталіонъ Севастопольскаго полка и при немъ 5-я стрѣлковая рота—командиръ подполковникъ Дове; 2-й баталіонъ Севастопольскаго полка—командиръ маіоръ Калининъ; 3-й баталіонъ Севастопольскаго полка—командиръ подполковникъ Лутохинъ; 1-й баталіонъ Кубанскаго полка—командиръ маіоръ Эльснеръ; 21-й стрѣлковый баталіонъ—командующій капитанъ Пригара; сводно-линейный стрѣлковый № 3-го баталіонъ—командиръ подполковникъ Ключи-фонъ-Клугенау; 1-й баталіонъ Черноморскаго полка—командиръ маіоръ Кременецкій; 2-й баталіонъ Черноморскаго полка—командиръ маіоръ Поповъ-Азотовъ; 1-й баталіонъ Таманскаго полка—командующій штабъ-капитанъ Аристовъ; 2-й баталіонъ Таманскаго полка—командиръ маіоръ Подрѣзь. Оба баталіона Таманскаго полка состояли подъ начальствомъ командира полка полковника Габаева. 1-й баталіонъ Бакинскаго полка — командующій капитанъ Меркульевъ; 6 орудій горной батареи 19-й артиллерійской бригады—командиръ батареи полковникъ Казиковъ.

до лѣта положительно невозможно: доступенъ былъ только магазинъ въ одномъ укрѣпленіи Гойтхъ, и то учрежденный на крайній случай и на первое время; туда, преодолевъ всѣ препятствія, свезены были мѣсячная пропорція провіанта на 12-баталіонный отрядъ и самое ничтожное количество сѣна. Черное море, на которомъ останавливались всѣ надежды, въ концѣ февраля и въ августѣ неспокойно; къ тому же на Константиновской морской станціи, т. е. въ распоряженіи начальства Кубанской области, было весьма немного судовъ, да и тѣ должны были подвозить продовольствіе разомъ въ нѣсколько пунктовъ.

Принимая въ соображеніе все это, приказано войскамъ выступать съ самымъ ограниченнымъ количествомъ вьюковъ; переходить данную норму вьюковъ запрещено, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности (*). Для нижнихъ чиновъ палатокъ не велѣно брать совсѣмъ; на офицеровъ на пять или на шесть приходилось по одной, легкой, солдатскаго образца. Артиллеріи взято самое ограниченное количество. Кавалерія сначала не была даже введена въ составъ отряда вовсе.

Войскамъ не приказано двигаться изъ-подъ станицы Ширванской до тѣхъ поръ, пока не получитсѣ приказаніе отъ командующаго войсками. Надо было выждать что будутъ дѣлать послѣ 1-го февраля абадзехи.

Но вотъ 6-го числа прибылъ, послѣ свиданія съ графомъ Евдокимовымъ, начальникъ отряда, 7-го отслуженъ молебень, 8-го отрядъ въ полномъ составѣ потянулся на станицу Апшеронскую, а оттуда къ укрѣпленію Хадыжи, куда прибылъ 10-го февраля.

До Хадыжей дозволено имѣть колесный обозъ; до сихъ поръ уже была готова повозочная дорога. Далѣе приходилось идти на вьюкахъ. Въ Хадыжахъ Шишъ едва держался. Тонкій ледъ мѣстами ломался подъ тяжестію человѣка. Переправа совершилась благополучно; только одна повозка съ котлами ушла подъ ледъ. Черезъ день по переправѣ Шишъ разошелся.

(*) Норма дана слѣдующая: а) для поднятія котловъ и провизіи на каждую роту по три артельныя лошади; б) для патроновъ на каждую роту по одной подъемной лошади; в) подъ сухарный провіантъ на роту по четыре казенныхъ подъемныхъ лошади; г) подъ овесъ и сѣно по одной казенной подъемной лошади на роту; д) подъ четыре солдатскихъ палатки для офицеровъ каждаго баталіона по одной казенной подъемной лошади на баталіонъ; е) подъ офицерскіе вьюки, и въ томъ числѣ верховыя подъ баталіонныхъ командировъ, адъютантовъ, на каждый баталіонъ по десяти лошадей.

11-го числа отрядъ двинулся вверхъ по Пшишу. До укрѣпленія Гойтхъ войска дошли въ три перехода; но, остановившись послѣ перваго перехода у поста Мирнаго и послѣ втораго у Тухскаго, отрядъ занимался очищеніемъ окрестностей верховаго Пшиша, производя ежедневно движенія нѣсколькими колоннами по различнымъ направленіямъ. Подъ укрѣпленіе Гойтхъ даховскій отрядъ прибылъ 18-го февраля.

II.

Переходъ черезъ перевалъ и занятіе теченія рѣки Туапсе и бывшаго форта Вельминовскаго.

19-го февраля, въ день вступленія на престолъ нынѣ благополучно царствующаго императора, въ лагерь даховскаго отряда, подъ укрѣпленіе Гойтхъ, прибылъ командующій войсками Кубанской области, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ, и съ нимъ кабардинскій стрѣлковый баталіонъ, 1-й дивизионъ Тверскаго драгунскаго полка, три сотни 6-й бригады Кубанскаго казачьяго войска, двѣ сотни кабардинской милиціи. Тогда же въ составъ отряда зачисленъ находившійся въ гарнизонѣ укрѣпленія Гойтхъ 5-й баталіонъ Кубанскаго пѣхотнаго полка. Такимъ образомъ, даховскій отрядъ увеличился до 13½ баталіоновъ, шести орудіи, двухъ эскадроновъ и пяти сотенъ. По прибытіи графа, всѣ эти войска должны были двинуться за перевалъ, къ берегу Чернаго моря.

Все нагорное пространство около водораздѣла, верстъ на 15 по южному склону и верстъ на 35 или 40 по сѣверному, было покрыто глубокимъ и рыхлымъ слоемъ снѣга. Войскамъ предстояло двинуться по узкой и трудной горной тропѣ, слѣдъ которой былъ замеченъ совершенно. Чтобы уменьшить хотя сколько-нибудь предстоящія трудности, 19-го числа, съ утра, выслано изъ лагеря 600 человекъ рабочихъ съ лопатами и рота саперовъ—раскапывать снѣгъ. Къ сумеркамъ успѣли тропу расчистить версты на четыре.

Ночь съ 19-го на 20-е февраля была ненастная: шелъ то сильный дождь, то частый снѣгъ; съ горъ дулъ сильный холодный вѣтеръ. Поляна, гдѣ былъ лагерь, обратилась въ слой вязкой грязи, гдѣ пѣшеходъ вязнулъ четверти на полторы, а мѣстами выше колѣна. Палатки у офицеровъ и одежда у людей, въ полномъ смыслѣ, пропитались насквозь дождемъ и грязью. Можно представить себѣ, каково было собраться и выюкамъ и людямъ.

13½ баталіоновъ, шесть орудій и семь эскадроновъ и сотенъ для горной войны отрядъ очень большой. Горныя тропы обыкновенно такъ узки, что надо вытягиваться въ одного человека и въ одинъ конь. Весьма часто обойти стороною, обогнать впереди идущихъ нѣтъ возможности: съ одной стороны обрывъ, съ другой высь; какой-нибудь ординарецъ или посланный съ приказаніемъ задерживаетъ цѣлую колонну. Но это бы еще ничего, что задержать: только отрядъ будетъ долго тянуться; а дѣло въ томъ, что подвигаться приходится всегда потихоньку, шагъ за шагомъ. То надо лѣзть круто въ гору, останавливаясь послѣ нѣсколькихъ шаговъ перевести духъ, то спуститься съ опасностію ежеминутно оборваться въ кручу. А къ тому же у пѣхотинцевъ за спиною ранецъ съ сухарями дней на шесть, котелокъ, шанцевый инструментъ и проч. Необходимость ограничивать количество выюковъ заставляетъ навьючивать людей болѣе обыкновеннаго. Какой бы ни былъ морозъ, послѣ нѣсколькихъ верстъ похода, люди всѣ въ поту, точно будто на двадцати-градусной жарѣ. Про выюки же и говорить нечего: быть назначеннымъ въ коноводы ко выюкамъ солдаты считаютъ большимъ наказаніемъ: „тянешь, тянешь—говорятъ—лошадь, а она тебя въ обрывъ тащитъ“. Да на каждомъ шагу, то съ одной стороны о скалу, то съ другой о дерево выюкъ ударится и свернется въ сторону или совсѣмъ свалится: возись съ нимъ, а сзади всѣ стой и дожидайся. Обрывъ лошадей выючныхъ въ кручу и потеря вещей здѣсь дѣло весьма обыкновенное. Однимъ словомъ, тотъ, кто привыкъ къ походнымъ движеніямъ по ровному мѣсту, не можетъ себѣ и представить, что это такое походъ въ горахъ. За то люди, привыкшіе къ горнымъ походамъ, когда выйдутъ на плоскость, какъ, наприкладъ, войска кавказскія, изъ горныхъ отрядовъ попавъ на холмистыя предгорья лѣваго берега Кубани, дѣлаютъ легко переходы по 80 верстъ въ сутки и нисколько не считаютъ ихъ форсированными.

Но какъ ни тяжелъ походъ по горамъ, лѣтомъ онъ все легче и, въ особенности войсками привычными, выносятся безъ большихъ невзгодъ. При такой же обстановкѣ, при которой приходилось производить движенія даховскому отряду въ началѣ 1864 года, трудности превосходятъ всякія описанія. Иногда такъ круто, что и по сухому люди едва тащались бы, а тутъ нога скользитъ по грязи или проваливается въ снѣгъ. То вдругъ

цѣлая глыба снѣгу, гдѣ была прежде набита тропинка, обрвется и ринется внизъ вмѣстѣ съ людьми, или, въ особенности для арьергарда, тропу истопчуть и изомнуть такъ, что каждый разъ, чтобы сдѣлать шагъ, надо съ усиліемъ вытянуть ногу изъ грязи. Обувь облипааетъ со всѣхъ сторонъ тяжелыми массами грязи, весь съ головы до ногъ перепачкаешься, а сверху цѣлый день льетъ частый дождь или валитъ густой снѣгъ.

Начальникъ отряда имѣлъ въ виду перевести на истоки Туапсе черезъ перевалъ всѣ войска разомъ. Одинъ видъ громадной массы войскъ уже дѣйствуетъ панически на горцевъ. Движенія отрядовъ видны съ высотъ отлично, иногда за нѣсколько верстъ: „несмѣтное количество русскихъ идетъ“, говорятъ горцы; цѣлый день тянутся, тянутся — конца нѣтъ.

По той же причинѣ и на ночлегахъ бивуаки, если можно, разбиваются пошире, пораскидистѣе, да костровъ по ночамъ приказываютъ раскладывать побольше.

Чтобы не тревожить людей, отрядъ раздѣленъ былъ на три колонны. Первой приказано выступить въ пять часовъ утра; второй и третьей играть по возамъ и сборъ тогда, когда хвостъ предъидущей вытянется на ближайшій подъемъ. Продовольствія взято на десять дней, изъ того числа на четыре дня поднято на вьюкахъ.

Было еще совершенно темно, когда передовыя войска двинулись. Въ двухъ шагахъ нельзя было замѣтить человѣка. Впереди всѣхъ потянулся 3-й сводно-стрѣлковый баталіонъ, подъ начальствомъ подполковника Клюки-фонъ-Клугенау. За нимъ рота саперовъ и 500 рабочихъ съ лопатами, собранные со всѣхъ баталіоновъ отряда. Расчищенная наканунѣ тропы размылась водою: мѣстами человѣкъ или лошадь проваливались на цѣлый аршинъ. Миновавъ часть, расчищенную прежде, надо было разрывать снѣгъ вновь. Движеніе еще болѣе замедлилось. По сторонамъ тропы выдвигались стѣны изъ снѣга, вышиною въ сажень и больше. Головному же баталіону, прикрывавшему движеніе, пришлось шагать по цѣльному мѣсту. Вторая колонна начала вытягиваться часу въ первомъ пополудни, непосредственно за первой, а третья едва въ началѣ пятого часа, сейчасъ за второю. Начальникъ отряда слѣдовалъ при первой колоннѣ, за рабочими; командующій войсками со второю, со-

ставленную исключительно изъ кавалеріи. Вьюки всё были оставлены въ третьей колоннѣ.

Походныя движенія въ горахъ, не только въ отношеніи процесса похода отличны отъ походныхъ движеній на мѣстности ровной, но и относительно распредѣленія войскъ, порядка движенія должны имѣть свою особенность. Для того, чтобы главная масса войскъ могла слѣдовать спокойно и въ безопасности, какъ извѣстно, высылаются авангардъ и арьергардъ. Числительность и отдаленіе авангарда и арьергарда зависятъ отъ числительности отряда и непріятеля, котораго предполагаютъ встрѣтить, а также отъ свойствъ мѣстности. Чѣмъ мѣстность открытѣе, тѣмъ скорѣе, въ случаѣ нужды, можно дать знать въ главныя силы и выслать части на подкрѣпленіе авангарда. Здѣсь, въ горахъ, мѣстность пересѣчена въ высшей степени. Иногда версту надо идти два часа. Непріятель можетъ появиться внезапно, изъ-за какой-нибудь закрытой скалы или глубокаго ущелья. Количество непріятеля хотя приблизительно и извѣстно, но въ горахъ, легче чѣмъ гдѣ-нибудь, можетъ быть въ тайнѣ отъ насъ увеличено. Потому авангарда здѣсь лучше всего не отдѣлять вовсе, какъ и дѣлалось постоянно въ отрядѣ даховскомъ, а вести непосредственно передъ главными силами. Вьюки и обозъ обыкновенно идутъ сейчасъ же за войсками. Отдѣлить ихъ значило бы послать ихъ въ положеніе самостоятельнаго отряда, слѣдовательно потребовалось бы въ прикрытіе большее количество войскъ. Въ горахъ непріятель можетъ появиться скрытно со всѣхъ сторонъ, и если благополучно прошелъ отрядъ какой бы то ни было силы, нельзя еще надѣяться, что войска, которыя пойдутъ сзади, въ безопасности. По той же причинѣ арьергардъ при движеніяхъ наступательныхъ и авангардъ при отступательныхъ, слѣдуя непосредственно первый за второй передъ войсками и обозомъ, назначаются гораздо сильнѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ непріятеля рассчитываютъ встрѣтить преимущественно съ одной стороны. Изъ шести, на примѣръ, горныхъ орудій, имѣвшихся въ даховскомъ отрядѣ, обыкновенно два слѣдовали съ авангардными батальонами, два съ арьергардными и два гдѣ-нибудь въ серединѣ. Передъ отрядомъ и позади его высылаются нѣсколько звеньевъ, и какъ только входятъ въ лѣсъ или вообще въ мѣсто закрытое, также какъ только на мѣстности открытой завидится непріятель, разсыпаютъ цѣпь. Для безопасности со сторонъ мно-

гіе начальники отрядовъ, особенно въ прежнее время, распорядились такъ: массу войскъ направляли, напимѣрь, по низу ущелья, вдоль рѣчки, легчайшею дорогою, а вправо и влѣво, на гребняхъ сосѣднихъ высотъ, или, если они слишкомъ далеки, въ полугорѣ, посылали цѣпи стрѣлковъ съ небольшими резервами; цѣпи эти заключали отрядъ какъ въ ящикъ. Подобный порядокъ имѣетъ много существенныхъ неудобствъ. Движеніе по хребтамъ горъ или по скату въ полугорѣ, безъ дорогъ, затруднительно въ высшей степени. Почти безпрестанно встрѣчаются скалы, съ которыхъ надо спускаться на рукахъ, или подъемы, гдѣ надо карабкаться какъ кошка. Не говоря уже о томъ, что войска въ цѣпяхъ страшно утомляются, движеніе ихъ крайне медленно. Средней колоннѣ приходится иногда, въ буквальномъ смыслѣ, сдѣлать нѣсколько десятковъ шаговъ и ждать полчаса, часъ. Въ теченіе цѣлаго дня, выступивъ до разсвѣта, прійди на ночлегъ къ сумеркамъ, случалось, отрядъ дѣлалъ четыре или пять верстъ.

Между тѣмъ, почти всегда только съ нѣкоторыхъ высотъ можно ожидать появленія противника, а большая часть высотъ такова, что для задержанія нашего движенія занятіе ихъ бесполезно или даже невозможно. Опытный глазъ съ перваго взгляда опредѣляетъ это на мѣстѣ. Поэтому въ даховскомъ отрядѣ, вмѣсто движенія ящикомъ, дѣлалось постоянно такимъ образомъ: отрядъ тянется по тропѣ, весь въ совокупности, какъ было рассказано. Кромѣ цѣпей въ авангардѣ и арьергардѣ, какъ только встрѣтится въ сторонѣ высота, съ которой непріятель можетъ легко вредить намъ выстрѣлами, и въ особенности откуда ему удобно броситься въ шашки, тотчасъ же туда направляется рота, двѣ роты, взводъ или полувзводъ, смотря по надобности. Занявъ пунктъ, часть остается на немъ, пока пройдетъ весь отрядъ, и присоединяется къ арьергарду. Такой порядокъ нисколько не задерживаетъ движенія, и части, командированныя въ стороны, не утомляются.

На сколько важно при походныхъ движеніяхъ обезпечить заблаговременно путь занятіемъ высотъ, откуда противникъ можетъ дѣйствовать изъ ружей или бросаться въ шашки, на столько же, а иногда еще болѣе, важно занятіе тѣхъ мѣстъ, откуда онъ можетъ спускать на дорогу камни. Каждый удачно попавшій съ большой высоты камень наноситъ страшный вредъ; потому подводитъ войска подъ такія мѣста, пока онп

еще не заняты, значить навѣрное вызывать большую потерю. Понятно, что рѣшиться на это можно только въ случаяхъ крайней необходимости; а подвести, при обыкновенномъ движеніи, отрядъ подъ удары камней и бревень, доказываетъ прямо непредусмотрительность начальника.

Коснувшись особенности походныхъ движеній въ горахъ, нельзя не упомянуть и о томъ, что раздѣленіе отряда на колонны для движенія по нѣсколькимъ параллельнымъ дорогамъ здѣсь совершенно непримѣнимо, и поневолѣ приходится всѣ войска, какъ бы отрядъ великъ ни былъ, направлять по одной тропѣ. На мѣстности ровной, въ случаѣ опасности въ одной колоннѣ, нетрудно соединиться съ другою; въ теченіе всего перехода можно быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосѣдними колоннами, хотя бы разстояніе между дорогами было и значительное. Въ горахъ совсѣмъ не то. Вдоль каждаго ущелья обыкновенно идетъ одна тропа; если она и расходится на двое, на трое, то только временно, чтобы опять сойтись. Если направить часть войскъ по сосѣднему ущелью, то легко можетъ случиться, что она будетъ имѣть горячее дѣло и будетъ разбита, объ этомъ въ другихъ колоннахъ никто ничего и не узнаетъ. Часто хребты, раздѣляющіе ущелья, такъ высоки, что за ними не слышно даже выстрѣловъ, и такъ суровы и трудно-оступны, что поперекъ ихъ послать извѣстить даже человѣка, привыкшаго къ горамъ, нѣтъ возможности. А на картѣ ширина такого хребта, т. е. разстояніе между двумя тропами, иногда небольшое.

Возвратимся къ разсказу. Чѣмъ дальше поднимался отрядъ, тѣмъ больше встрѣчалось препятствій. На разсвѣтѣ пошелъ густой мокрый снѣгъ, залѣпившій глаза, и поднялась стужа. Спуски въ нѣкоторыя балки были такъ круты, что по тропамъ надо было нарѣзывать въ снѣгу ступени. Многіе предпочитали этимъ ненадежнымъ ступенямъ сѣсть на снѣгъ и просто скатиться. На одно изъ деревьевъ, въ густомъ лѣсу, возлѣ тропы, всѣ невольно обращали вниманіе: на верху, на сучкѣ, сидѣлъ замерзшій горецъ. Обнаженная, бритая голова его свѣсилась внизъ, точно будто уснулъ онъ, а косматая папаха валялась внизу по снѣгу. Оборванная черкеска едва прикрывала замерзшее тѣло, ноги были голы совершенно. Это былъ, вѣроятно, одинъ изъ пикетныхъ, наблюдавшихъ за русскими. Но вотъ наконецъ снѣгъ пересталъ и начали показываться ущелья, направленные

къ югу, слѣдовательно ущелье бассейна Туапсе. Одна за одной открывались впереди ярко-бѣлыя, то тупыя, округленныя, то остроконечныя вершины горъ южнаго склона. Вдругъ гдѣ-то впереди раздался выстрѣлъ — это горцы сигналъ даютъ — онъ повторился нѣсколько разъ въ окрестностяхъ, и долго слышны были вдали протяжныя дребезжащія крики. Поднялась у неприятеля тревога. Вскорѣ на ближайшихъ высотахъ показались группы людей, небольшія партіи горцевъ.

Переваль *Гойтхскій*, отъ Пшиша на Туапсе, вообще говоря, хорошъ; у горцевъ сообщеніе по немъ производилось весьма дѣятельное, и нѣтъ сомнѣнія, что современемъ здѣсь будетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ трактовъ на Кавказѣ. Путь этотъ соединяетъ устья Туапсе, средину кавказскаго берега, съ Майкопомъ и много сокращаетъ дорогу отъ моря на Ставрополь и Кубань. И съ той и съ другой стороны подъемы на переваль относительно невелики; можно провести путь такъ, что почти не замѣтишь, когда проѣдешь переваль. Съ переваломъ *Хакучинскимъ* (съ Пшехи на Псезуапѣ), *Пшехинскимъ* (съ Пшехи на рѣку Шахе), *Бьлорьченскимъ* (съ Бѣлой на Шахе), *Малолабинскимъ* (Псегашко, съ Малой Лабы къ Мзымту) и дальнѣйшими къ востоку его невозможно сравнивать. Вообще, чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ перевалы труднѣе. Послѣдній Туапсинскій (Гойтхскій), гдѣ можно поддерживать сообщеніе круглый годъ и нетрудно устроить колесную дорогу. У горцевъ движеніе здѣсь прекращалось только во время большихъ снѣговъ, на мѣсяць и даже менѣе. Въ февралѣ 1864 года онъ былъ въ такомъ положеніи, хуже котораго едва-ли бываетъ когда-нибудь.

Свѣдѣнія о дорогѣ отъ Гойтха по Чилипсу и Туапсе собиравшись давно. Я говорилъ уже о томъ, какъ мало данныхъ имѣлось обыкновенно на Кавказѣ для того, чтобы судить о пространствѣ, въ которое приходилось вступать отрядамъ впервыя. Надо было основываться исключительно на разсказахъ лазутчиковъ-горцевъ, а добиться отъ нихъ чего-нибудь обстоятельно почти невозможно. Какъ бы то ни было, знали, что на этомъ пути двѣ тѣсныя, два мѣста наиболѣе опасныя: 1) низовья Чилипсу, передъ впаденіемъ р. Чилипсу въ Туапсе, и 2) на урочищѣ Мевабу, на срединѣ теченія Туапсе. На остальномъ протяженіи ущелій, гдѣ проходитъ дорога, скаты съ обѣихъ сторонъ довольно развалисты. На этихъ-то двухъ тѣсныхъ

мѣстахъ, какъ говорили, и въ особенности на послѣднемъ, горцы думали остановить отрядъ. Впрочемъ, по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ январѣ и въ началѣ февраля, можно было полагать, что если отрядъ у Гойтха не будетъ мѣшкать и наступленіе къ морю будетъ произведено энергично, быстро, то горцы не успѣютъ собраться. Они были далеки отъ мысли, чтобы русскія войска въ состояніи начать движеніе въ самое суровое зимнее время, тѣмъ болѣе, что въ этотъ годъ, какъ нарочно, снѣгу на перевалѣ было особенно много. Поэтому-то успѣхъ занятія теченія Туапсе преимущественно обязанъ тому, что, во-первыхъ, наступленіе начато въ срединѣ февраля и, во-вторыхъ, что отрядъ двигался не шагъ за шагомъ, а, несмотря ни на какія препятствія, дѣлалъ переходы относительно большіе. Въ Гойтхѣ 18-го и 19-го февраля лазутчики сообщили, что общаго сбора нѣтъ. Группы горцевъ, показавшіяся на высотахъ, были жители ближайшихъ ауловъ.

Какъ только завидѣлся непріятель, голова колонны остановлена, чтобы стянуть хотя нѣсколько баталіоновъ.

Партизанская команда Севастопольскаго полка, слѣдовавшая, по обыкновенію, впереди, разсыпалась въ цѣпь и завязала небольшую перестрѣлку. Мало по малу подтянулись 3-й сводный, 21-й и севастопольскій стрѣлковые баталіоны, съ двумя горными орудіями. Приказано продолжать движеніе.

Ущелье рѣки Чилипсу по мѣрѣ отдаленія отъ водораздѣла становится уже и уже и оканчивается тѣсною съ почти вертикальными съ обѣихъ сторонъ стѣнами. Тропа шла низомъ, перебѣгая безпрестанно съ одного берега на другой. Высоты справа и слѣва доставляютъ непріятелю выгодныя позиціи. Въ обѣ стороны на горы высланы роты. Перестрѣлка увеличилась. При наступленіи нашихъ цѣпей, горцы тотчасъ же отходили назадъ. Подвигаться пришлось весьма медленно. Движеніе стрѣлковъ на высотахъ, за глубокимъ снѣгомъ и пересѣченностію мѣстности, было весьма затруднительно.

Около двухъ часовъ пополудни стрѣлки вышли въ долину Туапсе. Отойдя съ версту отъ мѣста впаденія Чилипсу по лѣвому берегу Туапсе, передовые баталіоны стали располагаться бивуакомъ. Это были выступившіе въ 5 часовъ утра. Остальные, одинъ за другимъ, подтянулись нескоро. Въ особенности замедлилось прибытіе выюковъ. Несмотря на то, что весь переходъ былъ восемь верстъ съ небольшимъ, арьергардъ до-

тащился къ 9-ти часамъ утра другаго дня, не отдыхая всю ночь. Вотъ что значитъ горный походъ большимъ отрядомъ!

5-й баталіонъ Кубанскаго полка, подѣ начальствомъ подполковника Лагоріо, какъ только перевалился на южный склонъ, направленъ былъ на одну изъ высотъ надъ ущельемъ Чилипсу. На него возложена постройка поста (чилипсинскаго) для обезпеченія сообщенія отъ Туапсе на Пшишъ. Онъ тотчасъ же началъ разгребать снѣгъ и заготовлять хворостъ. Оказалось, что тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгу было пять, шесть и болѣе аршинъ.

Потеря наша 20-го февраля состояла изъ одного раненаго рядоваго 21-го стрѣлковаго баталіона, и двухъ казачьихъ лошадей, оборвавшихся съ кручь.

Ночь съ 20-го февраля на 21-е была еще хуже предъидущей. Дождь все время лилъ ливнемъ. Все промокло. Между тѣмъ, въ отрядѣ очень мало къ кому успѣли подойти выюки съ вечера. мало кому удалось поѣсть на ночь теплаго. Солдаты мочили сухари и глодали ихъ. Даже костры развести было трудно: мокрый лѣсъ едва горѣлъ. Первое желаніе у людей, конечно, было осушиться. Но это оказалось невозможнымъ: сушить солдатъ грудь, у костра спдя, а спина, только-что передъ тѣмъ просушенная, уже снова замokла. Аммуниція, ранецъ, одежда, за что ни возмись, изъ всего выжимаешь воду. Полушубки, верхнее платье нижнихъ чиновъ, сдѣлались мягкими до крайности. У инаго полушубокъ былъ до колѣна, а тутъ вытянулся до пятокъ. Подъ полушубкомъ рубашка, нижнее платье, все пробрало водою насквозь. А глядя на ноги нельзя было опредѣлить, какова обувь: такъ много у каждаго на ногахъ было грязи.

Прибытіе въ одинъ переходъ большаго отряда на Туапсе произвело желаемое дѣйствіе. Къ вечеру 20-го же числа въ лагерь явились старшины окрестныхъ шапсуговъ, съ изъясненіемъ полной покорности. Жители пришли въ ужасъ. Большинство, видя громаду, которая ломитъ въ ихъ землю, не взирая ни на что, не думали уже драться, а спѣшили вывезти свои семьи и имущество. Старшины просили дозволить имъ безпрепятственный проѣздъ къ берегу моря и отправленіе въ Турцію. Имъ назначенъ послѣдній срокъ. но прибавлено, что если ночью и по утру, по примѣру цѣлаго дня 20-го числа, горцы будутъ сгрѣбать въ лагерь, то завтра же окрестные аулы унич-

тожатся дотла. Всѣ эти переговоры ведены были, по порученію командующаго войсками, начальникомъ отряда. Генералу Гейману лучше чѣмъ кому-нибудь было извѣстно положеніе дѣлъ въ краѣ. Издавна уже, дѣйствуя съ отрядомъ въ полосѣ сѣвернаго склона, ближайшей къ водораздѣлу, онъ безпрестанно вступалъ въ сношенія съ вліятельнѣйшими людьми и старшинами южной стороны горъ. Да и горцамъ онъ былъ знакомъ больше чѣмъ кто-нибудь.

Продолжать 21-го числа движеніе далѣе значило бы крайне утомить войска. Въ одинъ день большой партіи собраться не могло, а войска хотя нѣсколько оправились бы. Къ тому же былъ предлогъ, который въ глазахъ горцевъ выставлялъ дневку не промедленіемъ, а сдѣланною съ цѣлю. Несмотря на обѣщанія старшинъ, всю ночь и все утро стрѣльба въ лагерь съ высотъ со всѣхъ сторонъ не прерывалась. 21-го числа было назначено сдѣлать движеніе, налегкѣ, нѣсколькими колоннами, въ окрестности для уничтоженія ауловъ.

Непривлекателенъ былъ первый бивуакъ русскихъ на Туапсе. Поляна, на которой раскинулся кругомъ отрядъ, занесенная снѣгомъ, вскорѣ по приходѣ войскъ сдѣлалась грязна и топка не менѣе, какъ было на Гойтхѣ. Растоптанный снѣгъ перемѣшался съ рыхлою пахатною землею. Спустишь ноги съ постели, чтобы стать въ серединѣ палатки — и завязнешь на четверть, на двѣ. А мѣста получше, гдѣ бы разбить палатку, рѣшительно не найдешь. Можно представить себѣ, въ какомъ положеніи въ зимнихъ походахъ было небогатое имущество офицеровъ. По полу палатки по всевозможнымъ направленіямъ текутъ потоки грязной воды, а сверху цѣлую ночь, цѣлый день и опять цѣлую ночь барабанить частый, крупный дождь. Если бы еще былъ морозъ, какъ обыкновенно зимою, можно бы выкопать въ серединѣ яму и наложить туда съ костра жару. А тутъ и сырость и стужа, а ничего неподѣлаешь. Думаешь, что, прійдя на бивуакъ, отдохнешь, сбросивъ промокшее платье, ринешься на постель — вдругъ оказывается, что она насквозь пропиталась водою; дорогою выюкъ или въ рѣку упалъ, или просто дождемъ промочило его совсѣмъ. Поневолѣ ни день, ни ночь не выходишь изъ сырости и мокроты. Если бы подобная обстановка продолжалась нѣсколько дней или недѣль, все бы нипочемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что ей почти не видно было конца. Уже нѣсколько лѣтъ, на западномъ Кавказѣ, отряды

находились въ горахъ, въ краѣ суровомъ и безлюдномъ, на сотни верстъ отъ жилыхъ мѣстъ, безсмѣнно и зиму и лѣто. Прїѣхать въ станцію, помѣститься въ скверной курной избѣ офицеры считали блаженствомъ: тамъ сухо и тепло, что въ походѣ зимою случается рѣдко.

А нижніе чины горныхъ отрядовъ даже забыли, какъ живутъ подъ крышею. Палатки для нихъ не брались почти никогда: и съ кухнями да съ офицерскими вьюками возни много. Въ двадцати-градусный холодъ, въ сильнѣйшій, продолжительный дождь они ночуютъ подъ открытымъ небомъ. Хорошо, если случится близко бивуака ауль: можно натаскать досокъ и устроить навѣсъ; а изъ хвороста безъ листьевъ зимою, не такъ, какъ лѣтомъ, не устроишь никакого балагана. Гдѣ покажется солдатику получше, тамъ онъ ляжетъ и спитъ. Случалось, зимою выйдешь изъ палатки пройтись—вдругъ въ темнотѣ наткнешься на что-то: думаешь, вѣрно бревно валяется, занесенное снѣгомъ, а окажется, спитъ „служба“, прикурнувъ и согнувшись подъ неизмѣннымъ спутникомъ и другомъ походнымъ — сѣрою боевою шинелью. Единственная отрада солдата на бивуакѣ—ярко пылающій костеръ. Зимою въ каждой ротѣ ихъ разведутъ по многу. Кто только свободенъ, сейчасъ къ костру, и все время около него пробавляется. Но и это удовольствіе достается не даромъ. Хорошо, если лѣсъ близко; а большею частію, не успѣвъ сбросить ранецъ, несмотря на усталость, поднимайся куда-нибудь на высокую гору, дровъ нарубить. Мало того: при такихъ трудахъ, пища по необходимости самая скудная. Свѣжей зелени и хлѣба имѣть съ собою невозможно. О щакѣ и кашѣ нѣтъ и помину. Нерѣдко чистой воды достать негдѣ, а процѣживать некогда. Хорошо еще, если мяса можно промыслить достаточно. Вся ѣда — одно блюдо: незатѣйливая кашпца, съ размоченными въ ней сухарями; но и то бываетъ готово, очень часто, не ранѣе поздняго вечера. И ко всѣмъ подобнымъ невзгодамъ люди такъ привыкаютъ, что не только не ропщутъ, но смотрятъ на нихъ какъ на самое обыкновенное дѣло и непригораются развѣ тогда, когда уже больно жутко приходится. За то свѣжему, постороннему человѣку нельзя не преклониться передъ подобными людьми, нельзя не отдать справедливости, что съ такими войсками нѣтъ ничего невозможнаго.

Нѣсколько строкъ назадъ, мы говорили, что порядокъ походныхъ движеній въ горахъ неодинаковъ съ порядкомъ поход-

ныхъ движеній на плоскости. Мы, кажется, достаточно пояснили, что различіе происходитъ только отъ примѣненія къ мѣстнымъ условіямъ общихъ правилъ военнаго дѣла, остающихся и для горной войны неизмѣнными. Слѣдовательно, говорить, напримеръ, что война на Кавказѣ велась совершенно оригинально и что знаніе военнаго дѣла вообще не могло приносить здѣсь пользы, было бы несправедливо. То же самое скажемъ теперь и о расположеніи бивуаковъ и лагерей.

Въ горахъ кавказскихъ, какъ мы упоминали, на первый планъ выступало условіе, что непріятель можетъ легко, подойдя скрытно, производить нападенія со всевозможныхъ сторонъ. Понятно поэтому, что здѣсь бивуаки и лагеря не могли быть, какъ въ европейской войнѣ, обращены въ одну сторону и обезпечены аванпостами только спереди. Понятно также, что, для полной безопасности, они не должны быть разбросаны малыми частями.

Даховскій отрядъ обыкновенно располагался слѣдующимъ образомъ.

Какъ бы великъ отрядъ ни былъ, весь онъ стягивался вмѣстѣ или, въ особенныхъ, рѣдкихъ случаяхъ, раздѣлялся надвое. Выбиралось мѣсто по возможности ровное и просторное. вблизи воды и лѣса, наблюдая, чтобы вокругъ его было поменѣ командующихъ высотъ. Баталіоны становились одинъ возлѣ другаго, лицомъ во всѣ стороны, большею частію развернутымъ фронтомъ, чтобы внутреннее пространство оставалось побольше. Вьючный обозъ и всѣ лошади, также кавалерія, помѣщались всегда въ серединѣ; артиллерія, снятая съ передковъ—на пунктахъ выгоднѣйшихъ. Линіи баталіоновъ рѣдко могли быть прямыми: соображаясь съ мѣстностію, онѣ или вытягивались дугою, или были изогнуты. Однимъ словомъ, все направлено къ тому, чтобы, въ случаѣ тревоги, противникъ не могъ ворваться во внутрь и не было бы суматохи.

Порядокъ охраненія лагеря видоизмѣняется также. Обыкновенно линія аванпостовъ состоитъ изъ парныхъ часовыхъ, съ небольшими резервами. Чѣмъ лучше видно, тѣмъ рѣже ставятся пары или ведеты. Въ горахъ можно выбрать такія мѣста, откуда ясно видно кругомъ на нѣсколько верстъ. Слѣдовательно, тутъ наблюдательные пункты могутъ быть гораздо рѣже. Съ другой стороны, каждый изъ пунктовъ отдѣльно можетъ, совершенно неожиданно, подвергнуться нападенію. Подоспѣтъ на

помощь по крутымъ подъемамъ не такъ-то легко и скоро. Если бы на высотахъ кругомъ лагеря разставлятъ только пикеты по два, по четыре человекъ, то ихъ легко могли бы, въ особенности ночью, вырѣзать. Потому обыкновенно на болѣе важные наблюдательные пункты высылаются команды въ 10, 20, 30, и болѣе стрѣлковъ, съ унтеръ-офицерами или офицерами, и приказываютъ имъ огородиться засѣкою изъ хвороста, сложить изъ камня или изъ срубленныхъ деревь небольшой, кольцеобразный заваль или вообще укрѣпиться какъ только найдутъ удобнѣе. Двѣ, три, четыре такихъ засѣки охраняютъ лагерь довольно большаго отряда. Разумѣется, если, независимо отъ засѣки, почему-нибудь потребуются наблюдательные посты на пункты, немного удаленные отъ лагеря или отъ засѣкъ, куда, въ случаѣ нужды, легко подослать помощи, высылаются и небольшіе пикеты. Наконецъ, если надо наблюдать за тропинкою, оврагомъ или ущельемъ какимъ-нибудь, если есть мѣсто при этомъ помѣстить людей скрытно и имъ можно при опасности отступить незамѣченными, назначаются секреты. На ночь кромѣ того каждая часть высылаетъ передъ себя нѣсколько залоговъ или секретовъ, размѣщая ихъ смотря по надобности.

Итакъ, 21-го февраля, отрядъ долженъ былъ оставаться на мѣстѣ; въ окрестности лагеря назначено движеніе тремя колоннами, для уничтоженія туземныхъ жилищъ. Первая колонна, подполковника Клюки-фонъ-Клугенау—13 ротъ и двѣ сотни казаковъ; вторая, майора Щелкачева—семь ротъ съ дивизиономъ драгуновъ и милиціей; третья, майора Попова-Азотова—одиннадцать ротъ. Первые двѣ переправились чрезъ Туансе и пошли по ущельямъ правыхъ притоковъ; третья направлена въ ущелья лѣваго берега. Имъ кстати велѣно запасться фуражемъ. Уже двѣ недѣли, какъ лошади въ отрядѣ не видѣли сѣна. У артиллеристовъ и драгуновъ еще оставалось немного овса; офицерскимъ и казенно-подъемнымъ лошадямъ приходилось кормиться полусгнившими папоротниками, снятыми съ крышъ горскихъ саклей. Кто на фуражировкѣ найдетъ связку соломы, считаетъ себя особенно счастливымъ. Передъ вечеромъ всѣ три колонны возвратились на бивуакъ. Сожжено нѣсколько десятковъ ауловъ, и фуражиры привезли скудный кормъ для коней.

Потери въ войскахъ не было.

Вечеромъ 21-го числа снова пріѣхали къ генералу Гейману старшины, прося подтвержденія вчера даннаго срока и обѣщая

впредь строго слѣдить за точнымъ соблюденіемъ обѣщанія. Дѣйствительно, ночью на 22-е число уже не стрѣляли по лагерю.

22-го числа отрядъ передвинулся на 13 верстъ внизъ по Туапсе. Этотъ переходъ былъ гораздо легче предъидущаго. Снѣгу чѣмъ дальше, тѣмъ было меньше. До впаденія въ Туапсе рѣчки Пшинахо долина широка и развалиста. Далѣе за урочищемъ Мевабу начинается тѣснина. Движеніе исполнено благополучно. Шапсуги не только не задерживали отряда, но съ разныхъ сторонъ выѣзжали на встрѣчу депутаціи мѣстныхъ старшинъ. Всѣ онѣ изъявляли готовность исполнить немедленно наши требованія. Въ этотъ день выбѣжали къ нашимъ войскамъ изъ горъ нѣсколько русскихъ плѣнныхъ. Одинъ изъ нихъ вышелъ какъ разъ на свою бывшую роту. Онъ былъ взятъ два года назадъ, гдѣ-то на берегахъ Бѣлой. Всѣ эти плѣнные, оборванные, въ рубищахъ, казались счастливыми въ высшей степени. Они рассказывали, что весь окрестный шапсугскій народъ растерялся. Внезапность и быстрота наступленія поразили всѣхъ какъ громомъ. Большая часть бросились къ домамъ вывозить семьи и вещи.

Но въ то же время, какъ старшины шапсугскіе и масса народа изъявляли безусловную покорность, небольшія партіи горцевъ, провожая отрядъ по сторонамъ, выискивали случай нанести намъ хотя какой-нибудь вредъ. То справа, то слѣва слышались выстрѣлы. На небольшую команду 3-го севастопольскаго баталіона, охранявшую больныхъ и отставшую за трудностію дороги отъ общей колонны, въ глухомъ мѣстѣ ущелья бросились нѣсколько горцевъ въ шашки: двое рядовыхъ положены на мѣстѣ, а одинъ, получивъ семь тяжелыхъ ранъ шашками, кой-какъ доплелся до своихъ.

Для ночлега отрядъ раздѣленъ на двѣ части. Если бы стягивать весь вмѣстѣ, хвосту пришлось бы прибыть поздно ночью. Одна часть, 7½ баталіоновъ пѣхоты, 4 горныхъ орудія и вся кавалерія, стянулась на бивуакъ въ девяти верстахъ отъ моря, а пять баталіоновъ со взводомъ артиллеріи остались въ 2½ верстахъ сзади, близъ урочища Мевабу, недалеко отъ входа въ тѣснину. Графъ Евдокимовъ и генераль Гейманъ находились при первой колоннѣ; вторая ввѣрена полковнику Габаеву.

„Завтрашній день дойдемъ до моря“, было только и разговора въ отрядѣ весь вечеръ 22-го числа. Завтрашняго дня всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ. „И что это такое за море?“ спраши-

вали солдаты своихъ товарищей. „Слышать слыхалъ, а видать никогда не видалъ“, отвѣчали большею частію. „И какъ это воды столько, что конца ей не видно?“ возражали иные. Да и какъ было не интересоваться моремъ! Большинство, не только нижнихъ чиновъ, но и офицеровъ въ отрядѣ, никогда не бывало на берегу моря. Но не столько новостъ предмета всѣхъ занимала, какъ каждому хотѣлось освободиться отъ тяжелаго, давящаго васъ, если такъ можно выразиться, вліянія горъ. Уже сколько времени даховскій отрядъ находился безвыходно въ горахъ. Куда ни оглянешься, крутые, суровые свѣсы, глубокіе обрывы, глухія ущелья, замкнутыя со всѣхъ сторонъ котловины. Не вѣрилось, что передъ нами представится ровное, безграничное, отсюду открытое пространство. Море въ умахъ всѣхъ представлялось чѣмъ-то завѣтнымъ; казалось, съ достиженіемъ его, будетъ положенъ конецъ всѣмъ бѣдствіямъ, сопряженнымъ съ горнымъ походомъ.

Въ сумерки вернулся съ устья Туансе лазутчикъ и сообщилъ, что нѣсколько дней въ виду берега держатся наши пароходы. Это были посланные по распоряженію графа Евдокимова изъ Константиновской морской станціи военныя суда, съ грузомъ провіанта, четырьмя орудіями и баталіономъ для десанта. На завтра надѣялись десантъ увидѣть на берегу и провіантъ хотя частію выгруженнымъ. Съ другой стороны, вдоль берега моря, не завтра, такъ послѣ завтра, ожидалось прибытіе войскъ джубгскаго отряда. Но не тутъ-то было: въ ночь поднялся вѣтеръ, забушевало море, и къ разсвѣту суда скрылись. Они возвратились въ цемесскую бухту, къ укрѣпленію Константиновскому, а войска джубгскаго отряда были остановлены разлившимися рѣками. О приморскихъ шапсугахъ лазутчикъ говорилъ, что они не только не думаютъ сопротивляться, но вышлютъ старшинъ на встрѣчу.

Ночью въ лагерь пріѣхалъ вліятельнѣйшій изъ приморскихъ шапсугскихъ старшинъ—хаджи-Каспулатъ-Сау. Онъ жилъ близъ берега моря, недалеко отъ устья Туансе, на правомъ берегу этой рѣки. Представитель одной изъ самыхъ почетныхъ фамилій, умный, богатый, онъ ворочалъ всѣми окрестными жителями. Хорошо понимая, что у него и его единоплеменниковъ не станетъ силы сопротивляться русскимъ, онъ рѣшился покончить дѣло путемъ мирнымъ. Явившись къ генералу Гейману, хаджи съ первыхъ же словъ объявилъ, что онъ и всѣ примор-

скіе у устьевъ Туапсе шапсуги отказались отъ всякихъ притязаній на землю и считаютъ ее уже собственностію русскаго государя. Онъ просилъ только дать имъ возможность съ семьями и имуществомъ въ безопасности сѣсть на суда и уѣхать въ Турцію. Хаджи безпрестанно вспоминалъ про абадзеховъ, говорилъ, что они сами, упорствуя въ исполненіи требованій русскихъ, разорили себя, и прибавлялъ, что если это богатое, воинственное и многочисленное племя не въ состояніи было устоять, то имъ, шапсугамъ, нечего и пробовать бороться. Въ довершеніе всего онъ упоминалъ про свое вліяніе на народъ, про то, что уговорилъ сосѣдей не поднимать оружія, и обѣщаль завтра выѣхать съ почетомъ на встрѣчу.

Ночлеги съ 22-го на 23-е февраля были уже въ той прибрежной полосѣ, гдѣ снѣгу почти не бываетъ. Бивуаги первой колонны помѣщались въ котловинѣ, представлявшей собою одинъ большой сплошной садъ, съ множествомъ орѣховыхъ и другихъ фруктовыхъ деревьевъ. На разсвѣтъ, когда пробили генераль-маршъ, все было подернуто легкою изморозью. Баталіоны собрались и выстроились какъ-то особенно скоро. Вьюки также на этотъ разъ не заставили дожидаться. На лицахъ всѣхъ можно было прочесть еслі не радость, то покрайней мѣрѣ полное спокойствіе и удовольствіе. Видно было, что настоящій переходъ выдается изъ прочихъ.

Дорога къ морю вела вдоль теченія Туапсе. Ущелье отъ мѣста ночлега внизъ версты на четыре очень тѣсно; рѣка прорыла себѣ русло между крутыми, высокими горами. Туземная тропа безпрестанно переходила съ одного берега на другой, обходя скалы. У горцевъ не было средствъ пробить тропу въ отвѣсномъ камнѣ, да и некому было взяться за работу. На этомъ самомъ мѣстѣ, три мѣсяца спустя, была готова, вдоль праваго берега, отличная широкая дорога. При слѣдованіи же отряда надо было нѣсколько разъ переходить черезъ воду.

Если увидѣтъ Туапсе, какъ и всякую горную рѣку, впервые среди лѣта, то трудно даже представить себѣ, что дѣлается съ нею весною, когда таютъ снѣга. Изъ тихой и мелководной она обращается въ шумную, глубокую, пѣнящуюся. То и дѣло подмываются берега, сворачиваются камни; быстротою уносятся все, что ни встрѣтится. Переправа тогда становится весьма трудною. Стремительность теченія сшибаетъ съ ногъ людей и коней. На днѣ изъ крупныхъ камней и обломковъ скалъ нуж-

ны большія усилія, чтобъ удержаться, особенно съ тяжелою ношею или ведя, разумѣется неохотно подающуюся, лошадь подъ выюкомъ. Глубина бродовъ на Туапсе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходила до груди. Привычные солдаты, поднявъ вверху ружья и патронташи и большая часть разувшись, потихоньку, осторожно, помогая другъ другу, перебирались черезъ бурливую рѣку. Одного снесеннаго рядоваго Севастопольскаго полка не было возможности удержать. Его закрутило и затопило.

Начальникъ отряда, со штабомъ и съ конвойною командою, вѣхалъ впереди всѣхъ.

Еще рано по утру человекъ тридцать почетныхъ шапсугскихъ старшинъ, въ парадныхъ одеждахъ и на лучшихъ своихъ коняхъ, выѣхали навстрѣчу. Они были представлены генераломъ графу и, слѣдя все время потомъ въ конвоѣ начальника отряда, сами показывали дорогу. Съ дѣтскимъ любопытствомъ разглядывали недавніе наши враги теперешнихъ спутниковъ.

Но вотъ наконецъ сдѣланъ послѣдній поворотъ по ущелью и завидѣлось вдаль давно желаемое море. Горы не позволяли раскрыться разомъ большому пространству: сначала показалась только частица въ глубинѣ длиннаго ущелья Туапсе. Всѣ вдругъ повеселѣли; начальникъ отряда вѣхалъ на ближайшій бугоръ и остановился подождать баталіоны. За нимъ послѣдовалъ штабъ, и одинъ за другимъ поздравили генерала съ занятіемъ моря, а другъ друга съ совершеніемъ событія, котораго всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ. Это была одна изъ минутъ, которыя забываются нескоро. Небольшой, въ ту пору, штабъ, составленный исключительно изъ коренныхъ чиновъ даховскаго отряда, испытывалъ какъ бы семейное, домашнее празднество. Многіе прослезились; всѣ искренно сочувствовали дѣлу. „Такъ вотъ наконецъ мы къ морю пришли“, сказалъ начальникъ отряда. „Мы не сами пришли, а вы насъ привели“, отозвался кто-то. Шапсугскіе старшины, видя всю эту сцену, слѣзли съ лошадей и, подойдя къ генералу, протягивали руки и также поздравляли. „Съ чѣмъ же вы-то поздравляете?“ возразилъ онъ. „Намъ пріятно, что ты, а не кто другой пришелъ къ намъ первый“, отвѣчали шапсуги. Подошелъ головной, севастопольскій стрѣлковый баталіонъ. Передъ каждой ротой были впереди пѣсенники. Звонкая

русская пѣсня, съ бубнами и кларнетами, раздавалась по ущелью Туапсе. При видѣ моря, громкое „ура!“ заглушило звуки и полетѣли вверхъ папахи. Радость была общая, непритворная.

Хаджи-Каспулатъ, съ ассистентами, выѣхалъ близъ самаго моря. Масса сопровождавшихъ начальника отряда туземцевъ чѣмъ дальше, тѣмъ становилась больше.

Черезъ часъ устье Туапсе и бывший фортъ Вельяминовскій были въ нашихъ рукахъ.

Все это время шелъ дождь и съ моря дулъ сильный порывистый вѣтеръ. Небо заволокло тучами; ближайшія горы то открывались, то закрывались. Волненіе и прибой были очень сильны. На горизонтѣ моря не было видно ничего. Нѣсколько турецкихъ кочермъ стояли возлѣ берега, вытянутыя на сушу. На нихъ грузились горцы, отъѣзжающіе въ Турцію. Возлѣ устроился цѣлый таборъ переселенцевъ, съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Это было на широкой полянѣ, образованной наносами изъ горъ при самомъ устьѣ Туапсе.

Фортъ Вельяминовскій находился на небольшой плоской возвышенности, сейчасъ возлѣ моря, на правомъ берегу Туапсе, въ нѣсколькихъ стахъ сажняхъ отъ рѣки. Когда-то онъ былъ отдѣланъ какъ игрушка, полонъ постройками для помѣщенія гарнизона, съ небольшимъ садомъ снаружи и аллеями тополей по спуску къ морю и въ серединѣ. Въ 1854 году все это было взорвано и разрушено. Десять лѣтъ спустя, 23-го февраля 1864 года, даховскій отрядъ засталъ на мѣстѣ форта только ничтожные слѣды его. Видны были мѣста разрушенныхъ стѣнъ, ровъ передъ ними, наполовину засыпанный, да кое-гдѣ едва сохранившійся фундаментъ зданій. Обломки тесаныхъ камней, изъ которыхъ были сложены постройки, валялись всюду. Внизу у самаго моря, гдѣ приставали кочермы, изъ камня былъ сложенъ наскоро рядъ сараевъ. Прежде въ сараяхъ этихъ помѣщались пріѣзжіе изъ Турціи съ товарами торговцы, а теперь здѣсь укрывались отъ непогоды семейства переселенцевъ. Въ разныхъ мѣстахъ найдено шестнадцать нашихъ старыхъ чугунныхъ испорченныхъ орудій.

На мѣстѣ бывшаго форта, при приближеніи войскъ, не было ни души.

Отрядъ стянулся въ лагерь въ балку, близъ устья Туапсе. Въ ущельи, въ одиннадцати верстахъ отъ моря, оставлена ко-

лонна полковника Габаева: два баталіона со взводомъ горной артиллеріи.

Такимъ образомъ, все теченіе Туапсе и бывшій фортъ Вельяминовскій были заняты почти безъ потери. Мало того, какъ увидимъ ниже, прямымъ послѣдствіемъ занятія Туапсе было покореніе пространства почти до Псезуапе. И все это произошло, повторямъ, оттого, что, во-первыхъ, наступленіе начато еще зимою, во-вторыхъ, что оно ведено было рѣшительно.

III.

Пребываніе отряда подъ постомъ Вельяминовскимъ. — Устройство туапсинской кордонной линіи. — Переселеніе горцевъ въ Турцію. — Изъявленіе покорности обществами, жившими по Шепсы, Мокопсе и низовьямъ Ашше. — Рекогносцировка съ моря части южнаго склона до Сочи и предположеніе о дѣйствіяхъ отряда въ мартѣ и апрѣлѣ. — Движеніе къ устью рѣки Псезуапе и занятіе бывшаго форта Лазарева.

Близъ устья Туапсе даховскій отрядъ простоялъ отъ 23-го февраля до 4-го марта. Многія причины не позволяли двинуться далѣе раньше.

Прежде всего надо было запастись провіантомъ. День шель за днемъ, а пароходы изъ укрѣпленія Константиновскаго не показывались. Всѣ удивлялись, что это значить. Правда, почти все время погода стояла ненастная и море было неспокойно. „Но почему же кочермы ходили свободно, а наши военныя суда не смѣли показываться?“ говорили въ лагерь. Съ собою у войскъ было взято продовольствія только по 1-е марта. Чтобы не пришлось голодать, на другой же день по прибытіи къ морю велѣно имѣвшійся провіантъ растянуть по 5-е марта, а взамѣнъ уменьшенной дачи сухарей довольствоваться людей полуторафунтовою порціею мяса: скота продавали переселенцы много и по дешевой цѣнѣ. Кромѣ того, 27-го февраля, посланы въ укрѣпленіе Гойтхъ отъ всѣхъ частей выючныя лошади, подъ прикрытіемъ 21-го стрѣлковаго баталіона. Колоннѣ этой пришлось пройти тридцать-пять верстъ по отвратительной, измятой отрядомъ, гдѣ грязной, гдѣ снѣжной, горной тропѣ и, взявъ провіантъ въ пропорціи на шесть дней, тотчасъ же возвратиться къ морю. 27-го числа погода установилась и море сдѣлалось тихо. 28-го, рано по утру, къ общему удовольствію, на туапсинскій рейдъ прибыла изъ Новороссійска эскадра изъ четырехъ паровыхъ шкунъ. Два сигнальные выстрѣла изъ горныхъ орудій извѣстили объ этомъ весь отрядъ. Лагерь ожилъ. Явились новыя лица; привезли сухарей,

муки, патроновъ, артиллерійскихъ зарядовъ. Приѣхалъ марки-тантъ со всякой всячиной. Графу Евдокимову прислано извѣ-стіе о производствѣ его въ чинъ генерала-отъ-инфантеріи. Ста-рику-ветерану было особенно пріятно получить вѣсть о мило-сти царской именно въ такой обстановкѣ. Дессантнаго баталіо-на на этотъ разъ не было. Для вооруженія береговыхъ по-стовъ привезены четыре орудія: два облегченныхъ и два лег-кихъ, съ зарядными ящиками, прислугою и всею принадле-жностію, но безъ лошадей. На взморья началась сцена, до тѣхъ поръ въ отрядѣ не виданная. Наскоро устроили на козлахъ пристань. Къ пароходамъ и отъ пароходовъ безпрестанно сно-вали баркасы. Надо было сгружать съ нихъ кули съ провіан-томъ, ящики съ патронами. Множество солдатъ суетились, гол-кали другъ друга, не знали, какъ взяться за работу. Огромныя толпы любопытныхъ совалили со всѣхъ сторонъ. Никакими средствами нельзя было водворить порядокъ. Весь грузъ сна-чала складывали на берегу. Куда ни оглянешься, вездѣ были груды. Тамъ бочки какія-то и возлѣ нихъ хлопочетъ торго-вецъ-грекъ; здѣсь колесо отъ лафета, зарядные ящики безъ колесъ. Въ третьемъ мѣстѣ деньщикъ складываетъ офицерскія вещи, въ четвертомъ офицеръ выходитъ изъ себя, распредѣляя рабочихъ перетаскивать грузъ со взморья наверхъ, на постъ въ магазинъ. Въ первый разъ людямъ отряда пришлось про-изводить выгрузку. Очень многіе пришли только взглянуть на пароходы; пныхъ невозможно было отогнать отъ берега: такъ они были заняты зрѣлищемъ. Интересныя замѣчанія слышны были отсюду. „А какъ же это, сказывали, море-то Черное—говорилъ, напримѣръ, какой-то солдатикъ—вишь оно совсѣмъ не такое.“ Никто не разрѣшилъ ему его недоумѣнія. Въ тотъ же день, къ вечеру, въ недавно-занятомъ Вельяминовскомъ стояли бунты съ провіантомъ; передъ ужиномъ то тамъ, то здѣсь кричали „ура!“, роты пили водку и ромъ. Офицеры при-бавили къ скудному походному столу своему кто что успѣлъ захватить изъ провизіи, доставленной откуда-то купцомъ-афе-ристомъ.

На развалинахъ бывшаго форта Вельяминовскаго возведенъ постъ Вельяминовскій. По слѣду прежней ограды сложена на-сухо новая, изъ камней, собранныхъ возлѣ. Вышла слабая тѣнь нѣкогда сильнаго укрѣпленія. Въ отрядѣ нашлись офице-ры, старослуживые береговой линіи, которые жили долго въ

фортъ. Вотъ здѣсь—разсказывали они—былъ домъ комендантскій; здѣсь офицерскій флигель; тутъ, въ садикѣ, по воскресеньямъ, играла незатѣйливая доморощенная музыка, были гулянья. А вотъ въ этой сторонѣ—показывали недалеко за крепость, къ горамъ—тамъ, за деревьями, обыкновенно на курганѣ, какъ только кто выйдетъ изъ ограды, сейчасъ же стрѣляютъ. Страшны были тогда горцы. Бѣдный гарнизонъ, въ полномъ смыслѣ, сидѣлъ замкнутымъ въ четырехъ стѣнахъ. Лѣсъ вездѣ росъ вблизи, а для топлива привозился пароходами каменный уголь. Камень, изъ котораго были выведены стѣны и зданія, доставлялся по страшно-высокой цѣнѣ изъ Керчи, а тутъ же, недалеко, за версту, за двѣ отъ моря, имѣлись и имѣются отличныя каменоломни. Чуть ли не каждый день въ окрестностяхъ слышались выстрѣлы. Окрестные горцы, какъ разсказывали они теперь, видѣли въ этомъ забаву и удовольствіе. Какъ есть свободное время, такъ горецъ заряжаетъ ружье и идетъ куда-нибудь на курганъ къ морю караулить, не представится ли случай пустить лишнюю пулю. Между тѣмъ, многія семейства жили спокойно и весело; нѣкоторые, когда велѣно было взорвать укрѣпленія, со слезами разставались съ этимъ повидимому грустнымъ жилищемъ. Какая разница нынѣ, когда войска наши спустились съ горъ, съ тѣхъ самыхъ горъ, которыя прежде казались недосягаемыми! Не хотѣлось вѣрить разсказамъ о минувшемъ.

Кромѣ поста Вельяминовскаго, на взморьѣ, и Чилипсинскаго, по Чилипсу, для обезпеченія сообщенія съ укрѣпленіемъ Гойтхъ, возведено еще нѣсколько постовъ вдоль теченія Туапсе. Такимъ образомъ составила туапсинская кордонная линія, по которой съ каждымъ днемъ движеніе увеличивалось. Въ мартѣ, въ апрѣлѣ здѣсь безпрестанно встрѣчались изъ Екатеринодара, Майкопа и другихъ мѣстъ торговцы, а въ іюнѣ и іюлѣ у устья Туапсе образовалось уже родъ небольшого мѣстечка, наполненнаго товарами всевозможныхъ сортовъ.

Въ то же время, какъ возводились посты и устраивался складочный пунктъ у берега моря, разрабатывалась, сколько было возможно, дорога по Туапсе. Главное вниманіе обращено на часть ближе къ морю, гдѣ надо было избѣжать переправъ. Для удобства работы, изъ общаго лагеря выведены въ ущелье Туапсе двѣ колонны; одна поставлена въ семи, другая въ десяти верстахъ отъ моря.

Между тѣмъ, занятый край понемногу очищался. Срокъ, данный шапсугамъ на выселеніе, исходилъ, и они исполняли данное слово. Таборъ на берегу, гдѣ приставали турецкія кочерымы, съ каждымъ днемъ разрастался и ко времени выступленія отряда дошелъ до огромныхъ размѣровъ. Сроки шапсугамъ назначались самые короткіе. Впрочемъ, горцы были къ тому приготовлены. Еще осенью съ сѣвернаго склона имъ давали знать нѣсколько разъ, что, при наступленіи войскъ, отъ тѣхъ, кто не оставитъ края заблаговременно, будетъ требоваться немедленное выселеніе. Въ то же время, какъ къ берегу собирались массы шапсуговъ, приходили съ сѣверной стороны горы цѣлыя толпы абадзеховъ. Срокъ, данный имъ осенью, окончился 1-го февраля, и пехескій отрядъ уже дѣйствовалъ въ верховьяхъ Псекупса. Переселенцамъ дозволено, въ ожиданіи отправления, останавливаться на пространствѣ на двѣ версты отъ устья Туапсе вверхъ по теченію и на версту въ стороны. Кто могъ и успѣлъ, устроилъ себѣ изъ досокъ балаганы. У самаго мѣста нагрузки на суда ежедневно собирался многолюдный базаръ.

Разсудительные, разчетливые горцы распродали свое имущество заранѣе; большая же часть тянула до послѣдняго и сильно поплатилась. Нѣкоторые, кому было удобно, прогоняли скотъ и лошадей на сѣверный склонъ, къ станицамъ и прочимъ отрядамъ, и продавали ихъ по цѣнѣ сходной. Многіе же согнули все, что имѣли, къ берегу моря, и тутъ единственнымъ покупщикомъ былъ отрядъ даховскій. Предложеніе большое, спросъ ограниченный. Цѣны упали баснословно. Хорошій быкъ въ восемь пудовъ продавался за рубль серебромъ, баранъ за двугривенный или четвертакъ. „Просто бѣда — жаловался черезъ нѣсколько дней по уходѣ отряда артельщикъ, прибывшій изъ Туапсе къ ротному командиру, кажется, въ Лазаревское — присгупу нѣтъ теперь къ мясу, цѣны страшно возвысились: за пару воловъ спросили съ меня два цѣлковыхъ безъ гривны.“ Одинъ офицеръ купилъ сорокъ овецъ за четыре абаза — восемьдесятъ копѣекъ. Лошади были едва-ли еще не дешевле; рогатый скотъ и бараны требовались для пищи, а кони, за неимѣніемъ фуража, служили только бремепемъ. Но какъ не увлечься дешевизною? Многіе офицеры завели себѣ по нѣсколь-ку лишнихъ коней; частные начальники старались вознаграждать большую потерю подъемныхъ лошадей въ предъидущихъ по-

ходахъ. Впрочемъ, горскія рублевья лошади оказывались мало-надежными: правда, по горамъ карабкались хорошо, но были худы и слабы до крайности. Порядочную лошадь, съ сѣдломъ и полнымъ уборомъ, покупали рубля за четыре или за пять. Попадались и хорошія, породистыя лошади; ихъ цѣнили рублей въ двадцать, тридцать и даже дороже. За то простые горскіе кони доставались весьма легко: имъ цѣну считали копѣйками. Солдаты особенно разохотѣлись покупать лошадей. Иной самъ не знаетъ зачѣмъ, а тоже придетъ и торгуетъ. Горецъ пальцами силится показать, что хочетъ получить за коня своего рубль или два, а солдатъ ему предлагаетъ абавъ, даже поль-абаза (гривенникъ). Вдругъ, къ общему удивленію, продавецъ соглашается. „Ну куда ты коня купишь—говоритъ какъ-то фельдфебель солдату—что ты съ нимъ станешь дѣлать?“ — „Да переѣду черезъ рѣчку и брошу“, отвѣчаетъ тотъ, не задумавшись.

Но продажа скота и лошадей далеко не представляла собою главнаго дѣла. Она производилась въ сторонкѣ, гдѣ попросторнѣе; собственно на базарѣ картина была поразительная. Съ ранняго утра до поздняго вечера толпилась масса народа въ нѣсколько тысячъ: абадзехи, шапсуги, греки, турки, наши солдаты и офицеры перемѣшались. Главный предметъ торговли было оружіе: горцы знали, что въ Турціи его носить не позволяютъ. Дорогія шашки, въ богатой обдѣлкѣ, отдавались за безцѣнокъ. То, что прежде цѣнилось въ 200, 300 рублей, здѣсь можно было приобрести за 30 и 40. Иногда одинъ наборъ портупей или одна ручка на вѣсь стоили больше, чѣмъ просили за всю шашку. А про клинки и говорить нечего. Нѣкогда они составляли главное богатство у горцевъ. За древній, хорошій клинокъ отдавали десятки холоповъ, сотни барановъ. Теперь же все пошло прахомъ. Изящные, въ серебряной оправѣ, кинжалы, лучшее украшеніе въ горскомъ костюмѣ, ружья, пистолеты, всего было много. Едва-ли въ отрядѣ найдется одинъ человѣкъ, который не купилъ бы себѣ чего-нибудь изъ оружія горскаго. Казаки и милиціонеры особенно поживились. Иной повезъ на линію десятки кинжаловъ и ружей: „у насъ-де дома спрось большой на нихъ“. Кромѣ оружія, серебряныя принадлежности туалета черкешенокъ, иногда желѣзныя кольчуги и многіе другіе предметы ходили по рукамъ на базарѣ. Иногда горцы въ особенности офицерамъ навязывали свою продажу,

Большое затрудненіе было въ размѣнѣ денегъ. Горцы брали не иначе, какъ серебромъ. Въ кредитныхъ билетахъ они толку не знали; за то на блестящую мелочь у нихъ глаза разбѣгались.

Съ каждымъ днемъ новыя кочермы нагружались и отходили за море. Почти всегда, какъ только отходить отъ берега кочерма, начинается стрѣльба пассажировъ изъ ружей. Это горцы прощаются съ родиною, гдѣ проливали кровь ихъ отцы и братья. Нѣкоторые, выстрѣливъ въ послѣдній разъ вблизи кавказской земли, съ отчаяніемъ бросали дорогія ружья свои въ море.

Рѣшившись однажды на выселеніе въ Турцію, горцы спѣшили прибыть на новыя мѣста заблаговременно, чтобы весною вспахать и засеять земли. Кочермы, эти небольшія суда, которыя кажется при первой сильной качкѣ разсыпятся, были привилегированнымъ способомъ для переѣзда горцевъ. Только ихъ они и видывали прежде у своихъ береговъ, только имъ поэтому и ввѣрялись. Горцамъ говорили о пароходахъ, которые должны были, согласно съ контрактомъ, заключеннымъ съ керченскимъ купцомъ Штейномъ, вскорѣ прибыть; но они не хотѣли и слушать. Между ними былъ слухъ, что пароходы ихъ повезутъ силою во внутрь Россіи, а тамъ тотчасъ же всѣхъ отдадутъ въ солдаты. Едва-ли не турки-кочермщики выпускали подобныя вѣсти. Цѣль достигалась: охотниковъ на кочермы была бездна. Цѣны за проѣздъ брали различныя, иногда довольно высокія. На кочерму перевозчики, желая выручить побольше денегъ, сажали огромное количество пассажировъ. Кажется, судно едва подымаетъ нѣсколько десятковъ людей, а туда набьютъ 200, 250, 300 человекъ, да еще съ багажемъ. Какъ усадегся на палубѣ одинъ возлѣ другаго, такъ и надо сидѣть все время. Нѣтъ мѣста не только пройтись, даже лечь, протянуться. Матросы рассказывали, что когда, при противномъ вѣтрѣ, достается быть въ морѣ дней пять или шесть, на палубѣ воздухъ становится такъ тяжелъ, что они поневолѣ взлѣзаютъ на мачты и сидятъ тамъ. Можно представить себѣ, что дѣлалось съ такими судами въ морѣ, когда поднимется буря.

Разумѣется, такія возмущавшія душу картины не могли не обращать на себя всеобщаго вниманія. Тотчасъ же по приходѣ войскъ къ морю были приняты мѣры. На посту Вельяминовскомъ назначенъ особый офицеръ завѣдывать ходомъ переселенія. Кочермщикамъ запрещено брать болѣе сперва 3, послѣ 2

рублей, и для каждаго судна опредѣлялось наибольшее число пассажировъ. Ихъ обязывали запасаться надлежащимъ количествомъ прѣсной воды. Поборы въ пользу людей, которые приискивали для кочермы пассажировъ—а такихъ аферистовъ расплодилось немало—строго запрещены. При распредѣленіи людей на суда, велась очередь, чтобы не приходилось однимъ долго прождать, а другимъ уѣзжать сейчасъ по приходѣ, отбивъ себя силою судно. Съ тѣхъ поръ на Туапсе пошло лучше.

Къ сожалѣнію, мѣры, принятыя на Туапсе, не могли много помочь дѣлу. Горцамъ всюду разсылалось сказать, чтобы они стекались по преимуществу къ Туапсе. Но исполненія этого нельзя было и думать добиться. Самыя вопіющія злоупотребленія происходили въ районахъ, еще не занятыхъ нашими войсками, гдѣ многіе торопились убраться до появленія русскихъ. Въ странѣ непріятельской мы, конечно, не могли ничего сдѣлать, тѣмъ болѣе, что пунктовъ, откуда уходили кочермы, было множество. По мѣрѣ дальнѣйшаго занятія края, горцамъ, правда, назначались новые сборные пункты, но часто случалось такъ, что подойдетъ кочерма куда-нибудь, не успѣетъ вытянуться на сушу, какъ уже окрестные горцы атакуютъ ее и чуть не силою заставляютъ везти ихъ скорѣе. Растянуть же войска вдоль всего берега, да еще, по тогдашнему положенію дѣлъ, въ значительныхъ массахъ, оказывалось положительно невозможнымъ.

Свѣдѣнія изъ окрестностей, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе были благоприятныя. Въ первые дни пребыванія отряда на Туапсе никакихъ старшинъ не являлось. Строй общества у черкесовъ таковъ, что рѣдко встрѣтишь въ чемъ бы то ни было полное единодушіе. Эта раздробленность, это разномысліе и служили, какъ извѣстно, главнымъ пособіемъ дѣйствіямъ нашихъ войскъ на западномъ Кавказѣ. Напримѣръ, при вступленіи на южный склонъ даховскаго отряда, уже было занято все теченіе Туапсе, въ сосѣднихъ ущельяхъ старики ясно видѣли необходимость покориться и даже прислали начальнику отряда слѣдующее письмо:

(Переводъ съ арабскаго) „*Начальнику войскъ русскихъ въ иорихъ* (миръ и благословеніе надъ тѣмъ, кто слѣдуетъ по прямому пути).

„Весь народъ Мокопсе (Мокопсе и окрестностей), переселяющійся въ Турцію, приноситъ тебѣ всенижайшую просьбу: суда турецкія, какъ вамъ извѣстно, уже готовы для перевозки

переселенцевъ; но переменны погоды и сильный вѣтеръ мѣшаютъ намъ отправиться въ путь. Кромѣ этого мы только сегодня узнали, что вы пришли къ устью Туапсе. Поэтому собрались старшины и прѣдутъ къ тебѣ за совѣтомъ: что прикажешь для нашего успѣшнаго отправленія. Мы готовы теперь отправиться въ путь безотлагательно и всевозможно будемъ стараться отстранить малѣйшее непослушаніе и не скроемъ никого, кто рѣшится принести вамъ вредъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что абадзехи, живущіе въ ближнихъ аулахъ отъ моря, готовы также сѣсть на суда и отправиться съ нами. Клянемся тебѣ и передъ Богомъ, что мы забыли наши непріязненные отношенія и никогда не войдемъ во вражду съ тобою, и, безъ всякаго сомнѣнія, мы всё готовы бросить свои жилища.“ Приложили печати старшины: Хумъ-Аль-Карзачій, Саидъ-Гирей, хаджи-Карзачій и другіе изъ переселенцевъ.

Несмотря на то, что старшины прислали это письмо, молодежь все еще хорохорилась. Уже многія семьи успѣшно уѣхали въ Турцію, а старшины не рѣшались выѣзжать съ покорностію: не имѣли полномочія отъ своихъ обществъ. Къ тому же убыхи, послѣднее непокорное племя, предѣловъ котораго до сихъ поръ не касалось русское оружіе, подстрекали оставшихся шапсуговъ. Какъ народъ болѣе промышленный, умный, убыхи по возможности силілись удержать передъ собою стѣну изъ сосѣднихъ племенъ. Они называли шапсуговъ бабами, грозилась убить хаджи-Каспулата и клялись умереть всё до единого, а не пустить русскихъ въ свою землю. Небольшія партіи убыховъ бродили по шапсугской землѣ.

Пронски убыховъ и настоянія молодежи сдѣлали то, что на Шепсы собралась небольшая партія, въ полной готовности дѣйствовать съ оружіемъ въ рукахъ. Разъ начальникъ отряда объѣзжалъ окрестности лагеря, съ цѣлю удостовѣриться, исполняются ли приказанія относительно соблюденія чистоты, что особенно важно въ здѣшнемъ климатѣ для здоровья людей. (Объѣхавъ весь лагерь, генералъ направился къ устью Туапсе выбрать удобнѣйшій бродъ для переправы отряда при предстоящемъ движеніи. Встрѣчается группа шапсуговъ. „Откуда вы?“ — Съ Шепсы. — „Что новаго?“ — Тамъ стоитъ партія. — „Большая?“ — Огромная, страшная, говорилъ шапсугъ: онъ, какъ оказалось впоследствии, былъ одинъ изъ ярыхъ поборниковъ молодежи. — „Ну, а сколько числомъ?“ — Шестьсотъ

человѣкъ, отвѣтилъ онъ съ важностію. — Всѣ расхотались. — „Ну, а какъ ты полагаешь, сколько у насъ войска?“ — Да у насъ мы хорошо знаемъ: тридцать-пять тысячъ. — „Правда“, сказали ему и оставили въ пріятномъ убѣжденіи.

Наконецъ, 1-го марта, остатки шапсуговъ одумались, и старшины съ рѣчекъ Шепсы, Мокопсе и Апше большимъ сборомъ прибыли въ лагерь. Имъ объявлено, что до тѣхъ поръ, пока партія въ сборѣ, мирныхъ переговоровъ нѣтъ никакихъ. На другой день старшины пріѣхали снова. Они говорили, что бывшій сборъ имѣлъ цѣлю не войну, а только сужденія о собственныхъ дѣлахъ, и просили дозволенія, если не сойдемся, ѣхать въ Тифлисъ, ходатайствовать объ оставленіи ихъ на мѣстѣ настоящаго жительства, „а вы тѣмъ временемъ не входите въ нашу землю“. Начальникъ отряда отвѣтилъ, что они могутъ отправляться куда имъ угодно, но онъ дѣйствій своихъ не остановитъ и отъ данныхъ ему приказаній не отклонится ни на волосъ. Шапсугамъ пришлось согласиться на все. Имъ приказано собираться къ берегу моря и обѣщано, что до 7-го марта жилища ихъ останутся неприкосновенными. Болѣе тысячи семействъ пожелали выйти на Кубань; имъ тотчасъ же были выданы билеты на свободный проѣздъ.

Изъ четырехъ пароходовъ, прибывшихъ съ грузомъ на туапсинскій рейдъ, раньше всѣхъ разгрузилась шкуна „Псезуапѣ“. Командующій войсками, пользуясь хорошей погодой, пожелалъ сдѣлать, вмѣстѣ съ начальникомъ отряда, рекогноспировку морскихъ береговъ не покоренной еще части западнаго Кавказа. Въ двѣнадцатомъ часу утра, 28-го февраля, всѣ, кому слѣдовало, были на шкунѣ. Трудно было выбрать день лучше. Морская поверхность была гладка какъ зеркало. Небо чисто и солнце свѣтило ярко. Горы были открыты, что случается рѣдко. Обыкновенно какъ ни ясно, надъ наиболѣе возвышенными хребтами ходятъ черныя тучи и скрываютъ отъ глаза верхи горъ.

Шкуна, слѣдуя гдѣ въ миль, гдѣ въ двухъ отъ берега, прошла Псезуапѣ, Шахе, Вардане и приблизилась къ Сочи. Видъ горъ съ моря поразительно эффектенъ. Чѣмъ дальше судно отходитъ отъ берега, тѣмъ больше хребтовъ поднимаются передъ вами одинъ изъ-за другаго. Въ миль мѣстами уже открывается главный, водораздѣльный хребетъ. Онъ и второстепенный, параллельный водораздѣльному, перерѣзывающій весь южный склонъ почти по срединѣ, были покрыты тогда громадными

массами снѣга. Остроконечныя верхушки блестяли на солнцѣ, и только вертикальный голо-гранитный зубецъ Оштена оставался неодѣтый: на обрывахъ его снѣгъ не держится никогда. Впереди подернутыхъ снѣгомъ хребтовъ стояли горы меньшія, темныя, почти черныя. поросшія густымъ, дремучимъ лѣсомъ. Наконецъ на покатостяхъ ближе къ берегу виднѣлись признаки жизни: пахатныя поля и кой-гдѣ аулы.

Горцы, въ особенности убыхи, видя идущій вдоль берега пароходъ, массами высыпали къ морю. Они все еще не теряли надежды, что къ нимъ придетъ на помощь какое-то иностранное войско. Видно было, какъ у устій всѣхъ рѣкъ собирались толпы. Многіе взлѣзали на стѣны бывшихъ фортовъ. Когда пароходъ подошелъ къ Сочи, была пора возвращаться назадъ. Видъ устій Сочи и бывшаго форта Навагинскаго показался особенно привлекательнымъ: въ окрестностяхъ уже зазеленѣла трава и показался листъ на деревьяхъ. Какая разница съ Туапсе, гдѣ не было и признаковъ весны!

Прибрежье, интересное какъ базисъ для будущихъ дѣйствій, оказалось далеко не вездѣ одинаково. Отъ Туапсе почти до Псезуапѣ послѣдніе отроги горъ сносны; здѣсь особенныхъ препятствій для движеній войскъ не предвидѣлось.

Отъ Псезуапѣ или, правильнѣе, отъ Ашше до Шахе совершенно другое: тутъ берегъ дикъ. Почти къ самому морю подступаютъ высокія горы съ крутыми покатостями и тѣсными между ними ущельями. Это, по рассказамъ туземцевъ, самая трудная часть южнаго склона. Здѣсь главный хребетъ дѣлаетъ выгибъ къ сторонѣ моря и особенно близко подходитъ къ берегу: такимъ образомъ, въ истокахъ Псезуапѣ хребты какъ бы столпились. Образовались тущобы, пересѣченныя въ высшей степени. доступъ въ которыя возможенъ только въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ. Въ этихъ-то тущобахъ поселились „хищные,“ какъ ихъ называли туземцы, хагучи, вѣчно воевавшіе со всѣми сосѣдями.

Отъ Шахе до Сочи и далѣе опять нове. Тутъ полоса къ берегу роскошна и живописна. На пространствѣ между второстепеннымъ хребтомъ и моремъ, высокихъ, крупныхъ хребтовъ нѣтъ. Долины развалисты, скаты горъ обработаны. Всюду богатые фруктовые сады и множество жилищъ. Здѣсь-то было ядро туземцевъ южнаго склона. Нигдѣ промышленность и благоденствіе не были развиты въ горахъ въ такой степени,

какъ у убыховъ, жившихъ на Вардане. За то полоса выше, между второстепеннымъ и главнымъ хребтами, здѣсь была обитаема весьма мало. Тутъ мѣстность не такъ пересѣченна, какъ въ истокахъ Псезуапе, но хребты выше и котловины, гдѣ могутъ быть жилища, рѣже. Тамъ образовались ничтожныя во всѣхъ отношеніяхъ общества горныхъ убыховъ и медовѣвцевъ, доступъ къ которымъ по ущельямъ былъ однако легче, чѣмъ къ хакучамъ.

Только что шкуна „Псезуапе“ повернула на высотѣ Сочи назадъ, генералъ Гейманъ сошелъ въ каюту и на листкѣ бумаги карандашемъ наскоро написалъ:

„Предположеніе о военныхъ дѣйствіяхъ даховскаго отряда въ мартъ и апрѣль 1864 года.“

„Изъ 13½ баталіоновъ, нынѣ составляющихъ даховскій отрядъ, оставивъ три баталіона со взводомъ артиллеріи въ ущельи Туапсе и два баталіона на посту Вельяминовскомъ, остальные 8½ баталіоновъ при четырехъ горныхъ орудіяхъ двинутся въ первыхъ числахъ марта по предгорію морскаго берега. Очитивъ отъ населенія все побережье, отрядъ займетъ устье рѣки Псезуапе и возобновитъ фортъ Лазаревъ. Въ фортъ Лазарева останутся два баталіона. Остальныя войска возвратятся къ Вельяминовскому посту, запасутся провіантомъ и, взявъ одинъ пзъ оставшихся на посту баталіоновъ, присоединятся къ колоннѣ въ ущельи Туапсе. Затѣмъ отрядъ очищаетъ отъ населенія верхнее течение Туапсе, двигается по лѣвому его притоку Пшинахо до главнаго хребта, оттуда спускается на Мокосе (*), устраиваетъ, ежели окажется нужнымъ, тутъ опорный пунктъ, горною полосою переходитъ къ вершинамъ Псезуапе и по этой рѣкѣ доходитъ до моря. Въ этотъ періодъ времени, флотъ, доставивъ 450 четвертей муки съ пропорціею крупъ на постъ Вельяминовскій, подвезетъ продовольствіе къ посту Лазаревскому. Всѣ эти дѣйствія будутъ исполнены приблизительно въ 20 дней.

(*) На мѣстѣ оказалось, что Мокосе получаетъ начало съ южной стороны второстепеннаго хребта; слѣдовательно, съ верховій Пшинахо на Мокосе спуститься нельзя, а есть дорога прямо въ бассейнъ верховій Ашше и оттуда по Псезуапе. Вообще рѣку Ашше, до тѣхъ поръ, пока отрядъ не посѣтилъ ее, считали незначительною. На нее смотрѣли до тѣхъ поръ только съ моря, а устье ея — въ тѣсномъ ущельи. Оттого-то, на всѣхъ прежнихъ картахъ, Ашше, вытекающая съ главнаго хребта, обозначалась ничтожною рѣченкою.

„Около 25-го марта отрядъ, очистивъ уже отъ населенія пространство до Пезуапе, двинется по побережью къ рѣкѣ Шахе и займетъ фортъ Головинскій. Сюда направится подвозка провіанта. Укрѣпивъ фортъ Головинскій, вверхъ по Шахе устроится кордонъ, откроется сообщеніе съ хамышкинскимъ отрядомъ и съ верхне-пшехскою линіею.

„Далѣе, ежели обстоятельства позволятъ, отрядъ перейдетъ въ вершины Сочи; спустившись по этой рѣкѣ, займетъ бывшее укрѣпленіе Навагинское и войдетъ въ сношеніе съ постомъ Головинскимъ. Эти дѣйствія желательно окончить къ 20-му апрѣля.“

Въ самомъ началѣ нашей статьи мы говорили, что, по свойствамъ горной войны, главное вниманіе должно быть обращено на пространства наиболѣе возвышенныя, которыя, какъ цитадели въ крѣпости, командуютъ надъ остальною мѣстностію и по свойствамъ своимъ могутъ играть роль послѣдняго надежнаго убѣжища. Мы упоминали, что поэтому на южномъ склонѣ главное наступленіе предполагалось направить по горному пути между водораздѣльнымъ и второстепеннымъ хребтами, и въ то же время для учрежденія складовъ съ продовольствіемъ занимать соотвѣтственные прибрежные пункты и производить движенія изъ горъ, внизъ по ущельямъ, къ морю. Мы прибавили: „Вотъ все, что можно было предположить сначала. Подробности или измѣненія должны были выясниться при самомъ вступленіи въ край“.

Послѣ рекогносцировки вдоль берега моря и болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, собранныхъ отъ туземцевъ, общія положенія должны были измѣниться такимъ образомъ:

Нагорный путь къ востоку отъ Пезуапе до Шахе оказался до лѣта положительно недоступенъ. Слѣдовательно, поневолѣ между Пезуапе и Шахе пришлось ограничиться занятіемъ береговаго пространства. Къ тому же занятіе берега, какъ оказывалось, обнаруживало необыкновенное нравственное вліяніе на горцевъ: ближе къ берегу жилъ цвѣтъ населенія, все, что было сильно и богато; занявъ море, горцамъ казалось, что мы, при сопротивленіи съ ихъ стороны, преградимъ путь въ Турцію, а на Турцію они смотрѣли какъ на обѣтованную землю. Наконецъ, когда впереди были убыхи, о ничтожныхъ хакучахъ не стоило и думать. Впрочемъ, и ихъ не имѣлось въ виду оставить въ покоѣ. По занятіи Шахе, когда

будеть проводиться кордонная линия къ Бѣлорѣченскому перевалу, съ сѣвернаго склона долженъ былъ спуститься хамышкінскій отрядъ. Этотъ-то отрядъ, вмѣстѣ съ казаками, которыхъ, какъ предполагалось, можно было бы выслать по первому требованію, долженъ былъ посѣтить всѣ нагорныя труппы хакучей.

Если бы начать движеніе отъ Туапсе прямо подосою нагорною, не дождавшись предварительно занятія бывшаго форта Лазаревскаго, то могло бы случиться, что отрядъ, спустившись изъ горъ къ устью Псезуапсе, остался бы на нѣсколько дней безъ продовольствія. Опытъ показалъ, что весною, когда Черное море бурливо, на исправную доставку моремъ трудно рассчитывать. Слѣдовательно, надо было сначала занять Лазаревское и начать сгружать тамъ провіантъ, а потомъ пуститься въ горный походъ.

Занять Лазаревское можно было бы десантомъ. Но судовъ въ распоряженіи начальства Кубанской области находилось такъ мало, что ихъ съ трудомъ доставало для подвозки провіанта. А для занятія Лазаревскаго, имѣя впереди еще массы непокорныхъ, требовалось не менѣе четырехъ баталіоновъ. Пришлось направить войска по сухому пути. Впрочемъ, для войскъ, давно привыкшихъ къ тяжелымъ горнымъ походамъ, пути по побережью не могли представить большихъ затрудненій. Къ тому же общества почти до Псезуапсе уже покорились. Слѣдовательно, можно было выбрать дороги болѣе легкія.

Составленное на пароходѣ „предположеніе о дѣйствіяхъ въ мартѣ и апрѣлѣ“ тотчасъ же было прочитано командующему войсками, одобрено имъ и на другой день представлено при рапортѣ.

Уже пала ночь, когда шкуна вернулась къ Туапсе. Множество огней на черномъ фонѣ горъ обозначали мѣсто, гдѣ раскинулся лагерь отряда. Впереди лагеря, у самаго моря, стоялъ бивуакъ переселенцевъ. Горцы, ихъ жены и дѣти тѣснились къ огнямъ погрѣться. Нѣкоторые жарили шашлыки.

Едва только графъ отчалилъ отъ праваго борта, на шкунѣ былъ зажженъ рядъ фальшфейеровъ. Шлюпка съ командующимъ войсками и сопровождавшими его генералами освѣтилась бѣлымъ огнемъ и ярко обрисовалась на сумракѣ ночи. Графъ обнажилъ голову и привѣтствовалъ моряковъ за честь.

Войска еще не спали, когда командующій войсками и на-

чальникъ отряда ѣхали съ берега къ своимъ ставкамъ. Люди, отдохнувъ въ нѣсколько дней стоянки у моря и подкрѣпившись провизіей, на первомъ планѣ которой въ глазахъ ихъ стояли заморскіе ромъ и бордо, были свѣжи и веселы. Во многихъ ротахъ слышались пѣсни. Молодецкое „ура!“ при видѣ начальниковъ раздавалось у моря и разносилось далеко по горамъ и ущельямъ.

3-го марта въ лагерь у поста Вельяминовскаго прибылъ начальникъ пшехскаго отряда генераль-маіоръ Граббе, со штабомъ и съ нѣсколькими сотнями казаковъ въ конвоѣ. Пшехскій отрядъ переваливался съ Псекупса и сталъ лагеремъ въ верховьяхъ Туапсе.

4-го числа, по утру, командующій войсками, графъ Евдокимовъ, сдѣлавъ на мѣстѣ надлежащія распоряженія, уѣхалъ на пароходѣ въ Новороссійскъ, а оттуда отправился въ Ставрополь. Съ отъѣздомъ графа всѣ казаки, милиція и эскадронъ тверскихъ драгуновъ отправлены по домамъ, на сѣверный склонъ, черезъ гойтхскій перевалъ. Въ отрядѣ, изъ всей кавалеріи, оставленъ одинъ 1-й эскадронъ Тверскаго полка; но и тотъ, по совершенному неимѣнію корма, къ концу похода потерялъ до половины лошадей. Сейчасъ же по отъѣздѣ командующаго войсками отправился назадъ и генераль Граббе.

По пріѣздѣ въ Ставрополь графа Евдокимова, его вскорѣ потребовали въ Тифлисъ, откуда, пробывъ тамъ нѣсколько дней, 21-го марта онъ выѣхалъ обратно. Къ этому времени о дѣйствіяхъ даховскаго отряда графъ получилъ только одно извѣстіе: о занятіи Лазаревскаго, совершившемся согласно съ предположеніемъ. Между тѣмъ, на мѣстѣ обстоятельства заставили ускорить ходъ дѣла.

4-го числа назначено было движеніе береговою полосою къ устью рѣки Псезуапе. Свободныхъ войскъ осталось въ отрядѣ: восемь баталіоновъ, одна стрѣлковая рота, четыре горныхъ орудія, одинъ эскадронъ; два баталіона, со взводомъ привезенныхъ моремъ орудій, оставлены на посту Вельяминовскомъ (подъ командою маіора Эльснера), а три баталіона, съ двумя горными орудіями (полковника Габаева), оставлены, попрежнему, въ долину Туапсе. Въ движеніе велѣно выступить всѣмъ свободнымъ войскамъ. Хотя можно было надѣяться, что сопротивленія со стороны горцевъ не будетъ, но ручаться въ этомъ, разумѣется, было трудно. Притомъ же имѣлось въ виду въ гарнизонѣ у

устья р. Пезуапе выставить три баталіона; слѣдовательно на обратное движеніе оставалось только пять баталіоновъ.

Наступленіе береговою полосою можно было производить нѣсколькими колоннами. Здѣсь условія были не совсѣмъ такія, какъ при движеніи по Туапсе. Здѣсь горы не суровы и сообщенія между параллельными путями возможны непрерывныя; даже почти все время изъ средней колонны видны были крайнія. Непрiятеля можно было предполагать спереди и слѣва; слѣдовательно, движеніе предстояло въ родѣ фланговаго. Обозъ лучше всего направить вдоль самаго берега. Къ тому же и дорога здѣсь легче: нѣтъ ни подъемовъ, ни спусковъ, а все время надо идти по ровному морскому намыву. Такая дорога существуетъ здѣсь отъ Туапсе сплошь до Гагръ и далѣе въ одну сторону и далеко въ другую.

Оригиналенъ кавказскій берегъ Чернаго моря: на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, на три-четыре сажени отъ берега, глубина уже выше роста человѣческаго, а далѣе увеличивается весьма скоро на десятки сажень. Нигдѣ нѣтъ ни рифовъ, ни подводныхъ камней, ни раковинъ или тины. При тихой погодѣ суда подходятъ, поэтому, весьма близко; за то на узкой лентѣ, гдѣ прикасается суша съ водою, какъ только поднимется вѣтеръ съ моря, бываетъ такой сильный прибой, что лодки и баркасы выбрасываются волнами на берегъ. Вся эта прибрежная лента состоитъ изъ мелкихъ каменьевъ, отшлифованныхъ водою въ круглыя и овальныя формы. Нерѣдко сейчасъ возлѣ нея отвѣсныя обнаженныя скалы; горы, выступающія къ морю, какъ бы срѣзаны вертикально рукою человѣка. Намывная прибрежная полоса во время высокой воды мѣстами разлпвается совершенно; впрочемъ, хотя съ трудомъ, все-таки сообщеніе по ней конное и пѣшее поддерживается. Полоса эта нешпрока: при низкой водѣ, въ самыхъ широкихъ мѣстахъ сажень двадцать, въ самыхъ узкихъ—аршинъ, два аршина. Солдаты однако этой ровной дорогѣ предпочитали идти по горамъ, несмотря на то, что близъ берега безпрестанно приходится переходить глубокія ущелья и балки: „тамъ—говорятъ—все камни да камни: обувь носится скоро—не напасешся ея“.

Еще 3-го марта три стрѣлковыхъ баталіона: кабардинскій, 3-й сводный и 21-й, съ двумя горными орудіями, перешли въ бродъ черезъ Туапсе и заняли высоты лѣваго ея берега.

4-го марта, рано по утру, движеніе начато тремя колоннами:

Средняя, подполковника Дове—1-й, 2-й севастопольскій и 1-й бакинскій баталіоны, съ двумя горными орудіями—направлена горами параллельно берегу.

Лѣвой, подполковника Клюки-фонъ-Клугенау—кабардинскій, 3-й сводный и 21-й стрѣлковые баталіоны, также съ двумя орудіями горной артиллеріи—велѣно подняться выше въ горы и идти по тропѣ верстахъ въ двухъ или трехъ отъ средней.

Правая, майора Кременецкаго—1-й, 2-й черноморскіе баталіоны и весь обозъ—пошла береговою дорогою.

Двадцати-четыремъ охотникамъ партизанской команды Севастопольскаго полка приказано сѣсть на два, назначенные въ составъ отряда, азовскіе барказа и держаться нѣсколько впереди головы правой колонны.

Въ такомъ порядкѣ отрядъ дошелъ до рѣчки Шепсы.

Съ перваго же шага можно было увидѣть, что покорившіеся шапсуги были далеки отъ мысли измѣнить своему слову. Старшины, каждый въ своемъ районѣ, окруженные толпами мѣстныхъ жителей, выѣзжали навстрѣчу и провожали отрядъ. Они просили только не трогать, до истеченія срока, ихъ селеній, семействъ и имуществъ, что, конечно, исполнялось бы и безъ ихъ представленія.

Видя, что движеніе двухъ колоннъ по горамъ не ведетъ ни къ чему, а только утомляетъ людей, начальникъ отряда приказалъ всѣмъ стянуться на привалъ къ устью Шепсы, а послѣ привала идти ровною, береговою дорогою. Ночлегъ былъ у устья рѣчки Мокопсе.

На мѣстахъ, назначенныхъ пунктами сборовъ переселенцамъ, отрядъ заставлялъ толпы туземцевъ. Многіе вывезли туда и семейства. Горцы съ полнымъ довѣріемъ обращались къ начальнику отряда съ просьбами: ихъ притѣсняли и обманывали перевозчики-турки. Шапсугамъ объявлены правила, утвержденныя недавно на Туапсе. Съ согласія народа, для водворенія порядка и наблюденія за успѣшнымъ ходомъ переселенія, на мѣстѣ каждаго сбора назначены особые старшины. Они обязаны были доносить объ отплывшихъ кочермахъ и во всѣхъ случаяхъ надобности обращаться къ воинскимъ начальникамъ ближайшихъ постовъ.

Отъ Шепсы до Мокопсе начальникъ отряда, со своимъ шта-

бомъ, слѣдоваль на одномъ изъ азовскихъ барказовъ, предварительно высадивъ оттуда охотниковъ. При совершенномъ безвѣтріи, барказы на веслахъ шли ходко и опередили версты на три голову колонны. Высаживаться въ Мокопсе или подождать колонну—представился было вопросъ. На берегу стояла вооруженная полпа, можетъ быть до тысячи горцевъ, многіе изъ которыхъ еще не видывали русскихъ вблизи. Барказы причалили. Сначала вышли двѣнадцать охотниковъ и чинно построились; за ними генераль, его штабъ. Шапсуги съ удивленіемъ, съ любопытствомъ и вмѣстѣ съ полнымъ довѣріемъ обступили. Ихъ стали спрашивать о ходѣ переселенія. Они отвѣчали будто старымъ знакомымъ.

На слѣдующій день, 5-го марта, продолжалось то же самое. Всѣ войска двинуты берегомъ; только три баталіона стрѣлковъ направлены въ лѣвой цѣпи, горами. Въ селеніяхъ шапсугскихъ, по дорогѣ, жителей почти уже не было. Въ нѣкоторыхъ былъ выставленъ бѣлый парламентарскій флагъ. Къ тремъ часамъ по полудни отрядъ благополучно достигъ устья рѣки Пеззуале и занялъ бывшій фортъ Лазаревъ.

И тутъ, не успѣвъ отрядъ стать бивуакомъ, показалась масса всадниковъ. То были представители шапсугскаго общества Гои, сосѣдняго съ убыхами, жившаго по низовьямъ Пеззуале и Шахе, и во главѣ ихъ статный, красивый старшина Заурбекъ.

Шапсуги слѣзли съ коней и подошли къ генералу. На многихъ ярко горѣли широкіе галуны нарядныхъ черкесокъ и блестяло облитое серебромъ и золотомъ дорогое оружіе. Старшины здѣсь, на Туапсе, и выѣзжая дорогою, говорили, какъ будто заранѣе согласившись, всѣ сходно. Они начинали съ силы и могущества русскихъ, съ успѣховъ на сѣверномъ склонѣ, говорили объ абадзехахъ, объ ихъ жалкой участи, слѣдствіи неблагоразумнаго упорства, о ничтожествѣ и безсиліи племенъ южнаго склона безъ сѣвернаго и кончали заявленіемъ, что считаютъ уже землю, на которой живутъ, не своею и просятъ только о цѣлости семействъ и имущества.

Бывшій фортъ Лазарева, гдѣ тотчасъ по занятіи учрежденъ постъ Лазаревскій, найденъ въ полуразрушенномъ состояніи. Тщательно отдѣланное квадратное укрѣпленіе до 250 шаговъ въ каждомъ фасѣ было выведено на правомъ берегу Пеззуа-

пе, въ полуверстѣ отъ моря, на срединѣ широкой поляны. На двухъ діагональныхъ углахъ были выступные, въ нѣсколько ярусовъ, фланкировавшіе рвы, башни, а на двухъ остальныхъ— батареи. Внутри стояло нѣсколько сводчатыхъ и простыхъ каменныхъ зданій. Пристань на берегу оборонялась особою башнею. Теперь рѣка Псезуапе отошла на нѣсколько сотъ сажень къ востоку, а на ея прежнемъ руслѣ остался ничтожный рукавъ. Красивыя, изъ тесанаго камня, стѣны съ бойницами были почти цѣлы, но башни и батареи разрушены взрывами въ 1854 году, а отъ зданій внутри остались кой-гдѣ стѣны, кой-гдѣ фундаментъ. Уцѣлѣлъ только пороховой погребъ.

Въ гарнизонъ поста вступили 1-й севастопольскій, 1-й черноморскій и 1-й бакинскій баталіоны. Воинскимъ начальникомъ назначенъ подполковникъ Дове. Ровно десять лѣтъ назадъ, при снятіи черноморской береговой линіи, онъ (Дове) покинулъ бывшій фортъ Лазаревскій, и теперь снова судьба привела его на мѣсто прежняго жительства. На другой день, 6-го числа, гарнизонъ приступилъ къ возобновленію и исправленію стѣнъ и расчисткѣ рововъ. Тогда же, 6-го марта, прибыли на лазаревскій рейдъ три паровыя шкуны, съ провіантомъ. Ихъ стали разгружать. На шкунахъ доставлено два легкихъ орудія, для вооруженія поста. Весь этотъ день отрядъ оставался на мѣстѣ.

IV.

Убыхи. — Письмо къ нимъ и первые переговоры. — Характеръ мѣстности между теченіемъ Туапсе и Псезуапе. — Движеніе отъ поста Лазаревскаго къ Вельяминовскому и далѣе нагорною полоскою отъ верховій Туапсе по Пшинахо, Пшіахо и Тхаценако къ устью Псезуапе.

6-го марта, на дневкѣ подъ постомъ Лазаревскимъ, походный обѣденный столъ начальника отряда удостоили раздѣлить моряки черноморскаго флота. Это было первое знакомство офицеровъ отряда съ офицерами-моряками, знакомство, обратившееся вскорѣ въ чувство взаимной симпатіи. Даховскій отрядъ и начальникъ его гордились тѣмъ, что въ большинствѣ черноморцевъ, въ людяхъ, смотрѣвшихъ на все, что происходило въ горахъ, со стороны, что въ большинствѣ моряковъ постоянно встрѣчались и искреннее сочувствіе успѣхамъ отряда и спра-

ведливая оцѣнка трудовъ и дѣлъ его. За столомъ, между прочимъ, пили за здоровье шкуны „Псезуапѣ“, пмянинницы, какъ ее называли, придираясь къ тому, что командиру и офицерамъ ее досталось впервые быть на берегахъ рѣки Псезуапѣ. Послѣ обѣда, вмѣсто десерта, гостямъ доставили случай присутствовать при первыхъ переговорахъ съ убыхами. „Убыхскіе старшины подъѣзжаютъ“—разнеслась вѣсть по лагерю часу въ третьемъ пополудни—„убыхи, тѣ самые, которыхъ давно всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ.“ Абадзехи, шапсуги уже надоѣли. Судьба ихъ рѣшилась. Объ участи убыховъ никто не зналъ ничего. Что-то будутъ дѣлать убыхи, какъ къ нимъ подойдутъ русскіе? разсуждали между собою офицеры.

— Дратся, разумѣется, рѣшали молодые, искавшіе боя и славы.

— Ну, Богъ вѣсть: вѣдь они видятъ свою обстановку, возражали опытные и хладнокровные.

Убыхи было послѣднее серьезное племя, съ которымъ осталось покончить на западномъ Кавказѣ. Было извѣстно, что численность ихъ значительно менѣе шапсуговъ и абадзеховъ; но въ то же время большинству они представлялись особенно сильными и могучими.

Знакомство съ убыхами начальства и войскъ Кубанской области началось задолго до вторженія въ ихъ землю. Да и какъ было не интересоваться убыхами, когда отъ нихъ исходили всѣ поддержки, какъ нравственныя, такъ и матеріальныя? Про убыховъ и горцы отзывались съ особеннымъ уваженіемъ; убыхи и русскимъ войскамъ, когда они подходили къ нимъ съ юга, показали себя немалосильными. Неужели въ самомъ дѣлѣ племя это такъ страшно?—вотъ вопросъ, который желательно было разрѣшить съ самаго начала знакомства съ убыхами.

Фактъ за фактомъ постепенно доказывалъ и наконецъ прибытіе старшинъ на мѣсто подтвердило, что убыхи далеко не такіе, какъ ихъ малевали. Дѣйствительно, убыхи не то, что шапсуги и абадзехи; дѣйствительно, есть основаніе называть ихъ головою западно-кавказскихъ горскихъ племенъ. Но спрашивается: опасна ли голова, когда отъ нея отрѣзали туловище и конечности?

Особенность убыхской природы дала жизни этого племени

направленіе, отличное отъ жизни шапсуговъ и абадзеховъ. Шапсуги и абадзехи были земледѣльцы и скотоводы. На покатыхъ скатахъ сѣвернаго склона и сравнительно невысокихъ горахъ южнаго, отъ Новороссійска до Туапсе и нѣсколько дальше, было гдѣ разгуляться сохѣ. Тамъ безпрестанно встрѣчались богатые посѣвы, а на верху горъ нерѣдки пастбища, гдѣ на чудной травѣ могутъ свободно пастись десятки тысячъ скота.

У убыховъ иное: мѣстность пересѣченнѣе, закрыта горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ; климатъ благодатнѣе. Виноградъ, всевозможные фрукты, туовыя деревья растутъ превосходно. Хотя во многихъ мѣстахъ въ одно лѣто можно собирать, и собирали, двѣ жатвы, но здѣсь выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ разводить сады, покупая или вымѣнивая хлѣбъ у сосѣдей. Скотоводства не можетъ быть вовсе; если и имѣлись у убыховъ стада, то пасли они ихъ на земляхъ абадзехскихъ. Богатство даровъ природы, меньшая потребность въ трудѣ удешевили рабочія руки и способствовали развитію въ высокой степени элемента аристократическаго, въ ущербъ классу холоповъ. У убыховъ владѣльцы были богаче, чѣмъ гдѣ-либо у сосѣдей, а холопы бѣднѣе. Море дѣйствовало съ своей стороны: изъ убыхской аристократіи большая часть по нѣскольку разъ бывала въ Турціи; очень многіе состояли въ родствѣ съ именитыми турками. Торговля, ничтожная вообще у горцевъ Кавказа, была развита больше всего въ убыхской землѣ. Вообще не убыхскій народъ, а убыхскіе владѣльцы, или, какъ мы называли ихъ, аристократы, особенно отличались богатствомъ и развитостію. Имъ легче чѣмъ кому-нибудь доставались власть и сила. Къ нимъ скорѣе чѣмъ къ кому-нибудь, въ случаѣ нужды, обращались за совѣтами. Вліяніе ихъ было распространено въ горахъ далеко. Съ своей стороны убыхскій богатый классъ кичился и важничалъ, придавая себѣ весьма часто гораздо больше значенія, чѣмъ заслуживалъ.

Между тѣмъ, матеріальной силы у убыховъ было немного. Они одни, отдѣльно, по числительности и средствамъ, не только не были въ силахъ противиться непріятелю, столь настоящому и сильному, какъ русскіе, но даже не могли бы существовать. Съ покореніемъ абадзеховъ и шапсуговъ, они лишились хлѣба и скота. Хорошо понимая свое положеніе, убых-

скіе старшины постоянно заботились, чтобы по возможности дольше поддерживать закрывавшія ихъ отъ русскихъ племена. Иногда они сами принимали начальство надъ партіями абадзеховъ и шапсуговъ, повременамъ высылали на помощь большія и малыя партіи. Разумѣется, въ партіяхъ участвовалъ цвѣтъ населенія. На глазахъ у сосѣдей самолюбивые убыхи дѣйствительно сражались отлично; оттого приобрѣли они громкую извѣстность, какъ храбрцы и наѣзники, несмотря на то, что масса народа, какъ оказалось, вовсе не такова. Но убыхи не столько поддерживали сосѣдей, сколько подстрекали ихъ. Всевозможныя, ходившія по горамъ, письменныя воззванія, слухи и извѣщенія распространялись и выпускались убыхами. Наконецъ, видя, что абадзехамъ и шапсугамъ становится плохо, убыхи первые хватаются за послѣднее средство: ищутъ помощи за границею. Письма и обѣщанія отъ разныхъ личностей прежде всѣхъ получались убыхами и отъ нихъ уже расходились. Авантюристы-европейцы, прибывавшіе къ кавказскому берегу, получали пристанище у убыховъ. На ихъ же берегахъ ждали горцы высадки какого-то европейскаго войска.

Такимъ образомъ убыхи выдерживали роль свою до послѣдняго момента. Имъ самимъ и людямъ, имѣвшимъ о положеніи дѣлъ у нихъ свѣдѣнія вѣрныя, было ясно, что силы ихъ начали падать давно, а съ изъявленіемъ покорности шапсугами южнаго склона сдѣлались ничтожны. Но они не въ состояніи были забыть свою прежнюю громкую славу, рассчитывали на то же въ другихъ и въ русскихъ, и все еще надѣялись, что ихъ никакъ нельзя сравнить и не сравниютъ съ какими-нибудь, какъ они выражались, шапсугами.

Чѣмъ ближе подходили русскіе къ убыхской землѣ, тѣмъ болѣе беспокоились убыхи. Но беспокойство это проявлялось различно. Люди умные видѣли, что русскихъ не пересилить; они понимали, что сопротивленіе съ оружіемъ въ рукахъ поведетъ только народъ къ разоренію, а исходъ дѣла не измѣнится, и потому болѣе и болѣе склонялись противъ войны. Но заявлять гласно о необходимости покориться безъ боя не рѣшался никто: это прямо противорѣчило понятіямъ о самолюбіи и о чести. Большая часть такихъ людей молчали и выжидали. Нѣкоторые дѣйствовали гораздо эгоистичнѣе: не заботясь о народѣ, думали о себѣ, вступали тайно въ сношеніе съ нами,

вызывались устраивать дѣла въ пользу русскихъ и нахально просили себѣ за то платы.

Такъ, напримѣръ, еще 16-го сентября 1863 года, въ лагерѣ на рѣкѣ Шекодзѣ, было получено полковникомъ Гейманомъ письмо, гдѣ между прочимъ говорилось (переводъ съ арабскаго):

„Когда мы увидѣли нашего посла Исмаила Баракаю, прѣхавшаго недавно изъ Турціи, который сообщилъ намъ различныя извѣстія, то поняли, что въ нашей землѣ должны быть большіе перевороты. Весь народъ принялъ съ радостію вѣсть объ оставленіи за нами земли, которою мы владѣемъ, и совѣтывался долго между собою объ этомъ дѣлѣ. Намъ извѣстно все, что они желаютъ предпринять противъ васъ.

„Посылаемъ вамъ подателя сего письма съ тѣмъ, чтобы вы успѣли уничтожить все ихъ замыслы противъ васъ. Мы также можемъ противодействовать, если получимъ отъ васъ за это плату. Тогда мы раздѣлили бы эти деньги между тѣми старшинами, которые стараются вредить вамъ въ дѣлахъ съ нашимъ народомъ, и тѣмъ заставили бы ихъ молчать и не принимать никакого участія въ народныхъ дѣлахъ и совѣщаніяхъ....“
и т. д.

Подобнаго нахальнаго продажничества не встрѣчалось ни въ одномъ изъ племенъ горскихъ.

Въ письмѣ, посланномъ имъ въ отвѣтъ 30-го сентября 1863 года, между прочимъ, сказано:

„Вы, я думаю, знаете, что война украшаетъ слава, а не деньги; поэтому побѣда, купленная деньгами, есть для война безчестіе, и Богъ никогда не благословитъ его оружія...“
и т. д.

Вообще изъ всѣхъ убыхскихъ владѣльцевъ наиболѣе вліятельны въ то время были трое представителей фамиліи Берзевовъ: 1) хаджи Керендукъ-Догомуковъ, 2) хаджи Алимъ-Гирей-Бабуковъ; 3) Эльбузъ-бекъ-Хапакъ и представитель фамиліи Зефшъ, Исмаиль Баракай. Меньше всѣхъ дорожили честію убыхскаго народа Бабуковъ и Эльбузъ, люди болѣе богатые. Они заботились преимущественно лично о себѣ. Баракай, имѣвшій много родныхъ въ Турціи, проповѣдывалъ безъ устали о помощи изъ-заграницы; онъ привезъ въ убыхскую землю аван-

туристовъ-европейцевъ; у него они имѣли убѣжище и вмѣстѣ съ нимъ уѣхали. Наконецъ Догомуковъ былъ главнымъ подстрекателемъ къ войнѣ, часто начальствовалъ надъ партіями абадзеховъ, убыховъ и шапсуговъ и до послѣдней минуты отстаивалъ необходимость сопротивленія.

Молодежь убыхская составила партію съ противоположными убѣжденіями. Она только кричала о войнѣ. Она думала, что одно имя убыховъ уже значитъ много, а силъ ихъ достаточно для удержанія русскихъ. Впрочемъ, нѣкоторые изъ партіи войны говорили: если дѣйствительно русскіе переселятъ, сдадимся тотчасъ же, чтобы не допустить себя до разоренія. Но какъ же покориться, не помѣрившись силами?

Тотчасъ по приходѣ отряда на Псезуапѣ, 5-го марта, къ убыхамъ послано было слѣдующее письмо на арабскомъ языкѣ:

„Отъ начальника русскихъ войскъ, генерала Геймана, убыхскому народу привѣтствіе.

„Вы очень хорошо знаете, что народы абадзехскій и шапсугскій безусловно покорились нашему оружію и свободно переселяются въ Турцію; тѣ же, кто пожелалъ, выходятъ къ намъ и получаютъ землю на Лабѣ и Кубани. Теперь, убыхи, вы остаетесь послѣдніе. Если хотите знать наши требованія относительно васъ, то вотъ они: немедленно выдать всѣхъ русскихъ плѣнныхъ; сейчасъ же, безъ означенія срока, тѣ, кто желаютъ идти въ Турцію, должны собраться таборомъ на берегу моря, въ трехъ пунктахъ: 1) у устья Шахе, 2) у Вардане и 3) у устья Сочи. Туда переносить все имущество и, у кого есть, хлѣбъ. За безопасность вашу тогда я отвѣчаю. Къ этимъ пунктамъ могутъ приставать турецкія кочермы и пароходы, на которыхъ вы можете ѣхать въ Турцію. Лишнія ваши вещи можете продать войскамъ—это будетъ дозволено. Тѣ же, кто хочетъ идти къ намъ, должны сейчасъ же выселяться на Кубань, гдѣ имъ будетъ отведена земля. На свободный проѣздъ я дамъ билеты. Если вы этого не захотите исполнить и съ вашей стороны будетъ сопротивленіе, тогда да разсудитъ насъ Богъ.

„Я знаю, что между вами есть люди умные и вы не допустите себя до разоренія, какъ абадзехи, потому что силою оружія я освобожу вашихъ холоповъ, закрою путь въ Турцію, и вы будете поселены на берегу Азовскаго моря. Вспомните,

что вы подняли против насъ абадзеховъ и заставили несчастный народъ дойти до нищеты.“

6-го марта, послѣ обѣда, въ отвѣтъ на письмо, пріѣхали, для переговоровъ, до пятнадцати убыхскихъ стариковъ. Почти всѣ они жили по сосѣдству съ шапсугами, около низовій Шахе; на нихъ, слѣдовательно, должны были обрушиться первые удары нашего оружія. Въ главѣ былъ одинъ изъ Берзековъ, Эльбузь-Хапакъ; съ ними пріѣхалъ и другой Берзекъ, хаджи-Бабуковъ.

Начальнику отряда заранѣе сообщили, что они пріѣхали не съ изъявленіемъ покорности, а только для переговоровъ, имѣя въ виду выговорить отсрочку для вторженія въ ихъ землю русскихъ войскъ. Имъ нужно было дотянуть до лѣта: тогда будетъ во сто кратъ болѣе шансовъ на успѣхъ войны, и, можетъ быть, они думали, при успѣхѣ согласятся оставить убыховъ на занимаемой ими землѣ. Генераль Гейманъ, зная лучше чѣмъ кто-нибудь о настоящемъ положеніи дѣлъ у убыховъ, рѣшился съ первыхъ же словъ посбавить ихъ гордость, показать имъ, что въ глазахъ русскихъ убыхи не только не страшны, но ничтожны и даже презрѣнны. Для убыховъ, какъ оказалось впоследствии, не могло быть удара сильнѣе.

— „Ну что же, убыхи? сказалъ, выходя къ старшинамъ, генераль.—Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ? Гдѣ же войска ваши въ европейскихъ мундирахъ, о которыхъ вы столько кричали? Гдѣ нарѣзные орудія и снаряды? Гдѣ союзники ваши?“

— „Мы уже убѣдились—отвѣчали старшины—что всѣ надежды наши на постороннюю помощь — мечта; мы видимъ, что остались одни, и всѣ, кто прежде заискивалъ въ насъ, отворачиваются. Но мы все-таки остаемся убыхами, мы все-таки цѣлый народъ и, кажется, можемъ для своего блага вступать въ сношенія и заявлять свои требованія.“

— „Вамъ ли, убыхамъ, переговоры вести? Побѣдите насъ, прогоните войска. Вѣдь вы сильны, могучи.“

— „Трудно теперъ намъ надѣяться на побѣду. Мы можемъ биться до крайности, можемъ нанести вамъ много вреда, но, конечно, разоримся и сами. Чтобы избавиться отъ подобныхъ невзгодъ, мы желали бы покончить дѣло мирнымъ путемъ. Мы хотимъ только срока мѣсяца три; мы всѣ желаемъ выйти въ Турцію; у насъ есть больные, есть имущество; многіе живутъ

далеко отъ берега. А до тѣхъ поръ мы просимъ не вводить войскъ въ нашу землю.

— „Объ участи вашей вы знаете давно отъ шапсуговъ. Кто хотѣлъ, успѣлъ приготовиться къ выселенію. О вредѣ русскимъ я не беспокоюсь: здѣсь вѣдь намъ не будетъ труднѣе, чѣмъ когда мы покоряли абадзеховъ и шапсуговъ. Но о милости и жалости къ вамъ вы и не думайте. Кто, какъ не вы, безчеловѣчно, безжалостно поступалъ съ абадзехами? Кто поджигалъ ихъ на войну съ русскими? Кто рассказывалъ имъ басни и распускалъ ложные слухи? Ваши жены и дѣти были спокойны, ваше имущество цѣло; а на то, какъ, по вашему наущенію, попусту лилась ручьями кровь вашихъ единовѣрцевъ, вы смотрѣли хладнокровно. Вамъ, убыхи, несчастные, нищіе теперь, разоренные до тла абадзехи должны сказать спасибо за все. Если бы не вы, они спокойно, въ довольствѣ давно уже жили бы въ Турціи. Такъ стойте ли вы хотя какой-нибудь милости? Знайте же, что болѣе переговоровъ съ вами я не хочу вести никакихъ. Требованія мои я сказалъ вамъ въ письмѣ, а не хотите исполнить—я съ войсками приду помогать вамъ.

— „Мы знаемъ—заговорилъ Эльбузь—что требованія русскихъ мы должны исполнять. Съ тѣми, кто побѣдилъ Шамиля, кто подчинилъ своей власти весь Дагестанъ и Чечню, кто покорилъ многочисленныхъ абадзеховъ и шапсуговъ, намъ не по силамъ сражаться. Мы и теперь народъ уже падшій, но, лежа, просимъ у васъ милости. Великодушію и благородству свойственна милость.

— „Нечего рассказывать сказки! Я знаю васъ насвозь, ничтожные и надменные убыхи! Вы еще счастливы, что я не сейчасъ иду къ вамъ: еще есть время всѣмъ выйти на берегъ. А кто не знаетъ, какъ идти къ берегу, пусть спросить у шапсуговъ и абадзеховъ. Уступокъ съ моей стороны нѣтъ и не будетъ впередъ. Мало того: денегъ отъ меня никто изъ васъ не получитъ ни гроша; я помогалъ и давалъ награды людямъ честнымъ и вѣрнымъ, а не такимъ, какъ вы.“

Убыхскіе старики понурили головы и сконфузились. Они привыкли видѣть, что съ ними обращаются какъ съ людьми важными и именитыми, ласкаютъ и лелѣютъ ихъ и тѣмъ, какъ говорится, подливаютъ въ пламя масла, а тутъ выражаются

такъ круго. Въ довершеніе же всего, когда генераль отвернулся и ушелъ, Заурбекъ, старшина шапсугскаго общества Гои, сказалъ имъ:

— „Напрасно, убыхи, вы еще хорохоритесь. Ничего вы не сдѣлаете съ вашею глупою спѣсью. Вздумаете драться—будетъ вамъ худо: вспомните мое слово. Вы знаете, что въ свое время, когда было нужно, я былъ всегда впереди васъ, первый противъ русскихъ. То время прошло, и я безъ стыда покорился. Я достаточно приобрѣлъ себѣ славы военной, чтобы стыдиться своимъ поступкомъ, а, между тѣмъ, спасъ цѣлость семействъ и имущество всего общества. Не думаете ли вы, что если убьете двѣсти, триста русскихъ солдатъ, сдѣлаете тѣмъ вредъ правительству? вмѣсто ихъ приплюютъ тысячи. Тѣхъ истребите вмѣстѣ съ начальниками, вышлютъ опять еще больше, а отъ васъ не отганутъ.“

Картина переговоровъ была необыкновенно эффектная; группа почетныхъ убыховъ, и впереди ихъ хромые отъ русскихъ пудъ Эльбузъ и еще какой-то старикъ, была весьма живописна. Въ осанкѣ, во взглядѣ каждаго читались яркими буквами сознание полнаго достоинства и необузданная свобода. Ни капли униженія, ни капли боязни. Между тѣмъ, было ясно, что такія минуты, быть можетъ, въ первый и въ послѣдній разъ у нихъ въ жизни. Видно было, что они задѣты за самую слабую струну — за самолюбіе. Гордые и богатые, залитые въ галуны и серебро убыхи вынуждены были признать себя гласно безсильными.

Изъ предложеннаго убыхамъ въ приведенномъ письмѣ чувствительнѣе всего была угроза освободить холоповъ. У многихъ было ихъ по нѣскольку сотъ: понятно, что людямъ разумнымъ и расчетливымъ это приходилось не очень-то понутру. Холопамъ, конечно, хотѣлось войны, и потому сначала они были на сторонѣ молодежи. Но потомъ имъ объявлено, что если владѣльцы сражаться не будутъ, а они поднимутъ оружіе, имъ нечего и думать объ освобожденіи.

По отъѣздѣ убыхскихъ старшинъ, остался одинъ Бабуковъ. Онъ просилъ дозволенія у генерала переговорить о собственныхъ своихъ дѣлахъ. Войдя въ палатку, онъ понизилъ тонъ совершенно. Онъ говорилъ, что не сомнѣвается въ успѣхѣ нашемъ противъ убыховъ, что бы они ни предприняли; повто-

рилъ, что онъ лично будетъ содѣйствовать всему въ пользу нашу, и просилъ дозволенія отправить имущество для продажи черезъ Вѣлорѣчинскій переваль въ станицы. Все же, что возьметъ съ собою въ Турцію, онъ намѣренъ былъ вывезти на берегъ моря и просилъ, если войска застанутъ его транспорты еще въ движеніи, не трогать ихъ. При этомъ Бабуковъ между прочимъ высказалъ, что изъ аула его къ морю лучшей путь не все внизъ по Шахе, а черезъ средоточіе убухской земли къ прибрежью общества Вардане. На Шахе же—онъ говорилъ—около впаденія Чесмая, при большой водѣ, внизъ по рѣкѣ остается доступною одна только тропа по горамъ, столь трудная, что вьюковъ провезти невозможно. Да и для разработки нужно много времени: все скалы да скалы. Свѣдѣніе это, потомъ повѣренное на мѣстѣ, послужило одною изъ причинъ для измѣненія въ послѣдствіи общаго плана военныхъ дѣйствій.

Лагерь отряда подъ постомъ Лазаревскимъ раскинулся широко на полянѣ къ западу отъ стѣнъ бывшаго укрѣпленія. На ровномъ, просторномъ мѣстѣ люди отдохнули.

Рѣдко бываетъ такой удобный бивуакъ. Въ горахъ большею частію помѣщаются на покатостяхъ, иногда довольно крутыхъ; ни самому помѣститься, ни вещей разложить, просушить негдѣ. Къ тому же погода 5-го и 6-го марта была великолѣпная. Небо ясно, солнце не жжетъ, съ моря дуетъ свѣжій, прохладный вѣтерокъ. Если бы такіе дни были постоянно во время походовъ, не было бы и горя. Едва пришли войска, уже въ серединѣ бивуака образовался базаръ. Опять та же исторія, что была въ Вельяминовскомъ, разумѣется въ меньшихъ размѣрахъ и по цѣнамъ далеко не такъ низкимъ.

Подъ вечеръ 6-го числа, на одной изъ разгрузившихся шкунъ посланъ былъ къ командиру войсками оставленный имъ въ отрядѣ адъютантъ его, капитанъ Клюки-фонъ-Клугенау, съ извѣстіемъ о благополучномъ занятіи безъ выстрѣла бывшаго форта Лазаревскаго и о прочемъ происходившемъ. Извѣстіе это застало графа Евдокимова въ Ставрополѣ, передъ самымъ отъѣздомъ въ Тифлисъ.

Занявъ бывший фортъ Лазаревскій и обезпечивъ вновь учрежденный постъ продовольствіемъ, предстояло очистить отъ туземцевъ все пространство между теченіями Туапсе и Псезуапсе. Къ вечеру 6-го марта данный шапсугамъ срокъ истекалъ.

Нагорное пространство между рѣками Туапсе и Псезуапесъ первого взгляда представляется изрытымъ во всевозможныхъ направленіяхъ. Изъ хребтовъ рѣзче обозначаются слѣдующіе:

1) Часть главнаго водораздѣльнаго, отъ 20 до 23 верстъ отъ берега моря.

2) Часть второстепеннаго хребта. Этотъ извилистѣе, мѣстами выше и вообще суровѣе перваго; отъ берега отстоитъ верстъ на одиннадцать. Черезъ него въ узкихъ и длинныхъ тѣснинахъ прорываются: Псезуапесъ, Ашше (Ашечей), Туапсе. Верховые притоки этихъ трехъ рѣкъ въ глубокихъ и плодородныхъ ущельяхъ наполняютъ собою все пространство между хребтами. Здѣсь-то гнѣздилась главная масса населенія горскаго. Въ котловинахъ, гдѣ сливаются такіе притоки, передъ выходомъ рѣкъ въ упомянутыя тѣснины, можно сказать, былъ аулъ на аулъ. По этимъ же, нерѣдко раскрытымъ и большею частію параллельнымъ водораздѣлу, побочнымъ ущельямъ идетъ продольная нагорная дорога.

3) Береговой хребетъ, меньшей высоты, отъ двухъ до четырехъ верстъ отъ моря. Черезъ него, кромѣ Псезуапесъ, Ашше и Туапсе, прорываются, берущія начало на югозападномъ склонѣ второстепеннаго хребта, малыя рѣки: Дедерукой, Макопсе, Шепсы и другія. Продольныя ущелья между этимъ хребтомъ и второстепеннымъ также населены густо. Здѣсь ауловъ было меньше, но почти все большіе.

На пространствѣ между береговымъ хребтомъ и моремъ населенія было немного; аулы встрѣчались только тамъ, гдѣ горы дальше отходятъ отъ берега.

Генераль Гейманъ намѣревался: отходя назадъ, къ посту Вельяминовскому, очистить пространство между второстепеннымъ хребтомъ и моремъ; на посту Вельяминовскомъ заpastись провіантомъ и присоединить къ отряду нѣсколько вновь назначенныхъ изъ другихъ отрядовъ баталіоновъ; потомъ подняться вверхъ по Туапсе до Мевабу, нагорною полосою пройти до верховьевъ Псезуапесъ и оттуда спуститься къ устью этой рѣки.

Движеніе начато было по утру 7-го числа. Въ гарнизонѣ поста Лазаревскаго, какъ сказано, оставлено три баталіона безъ стрѣл-

ковыхъ ротъ. Такимъ образомъ, свободныхъ войскъ было только пять баталіоновъ (2-й севастопольскій, кабардинскій, 21-й, 3-й сводные стрѣлковые и 2-й черноморскій), три стрѣлковыя роты (5-я Севастопольскаго полка, 1-я Черноморскаго и 1-я Бакинскаго полковъ), четыре горныхъ орудія, съ эскадрономъ драгунъ (Тверскаго Его Императорскаго Высочества Николая Николаевича Старшаго полка).

Продовольствія велѣно взять на три дня; остальное, какъ и лишнія тяжести, приказано оставить на посту Лазаревскомъ.

7-го числа войска отошли до рѣки Макопсе. Отрядъ двигался двумя колоннами:

Лѣвая, маіора Калинина: десять ротъ, четыре орудія, кавалерія и весь обозъ, шла намывною береговою дорогою.

Правая, подполковника фонъ-Клугенау: пятнадцать стрѣлковыхъ ротъ, направлена горами.

Послѣдняя выжгла селенія по низовымъ притокамъ рѣки Ашше. Жителей, гдѣ ихъ заставали, выводили предварительно съ ихъ имуществомъ. Многіе шансуги, видя движеніе отряда, бѣжали съ семьями въ горы. Ночлегъ былъ при впаденіи Макопсе въ море. Изъ лѣвой колонны, прибывшей ранѣе, передъ вечеромъ отряжено шесть ротъ, подъ начальствомъ маіора Попова-Азотова, въ прикрытіе фуражировки. Когда фуражиры возвращались, горцы пустили въ колонну нѣсколько выстрѣловъ.

8-го марта отрядъ дошелъ до рѣки Шепсы. Переходъ небольшой, съ тою цѣлю, чтобы успѣть очистить пространство не торопясь. Здѣсь берегой хребетъ отходитъ отъ моря далѣе. Поэтому отправлены были три колонны.

Правая, подполковника Клюки-фонъ-Клугенау — одиннадцать ротъ стрѣлковъ—поднялась вверхъ по Макопсе, очистила верховые притоки этой рѣки, перевалила подъ второстепеннымъ хребтомъ къ истокамъ Шепсы и спустилась внизъ той же рѣкой къ лагерю.

Средняя, маіора Попова-Азотова—шесть ротъ—выжгла аулы по отлогому склону береговаго хребта.

Лѣвая, маіора Калинина—восемь ротъ, четыре орудія, кавалерія и весь обозъ—прошла прямо берегомъ.

На ночлегъ, у низовій Шепсы, послѣдняя колонна пришла

рано; первая же стянулась едва къ поздней ночи. Когда смерклось, горцы съ высотъ опять тревожили арьергардъ выстрѣлами.

9-го числа подполковникъ фонъ-Клутенау со стрѣлками (одиннадцать ротъ) направленъ былъ легчайшимъ береговымъ путемъ. Онъ составилъ лѣвую колонну, съ артиллерією, кавалерією и выюками всего отряда.

Средняя колонна, маіора Калинина (четыре роты), прошла нагорною прибрежною полосою, а правая, маіора Попова-Азотова (десять ротъ), между хребтами береговымъ и второстепеннымъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда весь отрядъ собрался подъ постъ Вельяминовскій.

Такимъ образомъ, въ первые три дня движенія выжжено было дочиста все пространство между второстепеннымъ хребтомъ и моремъ. Оставлены только для переселенцевъ аулы, ближайшіе къ берегу и къ мѣстамъ сбора. Время было посредственное, хотя 8-го и 9-го, и днемъ и ночью, шелъ дождь. Ни въ людяхъ, ни въ лошадяхъ, ни въ оружіи потери не было. Съ мѣстъ сборовъ нѣсколько кочермъ уже отплыли въ Турцію; многія нагружались.

У поста Вельяминовскаго войска застали прибывшіе изъ распущеннаго джубгскаго отряда, вновь назначенные въ составъ даховскаго, 2-й крымскій и 4-й ставропольскій баталіоны. Въ то же время получено свѣдѣніе, что самурскій стрѣлковый баталіонъ и четвертая рота кавказскаго сапернаго № 2-го баталіона, также вновь назначенные въ даховскій отрядъ изъ пшехскаго, прибыли въ ущелье Туапсе и стоятъ бивуаками верстахъ въ семи отъ моря. На слѣдующій день присоединилась къ отряду сотня казаковъ Кубанскаго войска № 15-го полка. Числительность отряда увеличилась, такимъ образомъ, до 15 баталіоновъ и трехъ ротъ, шести горныхъ орудій, четырехъ полевыхъ (на постахъ), одного эскадрона и одной сотни.

Для предстоявшихъ дѣйствій, войска эти распредѣлены были слѣдующимъ образомъ:

Въ гарнизонѣ поста Лазаревскаго, какъ упомянуто, оставлены три баталіона безъ стрѣлковыхъ ротъ.

Въ гарнизонѣ поста Вельяминовскаго вступилъ одинъ баталіонъ (2-й крымскій).

На туапсинской кордонной линіи остались два баталіона (4-й ставропольскій и 5-й кубанскій), съ двумя горными орудіями и вновь прибывшею ротою саперовъ. Начальникомъ линіи назначенъ подполковникъ Лагоріо. Ему же временно подчиненъ баталіонъ (4-й кубанскій), находившійся въ гарнизонѣ укрѣпленія Гойтхъ.

Затѣмъ въ подвижной части отряда остались десять баталіоновъ и три стрѣловыя роты, одна рота саперовъ, четыре горныхъ орудія, одинъ эскадронъ драгуновъ и одна сотня казаковъ. Войска эти должны были выступить въ горы 10-го марта, взявъ съ собою изъ туапсинскаго магазина провіанта на десять дней.

У поста Вельяминовскаго сборъ горцевъ, выселявшихся въ Турцію, былъ, по прежнему, большой. По свѣдѣніямъ, собраннымъ завѣдывающимъ переселеніемъ, съ 23-го февраля по 9-е марта съ устья Туапсе отправилось 59 кочермъ, съ 14,000 горцевъ. 9-го числа отрядъ засталъ здѣсь еще 13 кочермъ, готовыхъ къ отплытію, и турецкій пароходъ „Хидасти-бахри“, направленный сюда трапезондскимъ консуломъ нашимъ. Вообще трудно было представить себѣ, чтобы переселеніе цѣлыхъ народовъ могло идти такъ быстро, какъ это было весною 1864 года. Въ особенности громадно количество отплывшихъ отъ Туапсе: тутъ была главная пристань шапсуговъ; сюда направлялась съ сѣвернаго склона большая часть абадзеховъ. Къ 1-му мая съ 23-го февраля отъ Туапсе отправились до 60,000 горцевъ, а всего въ 1864 году въ районъ даховскаго отряда, т. е. отъ Туапсе до Хосты и Мзымты, около 140,000 (*). Впрочемъ, эти цифры приблизительныя, и, конечно, онѣ менѣе того, что было дѣйствительно: значительная масса уѣхала до занятія края войсками, да и послѣ занятія нельзя было усмотрѣть, чтобы суда отходили только отъ пунктовъ, гдѣ находятся гарнизоны; нельзя было добиться, чтобы о всѣхъ отплывающихъ между постами судахъ получались хотя приблизительныя свѣдѣнія.

Упомянутый пароходъ былъ первый, на который рѣшились съѣсть горцы, да и то благодаря хаджи-Каспулату. Хаджи-Каспулатъ, отправивъ семью, холоповъ своихъ и имущество, былъ приглашенъ остаться до тѣхъ поръ, пока не придетъ какой-

---

(*) Мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

нибудь пароходъ: онъ долженъ былъ показать примѣръ; съль первый, и только за нимъ пошли прочіе. Конечно, въ послѣдствіи горцы поняли разницу и сами рвались на пароходы.

Трапезондскій консулъ нашъ, не зная обстоятельно, гдѣ находится даховскій отрядъ, когда явилась возможность направить для перевозки черкесовъ „Хидасти-бахри“, указалъ ему прійти въ Сухумъ и оттуда уже слѣдовать куда окажется нужнымъ. Изъ Сухума пароходъ этотъ отправили, со шкуною „Туапсе“, вдоль берега, также не зная навѣрное, гдѣ теперь находится даховскій отрядъ. Легковѣрные горцы, видя пароходъ съ матросами въ фескахъ, вообразили, что къ нимъ ѣдетъ давно ожидаемое заморское войско на помощь. Закопошились переселенцы на берегу; поднялась у нихъ тревога. Разумѣется, вскорѣ все обнаружилось.

Пользуясь случаемъ, трапезондскому консулу нашему было сообщено, что, несмотря на запрещеніе горцамъ вывозить съ собою русскихъ плѣнныхъ, несмотря на возможное наблюденіе за исполненіемъ этого, многихъ плѣнныхъ увозятъ въ Турцію насильно. Черезъ нѣсколько времени консулъ увѣдомилъ, что онъ предупредилъ просьбу и многихъ переслалъ уже въ Россію.

10-го марта, съ разсвѣтомъ, отрядъ потянулся вверхъ по Туапсе. Начался походъ въ нагорную полосу, быть можетъ труднѣйшій изъ всѣхъ походовъ отряда. Чѣмъ далѣе въ горы, тѣмъ было хуже. Уже два дня сряду дождь не переставалъ, временами лилъ какъ изъ ведра. Въ горахъ стало грязно, холодно и вѣтряно. Вершины хребтовъ подернулись густѣйшимъ туманомъ: иногда въ нѣсколькихъ шагахъ не видать было ничего. Нижніе чины, неся на себѣ шестидневный провіантъ, то и дѣло забирались по крутому подъему или спускались по обрывистой узкой тропѣ. Въ первый день переходъ сдѣланъ въ 15½ верствъ. На мѣстности ровной это было бы пустыки. Здѣсь же болѣе 7,000 людей и 1,000 навьюченныхъ лошадей должны были вытянуться одинъ за другимъ по тропинкѣ. Аріергардъ потянулся къ мѣсту бивуака въ 11 часу вечера.

11-го числа отрядъ повернулъ въ продольныя долины. Онъ раздѣленъ былъ на двѣ колонны:

Лѣвая, подполковника Солтана (шесть баталіоновъ, артиллерія, кавалерія и обозъ), шла вверхъ по Пшинахо. Ущелье Пшинахо уже было очищено пшехскимъ отрядомъ.

Правая, подполковника Клюки-фонъ-Клугенау (четыре баталіона стрѣлковъ), поднялась по Алипсе, спустилась потомъ на Пшинахо и вытянулась въ ущелье Пшіахо. Эта колонна дорогою выжгла много ауловъ. Жители, видя, что и здѣсь имъ негдѣ укрыться, потянулись съ семьями къ берегу моря. У впаденія въ Пшинахо рѣки Кудесхабъ обѣ колонны соединились.

Отсюда въ бассейнъ рѣки Ашше, черезъ поперечный хребетъ, идетъ одна, и то едва проходима, тропинка. Дождь сдѣлалъ ее весьма трудною и опасною. Часто она такъ узка, что негдѣ поставить всю ногу, или такъ поката и скользка, что нужны большія усилія, чтобы удержаться, а, между тѣмъ, возлѣ сейчасъ же круча, гдѣ едва виднѣется дно. Люди приходили въ изнуреніе отъ усталости; лошади безпрестанно обрывались. Остановиться на ночлегъ было негдѣ: ущелье тѣсно, мѣстность обрывиста и скалиста. Ночь застала въ движеніи большую часть отряда. Бивуачное мѣсто выбрано было на водораздѣлѣ притоковъ Туапсе отъ притоковъ Ашше. Въ темнотѣ и туманѣ баталіоны едва находили мѣста, гдѣ бы имъ помѣститься. Арьергардъ прибылъ подъ утро. На промокшей землѣ, промокнувъ насквозь, привычные люди большею частію не спали всю ночь. Въ довершеніе всего, какъ только стемнѣло, горцы съ высотъ надъ тропинкою стрѣляли по тянувшимся выюкамъ и ранили нѣсколько лошадей.

Начальникъ отряда и его штабъ остановились на какомъ-то курганѣ: нельзя было сыскать даже ровной площадки подъ палатку генерала. Тутъ же возлѣ, по обыкновенію, пристроилась команда конвойныхъ казаковъ. Къ счастью, случился, поблизости, въ овражкѣ, небольшой горскій хуторъ. Крыши съ хлѣвовъ и амбаровъ, почти сгнившая солома да папоротникъ, тотчасъ разобраны на расхватъ: это былъ единственный кормъ для коней. Плетневые стѣны службъ и заборы сейчасъ же сломаны для костровъ. Осталась одна небольшая ветхая сакля. Въ нее набилось человекъ двадцать казаковъ. Они развели огонь въ каминѣ, стали варить себѣ пицу и сушить башлыки и черкески. Шашки, кинжалы и ружья закрыли собою всѣ стѣны. На полу разостлали сплошь бурки, и на нихъ отдыхалъ кто управился.

Проходя мимо сакли, всякій невольно засматривалъ: кто это такъ беззаботны и веселы? Шумъ, говоръ, смѣхъ, споры раз-

давались далеко. Нѣтъ признака недовольства; нѣтъ тѣни ропота.

— Такъ неужели и взаправду бываютъ походы труднѣе? спрашиваетъ молодой, стройный казакъ, сидя у огня, возлѣ пожара, съ умнымъ лицомъ и огромною бородою, который мѣшалъ деревянною ложкою варившійся въ висячемъ котлѣ супъ.

— А ты думаешь какъ — возразилъ тотъ — что трудность только горы да горы?... Не въ томъ она. Мало ль мы съ тобою и снѣгу лѣтомъ видали и карабкались по скаламъ, и не ѣли по суткамъ, а по мѣсяцамъ глодали сухарь... Не въ томъ она, трудность-то, а въ непривычкѣ. Вотъ бы сюда на три дня кто не привыкъ, кто все по ровному мѣсту ходилъ: накричался бы, и на словахъ-то насказали бы, и навѣки вѣковъ себя прославили бы. А мы вотъ за десятый годъ маемся: ничего—и не жалимся. Такъ вотъ она, трудность-то! За то сказано: за одного битаго двухъ не битыхъ даютъ.

12-го марта отрядъ спустился на рѣку Ашше. Главная колонна съ обозомъ прошла $8\frac{1}{2}$ верстъ. Подполковникъ Клюкифонъ-Клугенау опять съ четырьмя баталіонами обошелъ влѣво ущельемъ рѣки Тхаценако, а маіоръ Щелкачевъ съ кабардинцами—правѣе, другимъ притокомъ Ашше. Въ этотъ день уничтожено болѣе ста ауловъ. Во всѣхъ трехъ колоннахъ были небольшія перестрѣлки. У насъ раненъ одинъ рядовой кабардинскаго стрѣлковаго баталіона. Селенія были только-что оставлены жителями. Они уходили частію далѣе въ горы, въ верховья Псезуапе, а болѣе къ морю. Лагерь разбитъ былъ при соединеніи Тхаценако съ Ашше. Однимъ баталіономъ и кавалеріею заняты лѣвый берегъ Ашше. Быстрая и въ обыкновенное время, рѣка эта, послѣ долгихъ дождей, стала глубока и крайне опасна. Лошади едва держались на ногахъ при переправахъ: такъ сильно сшибало теченіемъ. Глубина брода была выше пояса.

Мѣстность въ верховьяхъ Псезуапе особенно сурова. Здѣсь главный и второстепенный хребты сходятся ближе и оба принимаютъ огромные размѣры. Перевалить изъ бассейна Ашше въ бассейнъ Псезуапе, не спустившись предварительно къ морю, оказалось весьма затруднительнымъ. И туземцы считаютъ тутъ нагорныя тропы весьма неудобными. Отряду въ полномъ составѣ, съ вьюками, нечего было и думать пускаться. Съ дру-

гой стороны, внизъ по Ашше представлялась опасность отъ частыхъ переправъ.

Начальникъ отряда рѣшилъ отрядить въ верховья Псезуапе подполковника Клюки-фонъ-Клугенау съ четырьмя стрѣлковыми баталіонами налегкѣ, безъ вьюковъ, а самому, съ остальными войсками и всѣмъ обозомъ, не выжидать, пока спадутъ рѣвки—судя по погодѣ, пришлось бы ждать долго—а пробираться внизъ, по тѣсницѣ Ашше, чтобы потомъ пойти берегомъ моря.

Колонна подполковника Клугенау шла до устья Псезуапе три дня: 13-го, 14-го и 15-го марта. Ночлеги были: первый на одномъ изъ правыхъ притоковъ Псезуапе; второй въ четырехъ верстахъ отъ Лазаревскаго поста. Всѣ встрѣченные аулы были уничтожены. Жители ближе къ низовьямъ рѣвки вышли, а у истоковъ, въ верховыхъ ущельяхъ, гдѣ гнѣздилося полудикое общество Хакуцъ, собрались партіи для вооруженнаго сопротивленія. Еще 13-го числа они завязывали перестрѣлку; 14-го же, какъ только колонна вытянулась по тропѣ, напали на арьергардъ и открыли по немъ съ сосѣднихъ высотъ огонь. Сзади всѣхъ отступали стрѣлковыя роты Черноморскаго и Таманскаго полковъ. Съ одной изъ высотъ, горцы съ гикомъ бросались въ шашки, но тотчасъ же поворачивали назадъ. У черноморцевъ ранено шесть стрѣлковъ; у таманцевъ трое. Числительность непріятельской партіи за горами опредѣлить трудно; разомъ показывалось не болѣе 120 человекъ.

15-го марта почти до самаго моря горцы провожали колонну выстрѣлами. Въ этотъ день раненъ только одинъ рядовой сводно-стрѣлковаго № 3-го баталіона. Того же баталіона одинъ рядовой утонулъ при переправѣ черезъ рѣку Псезуапе.

Главная колонна прибыла къ устью Псезуапе также въ три дня. Оба ночлега были на берегу рѣвки Ашше, въ 12-ти и 2-хъ верстахъ отъ устья. Переходы 13-го и 14-го марта были хотя невелики по числу верстъ, но весьма тяжелы: въ тѣсницѣ, по которой Ашше прорывается къ морю, безпрестанно, то справа, то слѣва, подступаютъ вертикальныя скалы; тропа то и дѣло перебѣгаетъ съ одного берега на другой. Пришлось переправляться черезъ глубокую, выше пояса, иногда до груди, и стремительную Ашше, до десяти разъ. Если бы въ рѣкѣ такой глубины теченіе было слабое и дно ровное, и тогда переправа была бы трудна. А тутъ вода бьетъ со страшною силою, пѣ-

нится и мѣстами крутитъ, а на днѣ крупные камни, которые подъ ногами, какъ только ступишь, ворочаются. На каждомъ бродѣ приняты были мѣры для предотвращенія опасностей. Пѣхотѣ велѣно переправляться не иначе, какъ группами, отдѣленіями или повзводно, взявъ другъ друга подъ руки. Если и отрывало и сносило теченіемъ, то только тѣхъ, кто шелъ съ краю. Для спасенія ихъ съ низовой стороны брода, поставлены были шеренги драгуновъ и казаковъ. Если бы не эти всадники, многіе пошли бы ко дну. Туземцы не вѣрили, чтобы отрядъ могъ пробраться по такому пути, въ такую высокую воду. Смотрѣть со стороны на переправу было поразительно. Большая часть солдатъ, для сбереженія платья, раздѣвались до груди догола, завернувъ кверху нижнее платье. Обувь, платье, патронташъ примащиваютъ повыше около шеи, да и ранецъ подтянутъ какъ только можно, чтобы не подмочило. Ружье то торчитъ за спиною, то также притрочено какъ-нибудь выше; руки заняты: надо держаться сосѣдей. Но всѣ предосторожности оказывались мало-дѣйствительными. Не мочило скудныхъ доспѣховъ солдатскихъ водою рѣчною, такъ мочило дождемъ, или капало на нихъ, накрученныхъ около шеи, съ мокрой, косматой папахи. То несется по рѣкѣ между пѣною сѣрая солдатская шинель, то кожаный ранецъ, то еще что-нибудь. „Ахъ, Богъ ты мой! горе какое!“ восклицаетъ солдатъ, провожая глазами какую-то мокрую массу: тамъ, въ завѣтномъ карманѣ, въ бумагѣ и въ тряпкахъ заворочено нѣсколько кровныхъ рублей.

Утопшихъ людей не было; кого срывало, всѣ были спасены. Затопило много лошадей, упущено болѣе сорока ружей и потонуло нѣсколько ящичковъ и патронташей да кулей съ сухарями.

Такимъ образомъ, все предположенное движеніе исполнено въ девять дней. Часть южнаго склона между Туапсе и Псезуапѣ, за исключеніемъ истоковъ послѣдней рѣки, очищена совершенно.

Въ военномъ журналѣ даховскаго отряда отъ 7-го по 20-е марта движеніе это закончено слѣдующими словами:

„Во все время описаннаго движенія, войска даховскаго отряда показали новый примѣръ полной готовности по первому требованію переносить самые тяжелые труды, самыя большія лишения. Девять дней безъ дневокъ, съ тяжелою ношею, они, выходя на разсвѣтѣ, двигались по мѣстности, замѣчательной своею суровостію, и стягивались на бивуаки уже въ темнотѣ,

къ позднему вечеру. Отъ дождей одежда людей промокла насквозь, а осушить ее было некогда. Обувь отъ грязи и частыхъ переправъ поизносилась. Ночлеги въ горахъ, подъ открытымъ небомъ, при непогодѣ, не давали возможности оправиться. Между тѣмъ, всѣ чины до послѣдняго солдата исполняли обязанности свои съ примѣрнымъ усердіемъ.“

V.

Дѣло у развалинъ монастыря и каштановаго лѣса. — Прибытіе къ устью рѣки Шахе. — Свѣдѣнія о положеніи дѣлъ у убыховъ послѣ 18-го марта. — Обстоятельства, заставившія измѣнить первоначальное предположеніе о военныхъ дѣйствіяхъ.

16-го и 17-го марта войскамъ даховскаго отряда, послѣ труднаго похода въ нагорную полосу, данъ двухдневный отдыхъ. Солдаты, давно привычные къ боевой жизни, уже къ вечеру перваго дня были какъ ни въ чемъ не бывало. На сухой землѣ, при хорошей погодѣ, было гдѣ отдохнуть. Въ рѣчкѣ помыли бѣлье, на солнцѣ просушили одежду, поисправили обувь и почистили ружья. Кто былъ посвободнѣе, успѣлъ погулять по базару, побалаякать съ шапсугами, посмотрѣть и повороchatъ въ рукахъ разныя продажныя вещи. Къ вечеру со всѣхъ сторонъ слышались пѣсни. Звонкіе голоса веселыхъ запѣвалъ разнослились далеко по окрестностямъ и, отдаваясь отъ сосѣднихъ горъ множествомъ эхо, сливались съ громкими звуками хоровъ. Всякій военный въ душѣ не могъ смотрѣть равнодушно на широкій, размашистый лагерь боеваго отряда. Къ прибывшимъ десяти баталіонамъ прибавились еще два: 1-й черноморскій и 1-й бакинскій, выведенные изъ поста Лазаревскаго; тамъ оставленъ только одинъ 1-й севастопольскій баталіонъ. Двѣнадцать баталіоновъ, всѣ развернутымъ фронтомъ, стояли огромнымъ покоемъ, примкнувъ открытою стороною къ одному изъ фасовъ бывшаго укрѣпленія. Съ одного конца лагерь до другаго было болѣе двухъ верстъ. Вечернія зори были необыкновенно эффектны. Звуки горновъ и барабановъ дальнихъ баталіоновъ, начатые, по обыкновенію, съ зоревымъ выстрѣломъ, долетали много позже ближайшихъ. Особенно торжественна при такой обстановкѣ молитва послѣ зори. Весь лагерь, цѣлыя тысячи воиновъ, обнаживъ головы, молятся вмѣстѣ; почти въ каждой ротѣ хоръ поетъ „Отче нашъ“. Сколько души, сколько неподдѣльнаго чувства въ этой молитвѣ

простыхъ православныхъ людей, каждый изъ которыхъ давно уже свыкъ съ мыслию, что, можетъ быть, сегодня послѣдній день въ его жизни! Съ какою теплою вѣрою крестится каждый солдатъ! Съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ святости минутъ общей молитвы, все, что ни есть въ лагерѣ, обращается вдругъ къ одному: шумный говоръ и смѣхъ прекращаются разомъ; пѣсни умолкаютъ повсюду. Всѣ отъ мала до велика, встаютъ и не покрываютъ головъ до тѣхъ поръ, пока не умолкнетъ послѣдній звукъ запоздавашаго хора молитвы Господней.

По утру 18-го марта предположено было, согласно съ программой, продолжать наступать на Шахе.

Легковѣрные и хвастливые убыхи, послѣ удара, нанесеннаго имъ при первыхъ переговорахъ 6-го числа, снова, но уже въ послѣдній разъ и на короткое время, подняли было головы. Русскіе отступили отъ Псезуапе — говорили подстрекатели къ войнѣ—они увидѣли, что мы (убыхи) не поддаемся имъ, и испугались. Сколько старики ни убѣждали въ несправедливости такихъ разсужденій, молодежь не слушала. Рѣшили собрать партію и выйти навстрѣчу. Можетъ быть—говорили—собравшись съ силами, русскіе сунутся въ нашу землю; мы не допустимъ ихъ и до границы убыхской земли. Въ партію собралось все что было готово къ войнѣ, все что искало войны. Убыхи сочли нужнымъ пригласить ахчипсхувцевъ. Но все-таки общій итогъ, который лазутчики доводили до цифры громадной, немногимъ превышала тысячу человекъ. Партія, выступая, по обыкновенію, поклялась умереть поголовно, а не пустить русскихъ дойти до Шахе. Но, къ несчастію горцевъ, партія была безъ главы: хаджи-Керендукъ-Догомуковъ уже нѣсколько недѣль былъ въ отлучкѣ, въ Абхазіи, и не возвращался.

Возвращеніе отряда въ лагерь подъ постомъ Лазаревскимъ заставило убыховъ вострепнуться, а партію приготовиться къ оборонѣ. Авантюристы-европейцы, понимая, что слишкомъ мало шансовъ на исходъ успѣшный для горцевъ, собрались къ отъѣзду съ Кавказа: уложили привезенные ими доспѣхи и перевезли часть ихъ къ кочермѣ, готовой къ отплытію въ Турцію. Только одно, наиболѣе тяжелое орудіе, нарѣзное, желѣзное, системы Армстронга, съ принадлежностями, опущено въ воду въ рѣку Лоо, передъ мѣстомъ, гдѣ былъ аулъ хаджи-Баракаева. Орудіе это впоследствии было вынуто изъ воды нашими войсками и отправлено въ артиллерійскій складъ укрѣпленія Константинов-

скаго. Оно оказалось совершенно исправнымъ. Но, приготовясь къ отъѣзду, авантюристы не уѣзжали. Они все еще надѣялись, что, можетъ быть, по оплошности или по какой-нибудь другой причинѣ, русскіе не займутъ убыхской земли раннею весною. Въ такомъ случаѣ отдалилась бы цѣль поѣздки ихъ на Кавказъ. Въ партіи ни одинъ изъ европейцевъ не участвовалъ: тогда кредитъ ихъ въ глазахъ горцевъ уже упалъ и на нарѣзные орудія немного рассчитывали.

Вообще экспедиція восьми авантюристовъ-европейцевъ въ горы Кавказа была однимъ изъ самыхъ неудачныхъ предпріятій. Разумные, хорошо понимавшіе дѣло горцы говорили потомъ сами, что пріѣздъ европейцевъ только ускорилъ паденіе ихъ и авантюристы принесли пользу не горцамъ, а русскимъ. Извѣстно, что чеченцы сражались отлично до тѣхъ поръ, пока у нихъ не появлялись орудія. То же самое было и здѣсь. Когда есть пушки, горцы всѣ надежды полагаютъ на нихъ: можно лично самимъ уже быть осторожнѣе, не къ чему лѣзть впередъ съ прежнею смѣлостью. Этого мало. Въ первое время по прибытіи Баракаева съ иноземцами все вниманіе горцевъ обратилось на новинку. Баракаевъ въ глазахъ всѣхъ много выросъ; всѣ хлынули къ нему, и партія хаджи-Догомукова значительно ослабѣла. Между тѣмъ, не было у убыховъ предводителя лучше, чѣмъ Догомуковъ, не было личности, которая бы съ большею настойчивостію чѣмъ онъ проповѣдывала отстаивать до послѣдняго независимость. Дѣло кончилось тѣмъ, что Баракаевъ и Догомуковъ сдѣлались врагами, и убыхи, какъ одно цѣлое, пошатнулись еще болѣе. Впрочемъ и въ глазахъ партіи Баракаева авантюристы не были въ особенномъ почетѣ. Надо было слышать, съ какою ѣдкою ироніей горцы смѣялись надъ не внушающею уваженіе наружностію большинства пришельцевъ, надъ ихъ дурнымъ оружіемъ, плохими лошадьми, некрасивою ѣздою верхомъ. „Нѣтъ, нѣтъ—говорили про нихъ—это не джигиты, не наѣздки.“ Но лучше всего положеніе пришлыхъ европейцевъ въ горахъ характеризуется тѣмъ, что генералу Гейману нѣсколько разъ предлагали принести головы всѣхъ ихъ за 300 рублей серебромъ. Такъ цѣнили спасаемые своихъ спасителей!

17-го числа въ лагерѣ отряда получено было свѣдѣніе, что партія убыховъ, находившаяся въ сборѣ, раздѣлилась на двѣ части и стоитъ на двухъ путяхъ, ведущихъ отъ Пезезуапе къ Шахе. По утру 18-го числа лазутчики дали знать, что вся

масса горцевъ сосредоточилась вблизи моря, на выгодной позиціи.

Отрядъ для движенія раздѣленъ былъ на три колонны:

1) Средняя, подъ личнымъ начальствомъ генерала Геймана — изъ 2-го и 3-го севастопольскихъ, 1-го кубанскаго и 2-го черноморскаго баталіоновъ, съ двумя горными орудіями и кавалеріею, имѣя въ головѣ севастопольскихъ стрѣлковъ — направлена вдоль берега моря, по возвышенностямъ. Она должна была встрѣтить партію съ фронта.

2) Правая, подполковника Солтана — изъ 1-го бакинскаго и двухъ таманскихъ баталіоновъ, имѣя въ головѣ самурскихъ стрѣлковъ — вела вьюки отряда, по самому берегу.

3) Лѣвая, подполковника Клюки-фонъ-Клугенау — изъ 21-го кабардинскаго, своднаго № 3-го стрѣлковыхъ и 1-го черноморскаго баталіоновъ, съ двумя орудіями горной артиллеріи — пошла горами. Ей приказано, если въ средней колоннѣ завяжется дѣло съ партіею, обходить горцевъ съ праваго ихъ фланга.

Около восьми часовъ утра весь отрядъ кончилъ переправу черезъ Пезуапэ и тронулся далѣе. Чтобы движеніе трехъ колоннъ было на одной высотѣ, лѣвой и средней приказано, отойдя версты на четыре отъ Лазаревскаго поста, остановиться, выбравъ повыгоднѣе позицію, и ждать, пока подтянется правая: вьюки, по обыкновенію, собрались послѣдніе и сильно оттянули. Потомъ приказано крайнимъ колоннамъ соображаться со среднею.

Съ высоты, на которой остановилась средняя колонна, открылся весь сборъ убуховъ и ахчипсхувцевъ.

Въ пяти верстахъ отъ Пезуапэ впадаетъ въ море небольшая рѣчка Годликхъ. Она течетъ въ глубокой балкѣ. По лѣвую сторону балки, почти у самаго моря, былъ нѣкогда христіанскій монастырь. Теперь остались отъ него только развалины каменныхъ стѣнъ и ограды. Отъ монастыря къ сторонѣ горъ начинается большой по пространству и густой каштановый лѣсъ, а внизу, подъ развалинами, въ балкѣ, ауль. Здѣсь-то горцы думали дать намъ отпоръ. Въ аулѣ, въ развалинахъ, обращенныхъ въ завалы, и около толпились убухи и ахчипсхувцы. Между ними виднѣлось нѣсколько бѣлыхъ значковъ.

Прибывъ къ севастопольскимъ стрѣлкамъ лично и осмотрѣвъ позицію непріятели, генералъ послалъ приказанія:

Одному изъ баталіоновъ лѣвой колонны повернуть внизъ

по балкѣ и ударить на противника справа; остальнымъ войскамъ подполковника Клугенау идти, по прежнему, въ обходъ.

Подполковнику Солтану, съ самурскимъ стрѣлковымъ баталіономъ, какъ только послышатся выстрѣлы, спѣшить береговою дорогою слѣва.

Съ фронта должны были броситься севастопольскіе и бакинскіе стрѣлки, имѣя въ резервѣ 2-й и 3-й баталіоны Севастопольскаго полка. Взводъ горныхъ орудій откроетъ пальбу съ правой стороны балки.

Въ скоромъ времени распоряженія стали приводиться въ исполненіе. Внизъ по балкѣ подходили кабардинцы. Средняя колонна наполовину стянулась. Самурцы приближались. Перестрѣлка продолжалась уже нѣсколько минутъ. Начальникъ отряда приказалъ начать атаку.

Севастопольскіе и бакинскіе стрѣлки, подъ командою капитана Козелкова, сбросивъ ранцы на возвышенности, бѣгомъ, съ крикомъ „ура!“, бросились внизъ, прямо въ аулъ. Майоръ Щелкачевъ съ кабардинцами одновременно атаковалъ горцевъ справа. Аулъ былъ тотчасъ взятъ. Горцы собрались наверху за завалами и открыли отсюда сильнѣйшій огонь. Севастопольскіе стрѣлки, не останавливаясь ни минуты, полѣзли наверхъ на завалы. Двѣ роты стали заходить непріятелю въ тылъ, двѣ роты съ фланга. 2-й баталіонъ подоспѣлъ на помощь. Артиллерія стрѣляла черезъ головы. Горцы гикали, порывались броситься въ шашки и дѣлали залпъ за залпомъ. Какъ только стрѣлки поднялись, они не выдержали и пустились постыдно бѣжать—постыдно въ полномъ смыслѣ этого слова, не оглядываясь и не отстрѣливаясь. Севастопольцы и кабардинцы бросились вслѣдъ; крайнее утомленіе не дозволило преслѣдовать далеко. Войска остановились на высотахъ за балкою. Атака была такъ стремительна, что въ аулѣ и въ завалахъ горцами брошено болѣе двадцати тѣлъ, много буроковъ, папахъ и другихъ вещей.

Главная часть горцевъ направилась вдоль берега моря; меньшая вогнана въ глубь каштановаго лѣса и, миновавъ его, отдѣльными толпами и группами потянулась къ горамъ.

У насъ въ этомъ дѣлѣ убито семь нижнихъ чиновъ да Севастопольскаго полка поручикъ Гавронскій, командиръ 3-й стрѣлковой роты. Онъ умеръ отъ тяжелой раны, черезъ полчаса послѣ прихода на мѣсто ночлега. Со смертію его потеряно одинъ изъ лучшихъ офицеровъ въ отрядѣ. Ранено 14 нижнихъ чиновъ

(5 тяжело и 9 легко) и одинъ офицеръ, командиръ пятой стрѣлковой севастопольской роты, поручикъ Ивановскій, который до конца дѣла оставался во фронтѣ.

Подполковникъ Солтанъ съ самурцами подошелъ, когда дѣло уже кончилось. Его задержала разброска завала изъ баркасовъ, устроеннаго горцами на береговомъ пути. По всему было видно, что непріятель ожидалъ движенія нашихъ войскъ только берегомъ.

Колонна подполковника Клугенау спѣшила зайти въ тылъ противника. Сначала человѣкъ 200 хакучь завязали было съ нею перестрѣлку, но вскорѣ скрылись. Убыхи и ахчипсхувцы бѣжали такъ быстро, что отрѣзать имъ отступленіе было невозможно. Въ группы ихъ пущено было нѣсколько гранатъ.

Сбивъ непріятеля, головная войска продолжали слѣдовать далѣе. 1-му баталіону Черноморскаго полка приказано подобрать раненыхъ. Для прикрытія его движенія, поставлены въ сторонѣ на высотахъ два баталіона.

Вскорѣ отрядъ стянулся на мѣсто ночлега у устья береговой рѣчки Чухукхъ, въ семи верстахъ (по прямому направленію) отъ Лазаревскаго поста, почти на половинѣ пути до Шахе.

Такимъ образомъ, первая попытка убыховъ задержать наступленіе даховскаго отряда кончилась для нихъ весьма неблагоприятно.

Переселенцы-шапсуги, собравшіеся въ таборы у берега моря, сколько можно было замѣтить, во время дѣла вели себя честно. Они держались въ сторонѣ и нашими войсками не тронуты. Во многихъ мѣстахъ стояли совсѣмъ уже нагруженные кочермы; онѣ ждали попутнаго вѣтра для отплытія въ Турцію.

По прибытіи на Чухукхъ явились съ покорностію мѣстные шапсугскіе старшины. Въ то же время отъ Эльбуза-Халапхъ, старшины убыховъ, живущихъ около низовій Шахе, получено слѣдующее письмо:

Переводъ съ арабскаго: *„Отъ почетнаго старшины Эльбуза-бека начальнику русскихъ войскъ генералу Гейману. (Да продлитъ Богъ великій дни его жизни до будущаго пришествія и да наградитъ его въ этомъ мірѣ самыми лучшими дарами.)*

„Первое мое желаніе послать тебѣ это письмо состоитъ въ томъ, чтобы ты не считалъ насъ виновными въ теперешнемъ собраніи горцевъ изъ народа убыхскаго и общества Ахчипсху,

которые всё поклялись умереть, но сражаться съ вами. Что касается до меня и живущихъ въ моемъ участкѣ, то мы совершенно согласны на твои предложенія и не поступимъ подобно первымъ. Доказательствомъ этому служить то, что я готовъ теперь съ моими родственниками выйти на берегъ моря и явиться къ вамъ съ семействами, но не раньше, какъ когда вы придете на рѣку Шахе. Раньше не въ состояніи выселиться, потому что остальной народъ старается разъединить наши семейства и смотреть на меня злонамѣренно.

„Но я надѣюсь видѣть въ тебѣ вѣрнаго заступника и поручителя въ дѣлѣ моемъ, потому что ты видишь и знаешь все лучше насъ. Писавшій эти строки, Исхакъ-эфенди также уже въ полной готовности отправиться въ счастливый путь, какъ онъ самъ хорошо понимаетъ, что это остается послѣднее.

„Какъ я, такъ и онъ рѣшились не идти противъ своихъ обѣщаній. Когда же вы придете на Шахе, я хочу поговорить и посовѣтываться съ тобою о своемъ дѣлѣ. Итакъ, привѣтствую тебя счастливымъ успѣхомъ надеждъ твоихъ.“ (*) Подписалъ Эльбузь-бекъ.

Это было первое офиціальное заявленіе хотя частію убыховъ полной покорности. Ему (Эльбузу) тотчасъ же отвѣчали:

„Почетному старшинѣ убыхскаго народа Эльбузь-беку отъ начальника русскихъ войскъ въ горахъ, генерала Геймана, привѣтствіе.

„Кто поступаетъ честно и крѣпко держитъ свое слово, тотъ всегда можетъ разсчитывать на все доброе съ моей стороны. Сегодня убыхи и ахчипсхувцы, которые поклялись умереть, дрались съ нами. Многіе изъ нихъ умерли, а остальные постыдно бѣжали, вѣроятно умирать дома. Желающіе драться съ нами пусть дерутся: это не остановитъ моихъ дѣйствій. Я буду тоже сражаться и уже не пощажу ихъ какъ тѣхъ, кто хочетъ исполнять мои требованія.

„Я на Шахе буду послѣзавтра, и мнѣ пріятно будетъ видѣть тѣхъ, кто слѣдуетъ моему совѣту.“ (**)

Передъ вечеромъ начальникъ отряда приказалъ выбрать изъ баталіоновъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ дѣлѣ, севастопольскаго стрѣлковаго и кабардинскаго, по два нижнихъ

(*) Получено вечеромъ 18-го марта 1864 года, въ лагерѣ у устья рѣки Чухукъ.

(**) Послано 18-го марта 1864 года, изъ лагеря у устья Чухукъ.

чина, особенно отличившихся, и навѣсилъ имъ и одному выбранному изъ команды охотниковъ георгіевскіе кресты. Это были изъ числа тѣмъ двѣнадцати знаковъ, которые командующій войсками графъ Евдокимовъ оставилъ, отъѣзжая, начальнику отряда, для особыхъ случаевъ. Молодые кавалеры были счастливы. Въ частномъ письмѣ къ графу Евдокимову отъ 20-го марта, съ поста Головинскаго, генераль Гейманъ, между прочимъ, говорить:

„Я не приберу словъ выразить мою благодарность вашему сіятельству за пожалованные въ мое распоряженіе кресты. Награда на мѣстѣ дороже всего, въ особенности для начальника, который можетъ тутъ же награждать.“

Весь вечеръ 18-го числа въ лагерь отряда только было и толку, что объ утреннемъ дѣлѣ.

Не успѣли еще всѣ войска стянуться къ мѣсту бивуака, какъ начальнику отряда доложили, что тяжело раненый въ дѣлѣ офицеръ кончается и просить его, своего командира полка, на нѣсколько словъ. На горѣ, возлѣ бивуака одного изъ севастопольскихъ баталіоновъ, на носилкахъ лежалъ неподвижно блѣдный какъ полотно молодой офицеръ. Куда дѣвались цвѣтущее здоровье, свѣжесть, румянецъ! Пуля перебила ему ребро, раздробила печень и вышла въ поясищѣ. Другая ранила въ ногу и положила на мѣстѣ коня его. Онъ исходилъ кровію, мутными глазами смотрѣлъ на окружающихъ и довременамъ начиналъ говорить. Генераль наклонился къ умирающему и съ четверть часа съ нимъ бесѣдовалъ, потомъ вынулъ изъ кармана сюртука его начатое наканунѣ письмо къ отцу, сказалъ еще нѣсколько словъ, перекрестилъ его, простился и всталъ. Раненый былъ спокоенъ.

— Поѣдете въ Петербургъ — обратился онъ прерывистымъ голосомъ къ пріѣзжему въ отрядъ адъютанту — расскажите, какъ мы здѣсь умираемъ.

— А съ вами мы вмѣстѣ были сегодня — проговорилъ онъ едва слышно другому. Потомъ черезъ нѣсколько словъ: — господа, отойдите: дайте умереть мнѣ спокойно.

И черезъ минуту его не стало.

На другой день, рано по утру, товарищи-севастопольцы несли тѣло убитаго отъ мѣста бивуака къ берегу моря. Оно было завернуто въ бурку и сверху перевязано веревками и ремнями. Позади солдаты несли одно за однимъ еще семь тѣлъ,

завернутыхъ и зашитыхъ въ бѣлое какъ снѣгъ полотно. Далѣе медленно двигалась третья стрѣлковая рота; горнисты и барабанщики играли протяжно заунывный похоронный маршъ.

Весь лагерь въ ущельи внизу и кругомъ по высотамъ стоялъ безмолвно, безъ шапокъ. У многихъ на глазахъ были слезы. Молча донесли офицеры товарища до побережья и осторожно положили на дно лодки. Въ сосѣдство ему спустили тѣла нижнихъ чиновъ; также нагрузили еще одну лодку. Турокъ, хозяинъ лодокъ—его наняли перевезти тѣла на постъ Лазаревскій—попросилъ нахально на водку и оттолкнулся отъ берега. Лодки заколыхались на волнахъ Чернаго моря, и долго сослуживцы провожали глазами павшихъ въ брани товарищей.

Въ настоящее время, когда приближаешься къ остаткамъ бывшаго форта, нынѣ поста Лазаревскаго, у устья рѣки Пезуапе прежде всего бросаются въ глаза развалины бывшей на углу башни въ нѣсколько ярусовъ. Въ срединѣ ея изъ камней сложена могила, а въ этой могилѣ покоятся одни изъ послѣднихъ жертвъ кавказской войны: офицеръ и семь нижнихъ чиновъ. Можетъ быть, современемъ, когда пройдутъ годы и по берегу Чернаго моря водворится поселеніе, мирный житель окрестностей или путешественникъ издалека остановится надъ этой могилой, вспомнить о кавказской войнѣ, о кавказскихъ солдатахъ и помянетъ первыхъ христіанскихъ поселенцевъ этого края добрымъ словомъ.

19-го марта ожидалось новое дѣло. Говорили, что убыхи поклялись, если не умрутъ всѣ на первой позиціи, у развалинъ монастыря, встрѣтить русскихъ на второй, нѣсколько не доходя до Шахе. Уже пробили сборъ и войска вытягивались въ движеніе, какъ пріѣхали къ генералу нѣсколько посланныхъ наканунѣ лазутчиковъ. Они сообщили, что убыхи и ахчипсхувцы, послѣ вчерашняго пораженія, разбрелись. Нигдѣ нѣтъ даже ничтожныхъ партій. Послѣ дѣла непріятель не досчитывалъ болѣе чѣмъ 60 человекъ. Всѣ въ убыхской землѣ упали духомъ.

Отрядъ двинулся далѣе тремя колоннами: лѣвая, подполковника фонъ-Клугенау—четыре баталіона стрѣлковъ, съ двумя орудіями—горами вышла на Шахе, верстахъ въ четырехъ отъ ея устья. Средняя, той же числительности, какъ и вчера, прошла высотами надъ берегомъ. Правая, подполковника Солтана, двигалась по ровной береговой дорогѣ.

Еще до выступленія, на мѣстѣ ночлега, сейчасъ послѣ лазутчиковъ, выѣхали къ генералу, вмѣстѣ со старшинами, нѣсколько десятковъ окрестныхъ шапсуговъ. Они изъявили готовность дѣйствовать съ нами противъ непріятеля и присоединились къ свитѣ начальника отряда. Это явно доказало, что свѣдѣнія лазутчиковъ вѣрны и что дорогою никакого дѣла не будетъ.

Черезъ нѣсколько верстъ такимъ же порядкомъ выѣхали навстрѣчу нѣсколько убыхскихъ старшинъ, ближайшихъ къ Шахе. У убыховъ видимо побавилось спѣси. Къ передовымъ постепенно присоединялись, группы за группами, туземцы. Вообще, чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Шахе начальникъ отряда, тѣмъ больше становилась сопровождавшая его масса туземныхъ всадниковъ.

Военный журналъ даховскаго отряда, отъ 7-го по 20-е марта 1864 года, оканчивается такими словами:

„19-го марта, въ два часа пополудни, я (генераль Гейманъ), въ сопровожденіи сотни казаковъ и до 300 конныхъ шапсуговъ и убыховъ, занялъ фортъ Головинскій. Отрядъ стянулся въ лагерь къ устью рѣки Шахе.“

Подъ постомъ Головинскимъ войскамъ опять дано два дня отдыха.

19-го числа, вечеромъ, получено свѣдѣніе, что хаджи-Керендукъ-Догомуковъ возвратился домой. Онъ не зналъ еще о вчерашней судьбѣ убыхскаго сбора. Проѣздомъ черезъ общество Саше (на лѣвомъ берегу низовій Сочи) Догомуковъ говорилъ народу, что скоро настанетъ пора дать русскимъ отпоръ, и выставлялъ необходимость браться всѣмъ за оружіе, готовиться къ оборонѣ. Не успѣвъ пріѣхать домой, онъ былъ пораженъ какъ громомъ извѣстіемъ о происшедшемъ. Взбѣшенный поведеніемъ бывшаго убыхскаго сбора, онъ выходилъ изъ себя, приказывалъ участвовавшимъ въ партіи собраться снова и употреблялъ всѣ усилія, чтобы увеличить сколько возможно массу горцевъ, готовыхъ на бой. Извѣщенный о прибытіи отряда къ устью Шахе, Догомуковъ сталъ увѣрять, что до наступленія лѣта на убыхскую землю русское войско не вступить, а лѣтомъ еще что-то Богъ дастъ. Всѣ эти свѣдѣнія, 20-го числа, по утру, начальникомъ отряда были повѣрены черезъ другихъ лазутчиковъ и оказались вполне справедливыми. Авантюристы-европейцы, съ Баракаемъ, послѣ дѣла 18-го числа,

рѣшили было уѣхать, но, услышавъ о распоряженіяхъ хаджи-Догомукова, приостановились. Около обѣда 20-го числа пріѣхали въ лагерь Эльбузь и съ нимъ нѣсколько почетныхъ убыховъ изъ жившихъ ближе къ Шахе. Они подтвердили также все только-что сказанное и прибавили, что весь убыхскій народъ, что называется, растерялся. Страхъ, наведенный рѣшительнымъ пораженіемъ сбора, распространялся по горамъ далѣе и далѣе. Всѣ оставшіяся племена теряли надежду на сохраненіе независимости. Вниманіе ихъ обратилось на цѣлость семействъ и имущества, на то, чтобы не довести себя до нищенскаго положенія, въ которомъ они видѣли абадзеховъ. Партія, наиболѣе ненавидѣвшая русскихъ, партія войны, расшаталась, и происки хаджи - Догомукова не имѣли успѣха. Молодежь, проученная, слушалась его неохотно. Люди богатые отказались отъ войны, и многіе, въ томъ числѣ и Бабуковъ, начали выходить къ берегу моря. Наконецъ нѣсколько сотъ прибрежныхъ семействъ, понимая, что каждый лишній день войны можетъ породить только кровопролитіе, наняли кочермы и поспѣшно отправились за море. Эльбузь и товарищи говорили, какъ велики послѣдствія отъ того, что хаджи-Догомуковъ опоздалъ къ дѣлу, опоздалъ къ тому времени, когда разбитая наголову партія, разбѣжавшись въ разныя стороны, навела всюду ужасъ, и увѣряли, что убыхскій народъ теперь въ такомъ положеніи, что если войска русскія вступятъ въ его землю сейчасъ же, то паденіе его неизбѣжно. Этого мало: пріѣзжіе убыхи просили, какъ милости, не откладывать наступленія. „Нась— говорили они — народъ обвиняетъ за преданность русскимъ; насъ считаютъ виновниками теперешняго положенія дѣль. Отправиться сейчасъ же мы не можемъ: мы рискуемъ, что жены, дѣти и имущество наше подвергнутся грабежу своихъ же ожесточенныхъ единоплеменниковъ. Всѣ, кто выходитъ къ морю— а такихъ уже становится немало—того и гляди будутъ разорены; придите защитить и спасти насъ.“

Начальникъ отряда рѣшился, пользуясь такимъ положеніемъ дѣль, не медля ни дня, быстро двинуться впередъ, дабы, не давъ горцамъ опомниться, занять средоточіе убыхской земли. Въ то же время осмотръ ущелья рѣки Шахе, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ея устья, подтвердилъ справедливость словъ хаджи-Бабукова относительно качества пути отъ моря къ его аулу. Проведеніе кордона вдоль по Шахе потребовало бы большихъ

трудоу и много времени. Раскинуть отрядъ колоннами вверхъ по рѣкѣ и начать работу разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ, какъ предполагалось, оказалось невозможнымъ: уже верстахъ въ двухъ отъ берега тропа такъ трудна, что вести по ней вьюки очень рискованно. Къ тому же подробные распросы пояснили, что только на пространствѣ близъ берега, гдѣ мѣстность не очень пересѣченна и растительность наиболѣе благодатна, гдѣ были общества Хобзъ и Вардане, убыхское населеніе сгруппировано особенно тѣсно; на прочихъ же мѣстахъ, и тѣмъ болѣе высоко въ горахъ, оно разбросано по суровымъ ущельямъ. Здѣсь населеніе распредѣлено въ порядкѣ противоположномъ тому, какъ было между Туапсе и Ашше: тамъ главная масса жила ближе къ водораздѣлу, не очень суровому, здѣсь—ближе къ морю. Слѣдовательно, занявъ прибрежное пространство отъ низовій Шахе до низовій Сочи, можно было навѣрное рассчитывать, что убыхи не будутъ въ состояніи держаться.

Принимая въ соображеніе все это, генералъ Гейманъ увидѣлъ себя еще болѣе въ необходимости идти, несмотря ни на что, быстрыми переходами въ убыхскую землю.

Въ военномъ журналѣ даховскаго отряда, отъ 20-го по 26-е марта 1864 года, между прочимъ сказано:

„Отъ предшествовавшихъ трудныхъ движеній и дѣйствій отрядъ былъ крайне утомленъ и разстроены. Одежда у людей поизносилась; обувь у многихъ сдѣлалась совершенно негодною: изъ десяти челоуѣкъ у двухъ или у трехъ вмѣсто сапоговъ были наскоро сдѣланныя изъ сырой кожи поршни. Количество больныхъ и слабыхъ, при постоянныхъ дождѣ и непогодѣ, было весьма значительно. Лошади драгунскія, казачьи, офицерскія и вьючныя почти два мѣсяца не видѣли сѣна; если кормъ и имѣлся, то полусгнившая солома съ крышъ саклей; отъ немѣрныхъ трудовъ кони истощились и на каждомъ переходѣ падали помногу. Между тѣмъ, чиниться и отдыхать было некогда: дать горцамъ срокъ значило дать имъ одуматься, оправиться, собраться съ силами. Съ каждымъ днемъ приближалась весна; на прибрежьи деревья уже зазеленѣли. Отложить вторженіе въ землю убыховъ значило предоставить горцамъ новыя средства къ защитѣ, затянуть и много затруднить окончательное покореніе западнаго Кавказа. Поэтому 21-го марта я (генералъ

Гейманъ) велѣлъ наскоро привести черезъ Шахе пѣшеходный мостъ, а 22-го намѣренъ былъ двинуться къ убыхамъ.“

Еще 19-го числа, передъ вечеромъ, съ Константиновской морской станціи пришла къ посту Головинскому шкуна „Новороссійскъ“. Она доставила сухари въ пропорціи только на одинъ день для отряда и муку для продовольствія гарнизона. На ней же прибылъ адъютантъ командующаго войсками, капитанъ Бутурлинъ, съ письмомъ отъ графа Евдокимова, въ которомъ генералъ извѣщалъ, что, противъ ожиданія, выѣзжаетъ изъ Ставрополя въ Тифлисъ, по требованію начальства, не 25-го марта, а 15-го, и что пробудетъ въ Тифлисъ по 21-е или, если что-нибудь задержитъ, по 22-е число. Полагая, что всякое лишнее свѣдѣніе о положеніи дѣлъ на южномъ склонѣ для графа Евдокимова было особенно интересно въ Тифлисъ, начальникъ отряда недоумѣвалъ: послать ли курьера прямо въ Тифлисъ, черезъ Потю, или путемъ кружнымъ, на Новороссійскъ и Ставрополь. 20-го числа послали за капитаномъ „Новороссійска“.

„Если вы сегодня, часа въ четыре пополудни, выйдете съ курьеромъ, когда можете поспѣть въ Потю?“

„21-го числа, часамъ къ двумъ“, отвѣчалъ капитанъ.

Тотчасъ приказано находившемуся въ отрядѣ адъютанту военнаго министра, поручику Пущину, быть готовымъ къ отъѣзду. Ему велѣно отвезти письмо къ графу, послѣдній военный журналъ съ отчетною картою и рапортъ объ измѣненіи на будущее время составленнаго въ концѣ февраля предположенія о дѣйствіяхъ отряда. А такъ какъ легко могло случиться, что поручикъ Пущинъ, выѣхавъ изъ Потю 21-го марта, прибылъ бы въ Тифлисъ уже по отъѣздѣ графа, то ему приказано тотчасъ по прибытіи въ Потю послать телеграмму:

„Въ Тифлисъ, графу Евдокимову.

„18-го марта убыхи наголову разбиты на рѣкѣ Годликхъ, въ развалинахъ монастыря. У насъ потери: убитыхъ 1 офицеръ и 7 солдатъ; ранены 1 офицеръ и 14 солдатъ. Убыхи постыдно бѣжали. 19-го занято, безъ выстрѣла, Головинское. Все покорятся. Убыхи съ вершинъ Шахе уже тронулись къ морю. Не позже 26-го буду въ Сочѣ, а потомъ растяну кордонъ отъ Вардане до вершинъ Шахе. Надѣюсь, что къ Пасхѣ все падетъ къ ногамъ нашего Государя. Поручикъ Пущинъ черезъ

Поти везеть вамъ журналъ, карту и рапортъ о причинахъ, почему не по Шахе будетъ кордонъ.“

„Гейманъ.“

Но расчетъ не сбился. Шкуна „Новороссійскъ“, только-что вышла въ море, повредилаь и вмѣсто того, чтобы держать курсъ прямо на Потю, направилась въ Сухумъ. Тамъ курьеръ пересѣлъ на другой пароходъ, и только 23-го числа его доставили въ Потю; но прибой былъ такъ силенъ, что высадиться можно было только на слѣдующій день. Телеграмма пришла въ Тифлисъ, когда графъ Евдокимовъ уже выѣхалъ.

Упоминаемый посланный рапортъ (отъ 20-го марта 1864 года, № 240, въ лагерѣ подъ постомъ Головинскимъ) былъ слѣдующаго содержанія:

„19-го марта даховскій отрядъ занялъ бывший фортъ Головинскій. Оказалось, что земля убыховъ отсюда еще далеко. Убыхи собственно (подъ именемъ убыховъ на сѣверномъ склонѣ разумѣли всѣхъ жителей южнаго отъ Туапсе) племя весьма небольшое, живущее въ верховьяхъ Шахе, по Вардане (гдѣ ихъ средоточіе) и по Сочи. Ущелье Шахе, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ моря, тѣсно и сурово. Туземная тропа часто переходитъ съ берега на берегъ, а рѣка такъ велика, что сообщеніе прекращается послѣ каждаго небольшого дождя. Разработать дорогу по одному берегу, конечно, можно; но трудно и медленно: много скалъ. Между тѣмъ, отъ Вардане есть въ горы удобный путь. Онъ выходитъ на Шахе верстахъ въ десяти ниже бабуковскаго (самаго верхняго по Шахе) аула, на урочище Шамычупа. Это главное сообщеніе поперекъ убыхской земли. Первые свѣдѣнія о немъ я получилъ отъ хаджи-Бабукова: онъ обыкновенно по немъ направлялъ свои транспорты отъ Вардане и этимъ путемъ просилъ дозволенія вывозить имущество къ берегу моря. Обстоятельства эти навели меня на мысль просить разрѣшенія вашего сіятельства нѣсколько измѣнить данное мнѣ приказаніе: вести кордонъ для сообщенія съ сѣвернымъ склономъ не по низовьямъ Шахе отъ Головинскаго, а по Вардане. Съ другой стороны, ежедневно новые факты меня убѣждаютъ, что главный залогъ для успѣха настоящихъ дѣйствій моихъ—быстрота и рѣшительность. Вѣсть о пораженіи убыховъ у развалинъ монастыря и каштановаго лѣса разнеслась по горамъ и навела на остатки туземнаго населенія много страха. Хотя убыхи, живущіе за Сочемою, и получили неизвѣст-

но откуда вѣсть, что ихъ, можетъ быть, оставить на настоящей землѣ, но всѣ они—мнѣ извѣстно положительно—боятся, что, въ случаѣ сопротивленія, ихъ не пустятъ въ Турцію. Значительная часть ихъ, можно сказать большинство, готово выйти на берегъ и даже уже начали выходить; но многіе опасаются притѣсненій молодежи: для этихъ-то занятіе приморскихъ пунктовъ русскими имѣетъ большое значеніе. Я увѣренъ, что быстрое наступленіе въ средоточіе убыхской земли будетъ имѣть самые благопріятные результаты.

„Принимая въ соображеніе все это, я рѣшился:

„Исправивъ постъ Головинскій и запасшись провіантомъ, идти на Вардане, устроить у устья этой рѣки укрѣпленный пунктъ и начать вести кордонъ въ горы. До того же, пока приступлено будетъ къ постройкѣ постовъ, я намѣренъ двинуться къ Сочи и занять бывший фортъ Навагинскій: это собственно для того, чтобы тамъ, а не въ Головинскомъ, имѣть свои склады и провіантъ. Шахе отъ Вардане дальше чѣмъ Соча, и со стороны форта Навагинскаго нѣтъ опасныхъ переправъ. Проведя кордонъ вверхъ по Вардане, я надѣюсь, главная масса убыховъ двинется къ морю. Остальныхъ, равно и пространство до Пезуапе, мнѣ очистить будетъ уже нетрудно. Съ верховій Шахе я могу спуститься внизъ по Сочи, на пунктъ, уже занятый, или дѣйствовать ко Мзымтѣ, смотря по обстоятельствамъ. У устья Вардане я надѣюсь быть 23-го марта, въ бывшемъ фортѣ Навагинскомъ 25-го или 26-го; а 29-го, если непредвидѣнныя обстоятельства не воспрепятствуютъ, начну постройку поста Кубанскаго, перваго на кордонной линіи.“

VI.

Постъ Головинскій.—Переправа черезъ рѣку Шахе.—Изъявленіе покорности убыхами.—Занятіе Сочи и бывшаго форта Навагинскаго.—Депутаты отъ джигетовъ, общества саше и хакучей. —Пріѣздъ командующаго войсками, графа Евдокимова, и Его Императорскаго Высочества командующаго кавказскою арміею.

Бывшій фортъ Головинскій найденъ въ такомъ же состояніи, какъ и Лазаревъ. Стѣны цѣлы; но башни на углахъ разрушены и ровъ мѣстами заваленъ. Двѣ отдѣльныя башни: одна у взморья, прикрывавшая пристань, и другая, защищавшая водопой, развалились также. Отъ прежнихъ садовъ, бывшихъ возлѣ стѣны къ сторонѣ моря, не осталось и слѣда; роскошные виноградники, тюльпанныя деревья и персики исчезли совершенно. Въ разныхъ мѣстахъ, внутри бывшаго форта и внѣ его, най-

дены семь старыхъ чугунныхъ орудій; всѣ они негодны никуда. Въ дни пребыванія отряда въ лагерьъ у устья Шахе высылались рабочіе для исправленія бывшаго укрѣпленія: очищенъ ровъ, устроены укрѣпленныя ворота, возведены, на мѣстахъ башенъ, батареи. Здѣсь, въ бывшемъ фортѣ Головинскомъ, устроены посты, и въ гарнизонъ его вступили двѣ роты 2-го таманскаго баталіона. Постъ этотъ по величинѣ почти вчетверо менѣ поста Лазаревскаго; здѣсь и прежде стояла одна, много двѣ роты. Такимъ образомъ, на постахъ Головинскомъ и Лазаревскомъ остался баталіонъ, въ полномъ составѣ, одного изъ вновь сформированныхъ (Таманскаго) полковъ. Вообще во все время дѣйствій отряда. при первой возможности, баталіоны новыхъ полковъ (черноморскій, таманскій, бакинскій) оставались въ гарнизонахъ постовъ, для прикрытія вагенбурговъ и другихъ подобныхъ обязанностей. Имъ, непривычнымъ къ горной войнѣ, походы были гораздо чувствительнѣе, чѣмъ войскамъ старымъ. Въ горахъ опытность и привычка важны больше, чѣмъ гдѣ-либо.

Для постройки наскоро пѣшеходной переправы черезъ Шахе, лѣсъ велѣно заготовлять еще 20-го числа.

Рѣка Шахе широка и быстра. Это самая большая рѣка на южномъ склонѣ отъ Новороссійска до Сочи; отъ небольшого дождя возвышается вдругъ и много. Къ приходу отряда стремительность доходила до страшныхъ размѣровъ: рѣка, вся въ пѣнѣ, сворачивала огромные камни. Туземцы рѣшались переѣзжать только въ очень немногихъ мѣстахъ. За людей бояться было нечего, несмотря на то, что глубина бродовъ доходила до груди: они привыкли уже къ такимъ переправамъ. Но лошади, худыя, подъ тяжелою ношею, легко могли бы обрываться со выюками и уноситься теченіемъ. Обойтись безъ моста едва-ли было возможно. Между тѣмъ, въ матеріалѣ чувствовался большой недостатокъ. Для козелъ лѣсъ еще имѣлся, а для настилки въ окрестныхъ аулахъ едва промыслили до тридцати пѣтуковъ старыхъ, тонкихъ и узкихъ досокъ. Мѣсто для устройства моста, или, правильнѣе, кладней на козлахъ, выбрано удобнѣйшее, въ верстѣ отъ устья, гдѣ рѣка текла тогда четырьмя рукавами: главный, самый опасный, шириною въ 22 сажени; остальные три менѣе, неглубокіе и не очень быстрые.

Съ разсвѣтомъ 21-го числа зазвенѣли топоры. Рота саперовъ, отъ всѣхъ частей плотники и до 200 нижнихъ чиновъ, подъ руководствомъ сапернаго штабсъ-капитана Бирюкова, принялись

за работу. Къ вечеру установлены 12 козелъ, и на нихъ положена настилка, по двѣ, по три доски въ рядъ, скрѣпленныя, за неимѣніемъ гвоздей, виноградными лозами. Приказано по мосту перевести баталіоны и перенести на рукахъ всѣ выюки, а лошадей, развьюченныхъ, направить въ бродъ. Прежде всѣхъ для занятія лѣваго берега велѣно было переправиться 2-му баталіону Черноморскаго полка.

22-го марта, рано утромъ, началась переправа. Цѣлую ночь и цѣлый день крупный дождь лилъ какъ изъ ведра. Небо было черно; тучами закрылись даже ближайшія, невысокія горы. На морѣ была сильная буря. Вода въ Шахе поднималась, можно сказать, ежеминутно. Переправа, и такъ зыбкая, сдѣлалась весьма опасною. Узкія доски сильно качались подъ тяжестію чело-вѣка и стали скользкими. Козлы едва выдерживали напоръ воды. И по такой переправѣ надо было перейти двѣнадцати баталіонамъ, надо было перетащить всѣ выюки отряда!

Почти цѣлый день у входа на мостъ тѣснились войска. Солдаты осторожно и медленно, въ нѣсколькихъ шагахъ одинъ за другимъ, перебирались по летучей настилкѣ. Безпрестанно надо было останавливать переправу, поправлять козлы, закрѣплять доски. Но болѣе всего возни было съ выюками. Мостъ скрѣпль и, подъ тяжелыми ношами, казалось, готовъ былъ обрушиться. Вода подходила подъ настилку все выше и выше. Къ сумеркамъ, какъ только переправились послѣдніе люди, она подошла подъ самыя доски, свернула нѣсколько козелъ и снесла середину моста. Точно будто самъ Богъ хранилъ войска при переправѣ.

Кавалерія и вьючныя лошади переведены въ бродъ, при чемъ затопило болѣе десяти лошадей. Кромѣ ихъ, теченіемъ сносило оброненныя офицерскія и артельныя вещи, нѣсколько ящиковъ съ патронами, кулей съ сухарями. Горныя орудія артиллеристы предпочли переправить водою. Подъ однимъ изъ нихъ лошадь на серединѣ рѣки не могла удержаться, и орудіе насилу вытащили со дна.

Передъ выступленіемъ изъ лагеря, генералъ Гейманъ узналъ, что къ отряду вдоль берега моря отъ поста Вельяминовскаго слѣдуетъ небольшая колонна, изъ 80 чело-вѣкъ выписныхъ нижнихъ чиновъ и 10 офицеровъ. Навстрѣчу имъ посланъ самурскій стрѣлковый баталіонъ, которому велѣно потомъ присоединиться къ отряду. Но какъ мостъ снесло, то баталіонъ на нѣсколько дней былъ задержанъ у поста Головинскаго.

Перейдя черезъ рѣку, отрядъ двинулся далѣе, но, благодаря непогодѣ и проволочкѣ времени на переправѣ, въ этотъ день отошелъ не болѣе четырехъ верстъ и ночевалъ въ ущельи рѣчки Хобзы, заросшемъ, какъ густымъ лѣсомъ, богатыми фруктовыми садами.

Въ ночь съ 22-го на 23-е число дождь не переставалъ лить. На утро отряду велѣно выступатъ. Войска распределены опять на три колонны: 1) подполковника Клугенау—четыре баталіона и два орудія; 2) полковника Позена — четыре баталіона и два орудія, и 3) подполковника Лутохина—четыре баталіона и весь обозъ. Послѣдняя направлена берегомъ моря, первая и вторая по возвышенностямъ, паралельно морю.

Внезапность наступленія подѣйствовала желаемымъ образомъ. Еще на ночлегѣ на Хобзы получено было свѣдѣніе, что хаджи-Догомуковъ, видя нерѣшительность и распаденіе народа съ одной стороны и получивъ извѣстіе о переправѣ отряда на лѣвый берегъ рѣчки съ другой, пришелъ въ недоумѣніе. 22-го числа, на походѣ, выѣхали навстрѣчу начальника отряда нѣсколько убыховъ, и одинъ изъ нихъ, какъ оказалось потомъ, агентъ Догомукова, объявилъ, что до хаджи дошли слухи, будто генералу передали о желаніи его остановить русскихъ силою; „дѣйствительно—говорилъ онъ—Догомуковъ собиралъ убыховъ, но вовсе не для войны, а для того, чтобы съ большимъ почетомъ выйти къ русскимъ съ покорностію“. Такимъ образомъ, и гордому хаджи-Догомукову пришлось преклонить передъ русскими голову. Осталось выждать, когда онъ явится лично.

Ночлегъ съ 23-го на 24-е марта былъ на рѣкѣ Лоо, въ обществѣ Вардане. Всѣ многочисленныя селенія общества сожжены; въ числѣ ихъ уничтоженъ и аулъ Баракая, гдѣ были убѣжище и арсеналъ пріѣзжавшихъ иностранцевъ. Въ аулѣ Баракая, когда прибыли наши стрѣлки, догарали зажженные горцами шесть деревянныхъ лафетовъ. Сами иноземные пришельцы, и съ ними Исмаиль-Баракай-Зефшъ, какъ только узнали о наступленіи войскъ за Шахе, отчалили отъ кавказскаго берега. Выстрѣловъ въ этотъ день и вообще послѣ дѣла 18-го числа не было вовсе. Убыхи съ семьями выходили къ берегу моря.

Отъ самурскихъ стрѣлковъ получено извѣстіе, что они заняты исправленіемъ моста на Шахе. Они могли далеко отстать отъ отряда. Для того, чтобы движеніе ихъ было вполнѣ обезпечено, начальникъ отряда оставилъ у устья рѣчки Лоо подпол-

ковника Лутохина, съ тремя баталіонами и взводомъ горныхъ орудій. Какъ только подойдутъ самурскіе стрѣлки, вся эта колонна должна была направиться къ отряду берегомъ моря.

24-го марта остальные войска очистили пространство до рѣки Догомыса и на этой рѣкѣ ночевали. Движеніе производилось опять тремя колоннами: 1) подполковника Дове—три баталіона съ обозомъ—шла берегомъ; 2) полковника Позена—три баталіона съ двумя орудіями—вдоль берега, по возвышенностямъ; 3) подполковника Фонтъ-Клугенау — еще лѣвѣе. Сопротивленія опять никакого: жители выходили заранѣе. У устій рѣкѣ войска заставляли таборы переселенцевъ; во многихъ мѣстахъ нагружались кочермы. Погода, попрежнему, состояла ненастная.

Когда подходили къ ночлегу, хаджи-Догомуковъ выслалъ къ начальнику отряда нѣсколько старшинъ и почетныхъ убыховъ—просить позволенія выѣхать самому.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ ущелья показалась группа убыховъ, всѣ въ буркахъ и башлыкахъ. Она медленно приближалась навстрѣчу.

— Здравствуй, хаджи — сказалъ начальникъ отряда, когда Догомуковъ подѣхалъ и нѣсколько секундъ простоялъ молча—очень радъ съ тобою познакомиться.

— А я, по правдѣ сказать, очень не радъ знакомству съ тобою, отвѣчалъ тотъ.

— Ты, я слышалъ, хотѣлъ быть у меня (*); да вѣдь вы, убыхи, больно спѣсивы: такъ я самъ первый пріѣхалъ.

— Отъ такихъ гостей намъ очень, очень невесело, отвѣчалъ Догомуковъ.

— Что же ты скажешь? съ чѣмъ ты пріѣхалъ теперь? спросилъ генералъ.

— Мы желаемъ оставить нашу землю — отвѣчалъ Догомуковъ—хотимъ ѣхать въ Турцію; намъ нужно собрать имущество, продать скотъ.

— А чѣмъ же вамъ кормить войска, которыя пріѣдутъ на помощь изъ-за моря? спросилъ генералъ.

— Какія войска теперь! со злостію проговорилъ гордый горецъ.

Дождь, разомъ усилившійся, заставилъ прекратить разго-

(*) Хаджи-Догомуковъ письменныхъ сношеній съ начальствомъ Кубанской области не имѣлъ никакихъ, но нѣсколько разъ на словахъ передавалъ генералу Гейману, что желалъ бы вступить въ сношенія съ нимъ.

воръ; всѣ двинулись къ мѣсту, гдѣ была назначена ставка генерала, и тамъ слѣзли съ коней. Черезъ нѣсколько времени бесѣда возобновилась.

Догомуковъ, отъ имени убыхскаго народа, изъявилъ полную покорность и былъ готовъ исполнить все, что только прикажутъ. Нѣкогда грозный и сильный, бывшій руководитель абадзеховъ, тотъ, передъ которымъ дрожали цѣлыя племена, теперь просилъ, какъ милости, нѣсколькихъ дней срока для выселенія. Много грустнаго и неприятнаго, но вмѣстѣ правдиваго приходилось ему выслушать.

— Помнишь, хаджи — говорили ему — не дальше, какъ два года назадъ, когда вамъ предлагали окончить дѣло мирнымъ путемъ, помнишь, какъ ты уговорилъ всѣхъ не слушать и рѣшилъ передъ графомъ Евдокимовымъ: „такъ пусть разсудитъ насъ Богъ“? Вотъ Богъ разсудилъ насъ. Кто же выигралъ, кто проигралъ?

Слова эти закончили переговоры горскихъ старшинъ осенью 1861 года и затянули войну еще на два слишкомъ года. Эти же слова были повторены въ письмѣ къ убыхамъ, приведенномъ нами выше, въ своемъ мѣстѣ.

— Ты знаешь, хаджи — также говорили ему — до чего въ послѣднее время дошли абадзехи: богатый народъ разорился до крайности. Кто тутъ виноватъ больше всѣхъ? ты, хаджи. Кто больше всѣхъ подстрекалъ ихъ къ войнѣ, кто ихъ обманывалъ, обнадеживалъ разными баснями? ты былъ источникъ всего. Такъ тебѣ больше всѣхъ они должны быть благодарны.

— Нѣтъ — возразилъ на это Керендукъ-Догомуковъ — они меня не слушали, и въ томъ-то все горе. Если бы они дѣлали такъ, какъ я ихъ училъ, было бы совершенно иное. Вотъ и здѣсь должна бы литься кровь ручьями, а теперь ни съ кѣмъ ничего не подѣлаешь!

Такимъ образомъ, убыхи, какъ отдѣльный народъ, пали. Страшные только изъ-за абадзеховъ, они, когда остались одни, лицомъ къ лицу съ войсками, завоевавшими огромныя и густо населенныя пространства сѣвернаго склона, сами сознали свою ничтожность. И такъ 18-го марта 1864 года, въ день пятидесятилѣтней годовщины взятія союзными войсками Парижа и окончанія кровавой драмы 1812, 1813 и 1814 годовъ, суждено было быть послѣдней открытой борьбѣй горцевъ противъ русскихъ, послѣднему вздоху умирающаго, непокорнаго Кавказа.

Приведемъ теперь слова военнаго журнала отряда, отъ 20-го до 26-го марта, высказанныя тотчасъ послѣ описанія паденія убуховъ:

„Но, будучи вполне убѣжденъ, что вновь покоряющимся убухамъ ни оправиться, ни собраться съ силами уже невозможно, я (генераль Гейманъ) однакожь удерживаюсь отъ донесенія объ окончаніи съ ними дѣла. Легкомысліе и вѣроломство убуховъ заставляютъ меня донести объ этомъ только тогда, когда я посѣщу горы и лично увижу, что нагорные, вольные убыхи и прочія племена, тѣсно съ ними связанныя, дѣйствительно положить оружіе, будутъ покидать свои земли и выходить къ берегу моря; когда значительная часть нынѣ стоящихъ въ таборахъ уѣдетъ уже въ Турцію. Твердо надѣюсь, что время это настанетъ скоро.“

Этотъ же военный журналъ оканчивался слѣдующими словами:

„Въ полдень 25-го марта, въ день Благовѣщенія, я занялъ, безъ выстрѣла, бывший фортъ Навагинскій, нынѣ постъ Сочи. Въ гарнизонъ его, съ барабаннымъ боемъ, вступилъ 1-й баталіонъ Черноморскаго полка. Отрядъ стянулся въ лагерь подъ постъ, близъ устья въ Сочи. На морѣ судовъ не было видно никакихъ.“

Лагерь отряда расположился кругомъ бывшаго форта; черезъ нѣсколько дней прибыла и колонна подполковника Лутхина. Она стала отдѣльно, на правой сторонѣ рѣки Сочи, и тотчасъ же приступила къ устройству моста чрезъ рѣку.

Еще 15-го марта, воротясь изъ похода въ нагорную полосу на постъ Лазаревскій, отрядъ засталъ на рейдѣ Лазаревскомъ шкуну „Псезуапе“, которая, по причинѣ свѣжаго вѣтра, едва держалась у берега. Ей поручили передать начальнику Константиновской морской станціи предписаніе, въ которомъ было сказано, что отрядъ, послѣ двухдневнаго отдыха, идетъ впередъ, и потому необходимо не позже 23-го числа доставить къ устью рѣки Шахе, къ Головинскому, провіантъ въ количествѣ какъ можно большемъ. Имѣя въ виду выйти изъ Лазаревскаго 18-го числа, войска могли взять съ собою продовольствія до 28-го марта. 23-е число было назначено потому, что отъ переправъ и горныхъ путей легко могло — да такъ и случилось — много провіанта утратиться дорогою. 19-го числа, какъ мы упоминали, шкуна „Новороссійскъ“ привезла въ Голо-

винское сухарей только на одинъ день. Слѣдовательно, въ отрядѣ провіантъ считался по 29-е число, а на самомъ дѣлѣ, въ особенности въ нѣкоторыхъ частяхъ, онъ вышелъ весь уже нѣсколько дней раньше. При непогодѣ и тяжелыхъ трудахъ, неимѣніе сухарей, разумѣется, чувствительно въ высшей степени. Здѣсь же было же такъ, какъ на Туапсе: скотъ не только не былъ дешевъ, но даже достать его было трудно; убыхи, какъ болѣе практическіе и разсудительные люди, чѣмъ абадзехи, нашли для него выгодный сбытъ на различныхъ пунктахъ сѣвернаго склона. Впрочемъ, скота въ убыхской землѣ было весьма немного, и большая часть пошла на собственное продовольствіе во время переселенія.

Уже нѣсколько дней отрядъ стоялъ у устья Сочи. Солдаты и офицеры то и дѣло подходили къ берегу и смотрѣли вдаль. Между тѣмъ море страшно бушевало и на горизонтѣ не показывалось ничего. Роты, имѣвшія экономію и у кого было мало растраты дорогою, дѣлились остатками сухарей съ неимущими; но все-таки многіе принуждены оставаться на одной, и то самой скудной, кашницѣ. Офицеры были не богаче солдатъ. Походное платье поизносилось и порвалось; много вещей поносило водою, попадало съ кручь; провизія вышла.

26-го числа, на другой день по прибытіи отряда, къ общей радости, показался пароходъ. То была шкуна „Туапсе“, которая доставила въ отрядъ съ Сухумской морской станціи три азовскихъ баркаса. Ее тотчасъ откомандировали въ Новороссійскъ, съ настоятельнымъ требованіемъ прислать поскорѣе провіантъ не въ Головинскій, а въ Сочу. Да и на посту Головинскомъ приказано еще 19-го числа, какъ только привезутъ провіантъ, не разгружаться, а безотлагательно препровождать его въ Сочу. Одинъ изъ прибывшихъ баркасовъ посланъ въ укрѣпленіе Гагры (за 40 верстѣ), съ запросомъ воинскому начальнику: сколько въ тамошнихъ магазинахъ имѣется провіанта, на сколько человекъ госпиталь, можно ли достать все нужное для офицеровъ.

Между тѣмъ, какъ объяснилось впоследствии, флотъ былъ не виноватъ. Сначала въ Цемесской бухтѣ дулъ сильнѣйшій сѣверовосточный вѣтеръ, при которомъ судамъ не только выйти въ море, но и нагружаться въ Новороссійскъ было нельзя. Потомъ, когда нѣсколько пароходовъ вышли въ море, поднялась буря и занесла ихъ къ абхазскимъ берегамъ, въ Пицунду. Вотъ

почему суда съ провіантомъ показались едва только 29-го числа, и, къ удивленію всѣхъ, со стороны Сухума. Трудно представить себѣ, какъ были тогда счастливы всѣ безъ исключенія въ отрядѣ, отъ мала до велика. Рабочихъ для разгрузки судовъ, противъ обыкновенія, явилось со всѣхъ сторонъ множество.

Прежній фортъ Навагинскій былъ едва-ли не лучший изъ всѣхъ укрѣпленій черноморской береговой линіи. На живописномъ мѣстѣ, отлично отстроенный, онъ и въ развалинахъ былъ пріятенъ для глаза. Очертаніе форта неправильное, сообразное съ очертаніемъ высоты, гдѣ онъ построень; внутри были когда-то прекрасныя зданія, церковь, куполь которой, какъ маякъ, виднѣлся издалека, и хорошіе сады. При занятіи форта отрядомъ, отъ зданій оставались однѣ стѣны; батареи и башни были разрушены, а ограда, какъ и въ другихъ укрѣпленіяхъ, стояла почти цѣлая. Въ развалинахъ найдено 13 нашихъ старыхъ, испорченныхъ, крѣпостныхъ орудій. Ограда, на сколько возможно, была исправлена, и на мѣстѣ форта нынѣ учрежденъ постъ. 26-го марта 1864 года составленъ на имя командующаго войсками Кубанской области слѣдующій рапортъ (№ 285):

„25-го марта даховскій отрядъ, спустившись изъ горъ, занялъ безъ выстрѣла бывший фортъ Навагинскій. Вашему сіятельству извѣстна важность этого пункта. На сколько занятіемъ Дахо положено начало завоеванію самой трудной части западнаго Кавказа, на столько занятіемъ Сочи изъ горъ дѣлу этому полагается конецъ. Въ настоящее время вся нагорная полоса южнаго склона и бывший фортъ Св. Духа почти можно считать въ нашихъ рукахъ.

„Вашему сіятельству не менѣе извѣстно, что быстрое и успѣшное занятіе Сочи есть прямое слѣдствіе дѣйствій даховскаго отряда. Мы пользуемся теперь плодами прежнихъ успѣховъ. Дѣйствія наши въ верховьяхъ Вѣлой, въ истокахъ Пшехи и Пшиша обезсилили нѣкогда грозныя племена южнаго склона. Форсированное движеніе черезъ переваль къ Туапсе и въ особенности отъ Туапсе далѣе заставили ихъ пасть разомъ. Не буду говорить, сколько трудовъ и усилій нужно было, чтобы приготовить и исполнить подобное дѣло.

„Даховскій отрядъ былъ бы особенно счастливъ, если бы, въ воспоминаніе настоящихъ успѣховъ, имя его осталось неразлучнымъ съ именемъ Сочи. Нынѣ на мѣстѣ бывшаго форта Навагинскаго устроень постъ Сочи. Если бы ваше сіятельство

разрѣшили посту этому носить названіе Даховскаго, ввѣренный мнѣ отрядъ счелъ бы это за большую для себя награду“.

Вскорѣ разрѣшено посту на мѣстѣ бывшаго Навагинскаго форта именоваться постомъ *Даховскимъ*.

Убыхи, сколько можно было судить по свѣдѣніямъ, готовились къ выселенію. Въ лагерь отряда каждый день пріѣзжали съ разныхъ сторонъ старшины, изъявляя покорность и высказывая полную готовность исполнить немедленно всѣ наши требованія. 26-го числа, подъ вечеръ, пріѣхали депутаты отъ джигетовъ. Бывшій въ главѣ ихъ Гечъ-Решидъ обратился къ начальнику отряда, на вопросъ, „съ чѣмъ они пріѣхали“, со слѣдующими словами:

„Мы джигеты; мы народъ вольный; никогда ни съ кѣмъ открыто не воевали и никогда никому не подчинялись. Теперь мы видимъ, что все кругомъ насъ покоряется русскимъ, и мы уже считаемъ землю нашу собственностью російскаго императора. Услышавъ, что ты здѣсь, генераль, мы пріѣхали къ тебѣ спросить приказаніе: какъ ты скажешь, такъ и будетъ. Дозволишь оставаться, не скроемъ, это будетъ намъ особенно пріятно; прикажешь выселяться, мы, вмѣстѣ съ другими мусульманами, уйдемъ въ Турцію.“

„Я — отвѣтилъ имъ генераль — ни дозволить вамъ оставаться, ни приказать выходить самовольно не могу. Я исполню распоряженія высшаго моего начальства и могу вамъ только передать желаніе старшихъ. Окончательный отвѣтъ на вопросъ вашъ я сообщу вамъ, когда получу на то приказаніе.“

Вмѣстѣ съ приведеннымъ выше рапортомъ, составлена слѣдующая

Замѣтка о предстоящихъ дѣйствіяхъ даховскаго отряда.

„Изъ рапорта моего отъ 20-го марта, за № 240, вашему сіятельству извѣстно, почему я рѣшился отказаться отъ устройства кордонной линіи вверхъ по Шахе. Я упоминалъ, что надѣюсь занять Сочу 25-го или 26-го числа, а 29-го заложу первый постъ на кордонной линіи по Вардане. Вчера, 25-го, отрядъ, мнѣ ввѣренный, сталъ лагеремъ подъ бывшимъ фортомъ Навагинскимъ. Форсированное движеніе въ центръ убыхской земли принесло желаемые результаты: убыхи не успѣли опомниться, не успѣли собраться съ силами, и пали. Общество Хакуць вы-

селается въ Турцію (*). Общество Саше, живущее по лѣвымъ верховымъ притокамъ Сочи, изъявило покорность. Джигеты выслали своихъ депутатовъ и беспрекословно повинуются. Остается выждать, когда всѣ эти племена дѣйствительно очистятъ обитаемыя ими ущелья. Незначительныя общества Медовѣвцевъ, Псху, Ахчипсху, нѣтъ сомнѣнія, уже не могутъ долго держаться. И все это слѣдствіе быстрого и рѣшительнаго наступленія. Для войскъ движеніе это, правда, было весьма тяжело. Но отказаться отъ него я считалъ безчестнымъ: такъ сложились обстоятельства послѣ дѣла 18-го марта. Если бы я упустилъ случай, не воспользовался побѣдою самымъ энергическимъ образомъ, то — это было мнѣ ясно — мы сами положили бы въ руки непріятеля новыя средства къ защитѣ.

„Доношу теперь вашему сіятельству о томъ, что намѣренъ я предпринять въ будущемъ.

„Въ обществѣ Вардане не одна главная рѣка, а ихъ нѣсколько. По одной изъ нихъ, именно по рѣкѣ Догомысѣ, я полагаю вести кордонную линію. Здѣсь самое короткое разстояніе отъ берега моря до Бабуковскаго аула и путь, сравнительно съ прочими, лучшій. Изъ верховій Шахе я намѣренъ перевалить въ истоки Сочи: Соча сливается изъ двухъ большихъ верховыхъ притоковъ; истоки праваго смежны съ истоками Шахе, лѣваго — со Мзымтою. Все это ясно видно съ высоты около поста Сочи, гдѣ была отдѣльная батарея. Изъ верховій Шахе, если будетъ возможно, я открою сообщеніе съ Хамышками и Пшехою. Но, къ сожалѣнію, движеніе это я не въ силахъ исполнить скоро. Главная задержка — крайне неисправная доставка провіанта моремъ. Даховскій отрядъ въ горахъ никогда не нуждался въ провіантѣ, а теперь у моря людямъ нечего ѣсть. Кромѣ того отъ полковника Кишинскаго (***) получено свѣдѣніе, что движеніе черезъ перевалъ будетъ возможно не раньше мая или развѣ въ концѣ апрѣля. Наконецъ, войска весьма утомлены. Вотъ почему я полагаю все движеніе окончить съ такимъ расчетомъ, чтобы къ святой недѣлѣ вернуться на отдыхъ къ посту Сочи.

(*) Впослѣдствіи оказалось, что призжавшіе старики хакучей не могли уговорить къ переселенію все общество; впрочемъ, много по малу изъ хакучей отправились въ Турцію нѣсколько сотъ семействъ.

(**) Начальникъ хамышкинскаго отряда, на истокахъ рѣки Бѣлой, на сѣверномъ склонѣ.

„Затѣмъ я намѣренъ: подняться снова вверхъ по Сочи, перевалить изъ лѣваго верховаго притока ея на Мзымту, открыть сообщеніе съ Псебаемъ и Мзымтою и спуститься къ бывшему форту Святаго Духа.

„Впрочемъ, описанному порядку движенія я не придаю особенной важности. Я почти убѣжденъ, что серьезныхъ препятствій со стороны горцевъ не встрѣчу нигдѣ. . . . .

„Но, выставляя положеніе дѣлъ таковымъ, каково оно есть въ настоящую минуту, я не могу скрыть, что оно можетъ измѣниться. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо нужно дѣйствовать по пословицѣ: „куй желѣзо, пока горячо“. Горцы всѣ единогласно отказываются отъ земли и готовы къ выселенію. Между тѣмъ, за перевозочными средствами остановка большая. По всему берегу моря отъ Туапсе до Джигетовъ стоятъ таборы переселенцевъ. Кочермы приходятъ и отходятъ безпрестанно; у Туапсе появился даже пароходъ. Но всѣхъ этихъ судовъ весьма недостаточно. Кромѣ того, столпившись на берегу, горцы терпятъ всевозможныя лишенія. Весьма вѣроятно, что пройдетъ мѣсяцъ, другой, распустится листъ, явится подножный кормъ, и многіе горцы, кто не успѣетъ сѣсть на суда, удалятся снова въ труппы, искать себѣ средствъ для поддержанія жизни. Неимущіе же, которымъ нечего заплатить за проѣздъ — а ихъ огромная масса — сдѣлаютъ это поневолѣ. Намъ придется тогда съ новыми жертвами и усиліями вытѣснить ихъ изъ горъ и отправлять на Лабу или на Кубань, съ тѣмъ, чтобы продовольствіе ихъ принять на себя. Полагаю, что въ настоящее время крайне необходимо вмѣшаться въ это дѣло правительству и употребить всѣ силы, чтобы съ одной стороны увеличить количество занимающихся переселеніемъ горцевъ судовъ, а съ другой дать средства неимущимъ. Повторяю: дѣло это первой важности. Оставивъ его безъ вниманія, мы рискуемъ потерять все, что нами сдѣлано.“ (*)

Въ частномъ письмѣ къ командиру войсками, посланномъ при этой запискѣ отъ 26-го марта, начальникъ отряда писалъ:

„Съ убыхами, можно сказать, дѣло кончено; но я еще не доношу офиціально собственно по слѣдующимъ причинамъ: они такъ легковѣрны, что, пока мы не совершенно владѣемъ горами,

(*) Отправлено изъ лагеря отряда у поста на Сочи, 26-го марта 1864 года.

нельзя полагаться на нихъ. Положимъ, ничего особеннаго они не могутъ сдѣлать; однакожь всегда они пострѣлять могутъ. Къ 16-му апрѣля, я думаю, буду уже въ Бабуковскомъ аулѣ и устрою кордонъ....“

По возвращеніи баркаса изъ Гагръ, 29-го числа, доставлена оттуда, между прочимъ, телеграмма, посланная изъ Тифлиса начальникомъ главнаго штаба на имя генерала Геймана 24-го марта 1864 года:

„Его Высочество, ускорая свой выѣздъ изъ Тифлиса, на дняхъ полагаетъ быть у васъ въ отрядѣ, приказываетъ вамъ не форсировать дѣйствій, двигаться впередъ только тогда, когда за вами не останется непріятеля. Ждемъ пріѣзда вашего курьера, чтобы узнать о вашихъ подвигахъ. Надѣюсь скоро лично поздравить.“

Всѣ эти документы, частію со шкуною „Туапсе“, частію 29-го числа вечеромъ, какъ только разгрузилась „Анапа“, посланы были въ Ставрополь; но курьеръ, пріѣхавъ въ Новороссійскъ, узналъ, что графъ Евдокимовъ уже нѣсколько дней какъ выѣхалъ оттуда, на другомъ пароходѣ, къ отряду.

Извѣстіе о пріѣздѣ Великаго Князя всѣхъ оживило и обрадовало. Въ одномъ изъ частныхъ писемъ къ графу Евдокимову (отъ 19-го марта, съ Головинскаго), начальникъ отряда, между прочимъ, писалъ:

„Ежели Великій Князь посѣтитъ насъ, то Его Высочество увидитъ насъ черными, оборванными и большею частію въ поршняхъ; за то мы встрѣтимъ дорогаго гостя не краснѣя и со спокойною совѣстію, потому что только наши кавказцы въ состояніи дѣлать такіе походы. Ежели будемъ починяться, то дѣло пойдетъ вяло и медленно, да и некогда: вѣдь мы съ мѣста на мѣсто все переходимъ. Вотъ бѣда, что лихорадки уже начались; я самъ уже двѣ недѣли боленъ. Нekoгда нѣжничать: надо кончать; а потомъ попрошу отдыха, тогда и лечиться.“

30-го числа опять отъ Сухума показался пароходъ. Войска живо выстроились на полянѣ, для встрѣчи. Это, оказалось, былъ графъ Евдокимовъ; его также буря носила по морю.

Баталіоны въ колоннахъ, всѣ рядомъ, образовали длинную линію боеваго отряда (*). Артиллерія стояла въ серединѣ пѣхоты; кавалерія на лѣвомъ флангѣ. Не бросались въ глаза

(*) 28-го числа къ отряду прибылъ 1-й баталіонъ Крымскаго полка, съ полковою музыкою.

войска изяществомъ и щеголеватостію. На нихъ были старыя, давно пожелтѣлыя шинели, въ которыхъ люди валялись цѣлыя зимы въ снѣгу и по мѣсяцамъ мокли подъ дождемъ; на головахъ изношенныя папахи, походныя подушки солдатъ; загорѣлыя отъ вѣтра и жизни безъ крова лица свидѣтельствовали о перенесенныхъ трудахъ и невзгодахъ. Офицеры, кто въ сюртукѣ, кто въ мундирѣ, у кого что нашлось и уцѣлѣло, одѣлись сколько можно почище. Но у cadaго изъ этихъ черныхъ солдатъ было свѣтло на душѣ; каждый былъ убѣжденъ, что не выговоръ, а ласковое слово онъ услышитъ отъ начальника.

Показался командующій войсками; войска отдали честь.

„— Моя сѣдая голова кланяется вамъ, братцы, за вашу молодецкую службу“, былъ первый привѣтъ графа. Единодушное, изъ глубины души „ура!“ заглушило слова закаленнаго въ бояхъ старика. „Кланяюсь вамъ, братцы, за вашу молодецкую службу“, повторялъ графъ каждому баталіону, поднимая шапку надъ своими сѣдинами. „Ура!“ не умолкало. „Командующему войсками графу Евдокимову „ура!“ произнесъ начальникъ отряда, когда графъ объѣхалъ войска и нѣсколько поутихло. Горы и ущелья снова огласились побѣдоносными кликами, и все, что было кругомъ графа, обнажило головы. „Вашъ старый командующій войсками одинъ кричитъ „ура!“ за славный даховскій отрядъ и его начальника!“ воскликнулъ графъ Евдокимовъ. Снова „ура!“ потрясло воздухъ и не дало докончить графу словъ его.

Черезъ нѣсколько минутъ войска уже отдыхали на бивуакахъ. Отрядъ, какъ стоялъ въ одну линію, въ колоннахъ, такъ и двинулся съ мѣста съ музыкою и барабанами. Надо было посмотреть тогда на кавказцевъ. Воодушевленные ласковою встрѣчею, музыкою и барабаннымъ боемъ, въ сомкнутыхъ колоннахъ—строй, которымъ въ горахъ не приходилось дѣйствовать никогда—и, притомъ, 13 баталіоновъ вмѣстѣ, въ одинъ рядъ, войска, казалось, готовы были надѣлать чудесъ. Люди точно переродились: сдѣлались необыкновенно бодрыми, свѣжими, веселыми.

Во всѣхъ баталіонахъ сами затянули пѣсни.

— Эхъ бы подъ турка теперь — говорили офицеры — вотъ бы досталось: все бы сломили, что бы ни встрѣтили.

— Много ли нужно русскому солдату — прибавляли нѣко-

торые — два, три привѣтливыхъ слова начальника, и онъ доволенъ и счастливъ!...

Къ прїѣзду Его Высочества приказано было собраться всѣмъ старшинамъ племенъ, изъявившихъ покорность россійскому императору. Прїѣхали шапсуги, гон, убыхи, джигеты и нѣсколько старшинъ ахчипсхувскихъ. Тутъ были Заурбекъ, Догомуковъ, Бабуковъ, Эльбузь, Гечъ-Решидъ и съ ними цѣлыя толпы. Всѣ они нѣсколько дней ожидали прибытія брата Монарха.

Ставка начальниковъ, помѣщенная на этотъ разъ въ серединѣ бывшаго форта, разрослась. Съ каждымъ пароходомъ прибывали новыя личности. 31-го числа прїѣхали начальникъ Натухайскаго военнаго округа и бывшаго адагумскаго отряда, генераль-маіоръ Бабичъ, п атаманъ Кубанскаго казачьяго войска, бывшій начальникъ распущеннаго джубскаго отряда, свиты Его Величества генераль-маіоръ графъ Сумароковъ-Эльстонъ.

Войска съ нетерпѣніемъ ждали, когда покажется пароходъ подъ великокняжескимъ флагомъ. Къ сожалѣнію, подулъ овѣжій вѣтеръ, море заколыхалось, и обстоятельство это, конечно, должно было замедлить прибытіе Его Высочества. Наконецъ, по утру 1-го апрѣля, еще издалека была замѣчена, по большимъ кожухамъ надъ колесами, императорская паровая яхта „Тигръ“.

Вотъ какъ рассказано о поѣздкѣ Великаго Князя къ даховскому отряду въ газетѣ „Кавказъ“, № 28-й, 9-го апрѣля 1864 года:

„Въ Сухумѣ (по прїѣздѣ туда Его Высочества) получено было положительное извѣстіе, что отрядъ генерала Геймана уже занялъ устье рѣки Сочи (бывшее укрѣпленіе Навагинское). Относительно убыховъ свѣдѣнія были совершенно разнорѣчивы: по однимъ—народъ этотъ готовился къ сбору для ожесточеннаго сопротивленія нашимъ войскамъ, по другимъ—они совершенно покорились своей участи, спѣшатъ распродавать свое имущество и всѣ идутъ къ берегу, чтобы отправиться потомъ въ Турцію. Противорѣчія эти могли быть разъяснены только на мѣстѣ, а потому Его Высочество въ тотъ же вечеръ отплылъ къ устью рѣки Сочи.

„Прибой отъ зыби и здѣсь заставилъ простоять на якорѣ почти цѣлыя сутки, въ одной милѣ отъ берега и въ виду нашего отряда, который частію занималъ бывшее укрѣпленіе, частію расположенъ былъ вокругъ него бивуаками. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 13 баталіоновъ, эскадрона драгуновъ, одной сотни казаковъ и четырехъ горныхъ орудій. Утромъ 2-го числа

прибой на столько уменьшился, что уже представилась возможность спустить съ берега барказъ, и командующій войсками Кубанской области, генералъ-адъютантъ графъ Евдокимовъ, вмѣстѣ съ начальникомъ отряда, генералъ-маіоромъ Гейманомъ, явился на пароходъ и доложилъ Его Императорскому Высочеству, что послѣ пораженія, которое было нанесено партіи убыховъ 18-го марта, у развалинъ монастыря на рѣкѣ Голіехтѣ, Голликхѣ, народъ этотъ отказался отъ всякой надежды на успѣхъ сопротивленія; что старшины убыхскіе явились въ нашъ отрядъ съ изъявленіемъ полной покорности и что примѣру убыховъ послѣдовали также джигеты и ахчипсхувцы, старшины которыхъ ожидаютъ въ лагерѣ прибытія Его Императорскаго Высочества, чтобы просить только объ одной милости—назначенія нѣкотораго срока для выселенія изъ горъ.

„Отпустивъ графа Евдокимова къ отряду, Его Императорское Высочество въ полдень изволилъ сѣсть на катеръ и, несмотря на довольно сильный еще прибой, благополучно вышелъ на берегъ, въ сопровожденіи начальника главнаго штаба арміи, кутаисскаго генералъ-губернатора, командующаго войсками въ Абхазіи и другихъ лицъ, составлявшихъ свиту его.

„Здѣсь Его Высочество былъ встрѣченъ командующимъ войсками Кубанской области, начальникомъ отряда, наказнымъ атаманомъ Кубанскаго войска, начальникомъ Натухайскаго округа и начальникомъ артиллеріи Кубанской области. Отрядъ былъ выстроенъ въ линію колоннъ на полянѣ, у подошвы высоты, занимаемой укрѣпленіемъ.

„Его Императорское Высочество, объѣхавъ войска сперва вдоль фронта, потомъ въ серединѣ между рядами колоннъ, благодарилъ всѣхъ за службу и подвиги, обнялъ передъ фронтомъ генералъ-адъютанта графа Евдокимова и генералъ-маіора Геймана и затѣмъ пропустилъ всѣ части войскъ мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, благодаря еще разъ каждую изъ нихъ. Милостивыя слова высокаго начальника, казалось, изгладили въ солдатахъ и самыя воспоминанія перенесенныхъ трудовъ. Смотря на стройное движеніе колоннъ подъ звуки музыки, въ эту минуту трудно было представить, что это были тѣ самые люди, которые совершили въ февралѣ переходъ черезъ главный кавказскій хребетъ, а въ теченіе марта прошли почти безостановочно отъ Туапсе до Сочи, то поднимаясь къ снѣговымъ горамъ, то спускаясь къ морю по тропинкамъ, счи-

тавшимися доселѣ недоступными для регулярныхъ войскъ. Ряды баталіоновъ, правда, были не сильны числомъ; но нельзя было безъ особаго уваженія смотрѣть на нихъ, нельзя было не видѣть, что не въ числѣ ихъ сила, и что еслибъ передъ этими людьми всталъ новый Кавказъ, они не остановились бы передъ нимъ.

„Осмотрѣвъ войска, Государь Великій Князь прибылъ въ укрѣпленіе, гдѣ уже приготовлены были палатки для Его Высочества и для всего штаба и гдѣ ожидали его старшины шапсуговъ, убыховъ, джигетовъ и Ахчипсху. Великій Князь принялъ ихъ по племенамъ, однихъ послѣ другихъ. Всѣ они объявили, отъ имени всего народа, безусловную покорность и готовность исполнить всѣ приказанія, съ единственною просьбою дать имъ возможность переселиться въ Турцію, какъ страну, ближе имъ извѣстную, нежели тѣ земли, которыя предназначены для водворенія ихъ на Кубани. Его Высочество изволилъ отвѣчать имъ, что согласенъ на ихъ просьбы и даетъ имъ мѣсяць сроку для того, чтобы они могли приготовиться къ переселенію и выйти на берегъ съ своими семействами; что, по истеченіи мѣсяца, со всѣми, которые не исполняютъ этого требованія, будетъ поступлено какъ съ военноплѣнными, для чего и будутъ къ тому времени присланы еще новыя войска. Слова Его Высочества старшины приняли съ видомъ полной покорности и повторили обѣщаніе въ точности исполнить ихъ. Въ искренности словъ шапсуговъ нѣтъ сомнѣній, потому что большая половина ихъ племени уже переселилась въ Турцію; остальные почти всѣ безъ исключенія вышли изъ горъ на морской берегъ и подъ наблюденіемъ нашихъ войскъ живутъ во временныхъ таборахъ, ожидая только судовъ для переѣзда. Вліятельнѣйшія изъ убыхскихъ фамилій, со всѣми своими подвластными, также перешли на берегъ, уничтоживъ сами свои аулы. Джигеты, по своей слабости и по близкому сосѣдству съ нами, безъ помощи убыховъ не могутъ оказать никакого сопротивленія. Только жители Ахчипсху и Псху, занимающіе трудно-доступныя ущелья по верховьямъ рѣкъ Мзымты и Бзыби, по своей дикости и въ надеждѣ на недоступность мѣстности, могутъ быть, еще будутъ пытаться отстаивать свои труппы; но какъ численность этихъ племенъ не достигаетъ и 1,000 семействъ, то сопротивленіе ихъ едва-ли будетъ продолжительно.

„Такимъ образомъ, сопротивленіе послѣднихъ и самыхъ не-

примиримыхъ во враждѣ къ намъ непріятелей одолѣно. И если нельзя сказать, что война кавказская совершенно окончена, если еще и остаются въ неприступныхъ складкахъ горныхъ ущелій, въ сосѣдствѣ съ вѣчными снѣгами, нѣсколько сотенъ семействъ, упорствующихъ въ непокорности, то на эти остатки никакъ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на серьезныхъ непріятелей, сколько-нибудь для насъ опасныхъ. Для того же, чтобы по возможности очистить край даже и отъ мелкихъ хищниковъ и чтобы предотвратить возможность нарушенія обязательствъ, данныхъ убыхами и джигетами, Его Императорское Высочество приказалъ войскамъ продолжать предположенныя прежде движенія съ двухъ сторонъ: изъ Кубанской области черезъ главный хребетъ въ верховья Мзымты и Бзыби и навстрѣчу имъ изъ Кутаисскаго генераль-губернаторства, отъ устій этихъ рѣкъ.

„Проведя ночь въ лагерѣ, Его Императорское Высочество, утромъ 3-го апрѣля, изволилъ обозрѣть окрестности и послѣ полудня отплылъ обратно къ укрѣпленію Гагры, осмотрѣлъ баталіонъ, составляющій гарнизонъ этого укрѣпленія, лазаретъ и казармы. На слѣдующій день (4-го апрѣля), въ восьмомъ часу утра, Его Высочество изволилъ снова прибыть въ Поті, а 6-го, въ половинѣ втораго часа утра, благополучно возвратился въ Тифлисъ.“

VII.

Постъ Кубанскій и убыхская кордонная линія. — Встрѣча съ шехскимъ отрядомъ и открытіе сообщенія черезъ бѣлорѣченскій переваль. — Движеніе внизъ по Сочи на постъ Даховскій. — Светлый праздникъ. — Раздѣленіе отряда на семь колоннъ и разработка дороги вдоль по убыхской линіи. — Движеніе части даховскаго отряда въ верховья рѣки Мзымты. — Соединеніе на урочищѣ Кбаада четырехъ отрядовъ. — Молебствіе по случаю окончанія войны.

На другой день по отъѣздѣ изъ лагеря Его Высочества, отправился въ Ставрополь и командующій войсками, приказавъ продолжать занятія, согласно съ предположеніемъ, высказаннымъ начальникомъ отряда въ „Запискѣ о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ 26-го марта“. Очередь стояла за устройствомъ убыхской кордонной линіи и прибрежнаго поста этой линіи — поста Кубанскаго.

Мы уже говорили, что кордонную линію предположено было провести чрезъ средоточіе убыхской земли: отъ устья Догомыса вверхъ по этой рѣкѣ до ея истоковъ, потомъ черезъ небольшой

переваль на среднее теченіе Шахе и далѣе лѣвымъ, а потомъ правымъ берегомъ Шахе до аула Бабукова. Отсюда въ одну сторону начинается подъемъ на переваль бѣлорѣченскій, а въ другую на переваль пшехскій.

Направленіе это, какъ оказалось впоследствии, выбрано вѣрно.

Разумѣется, если бы имѣлось въ виду, не стѣсняясь временемъ и средствами, провести дорогу, которую можно было бы впоследствии обратить въ повозочную, то лучше всего вести ее все внизъ по Шахе, несмотря на то, что тамъ дальше и много скалъ: идя все внизъ по Шахе, избѣгнется переваль съ Догомыса, а это обстоятельство для постоянной капитальной дороги весьма важное. Но теперь и временемъ и средствами мы были стѣснены, и дорога проводилась не капитальная, а вьючная, для которой переваль изъ Шахе на Догомысъ не значитъ ничего; притомъ же путь этотъ нуженъ былъ только на короткое время.

Мы говоримъ: на короткое время, по слѣдующимъ причинамъ:

Цѣль устройства убыхской линіи заключалась, во-первыхъ, въ томъ, чтобы, открывъ сообщеніе съ сѣвернымъ склономъ, облегчить спускъ къ аулу Бабуковскому отряда хамышкинскаго; во-вторыхъ, чтобы, пробивъ вьючную тропу черезъ бѣлорѣченскій переваль и обезпечивъ ее отъ непріятели постами, дать возможность войскамъ отряда сообщаться со своими штабъ-квартирами не кружнымъ путемъ черезъ Гойтхъ, а прямо; въ-третьихъ, самое главное, понудить убыховъ, въ особенности живущихъ ближе къ перевалу, не откладывать въ долгій ящикъ время переселенія. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ войны показалъ, что ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на горцевъ, какъ заложеніе станицы, укрѣпленія, поста или вообще какой бы то ни было постоянной русской постройки. Какъ только вобьется первый колъ русскій, уже землю эту горцы считаютъ не своею и всѣ окрестности немедленно очищаются. Видно, говорятъ тогда горцы, что русскіе пришли сюда не временно, а намѣрены поселиться. Третью цѣль мы назвали самою главною потому, что когда не будетъ непріятели, не нужно ни обезпечивать дороги, ни облегчать дѣйствія отряда съ сѣвернаго склона. Было много шансовъ въ пользу того, что убыхи переселенія своего не оттянутъ; потому можно было сказать навѣрное, что кордонная линія простоятъ недолго. И дѣйствительно: уже въ маѣ гарнизоны изъ постовъ были выведены.

Относительно сообщенія съ сѣвернымъ склономъ, путь черезъ бѣлорѣченскій переваль имѣлъ значеніе только до занятія рѣки Мзымты, откуда, черезъ переваль Псегашко на Малую Лабу, гораздо ближе. Мзымту же предполагалось занять въ скоромъ времени.

Такимъ образомъ, выборъ направленія убыхской линіи надо было соображать съ условіями временными. Если бы даже по Шахе было ближе, чѣмъ по Догомысу, и работа тамъ была бы нетрудна, то и въ такомъ случаѣ ее слѣдовало вести поперекъ общества Вардане: иначе всѣ истоки береговыхъ рѣкъ между Шахе и Сочи послужили бы убѣжищемъ для убыховъ. Лучшимъ доказательствомъ правильности выбраннаго направленія служитъ то, что какъ только отрядъ двинулся въ горы, вся масса убыховъ хлынула къ морю. Когда были кончены посты по Догомысу, на всемъ пространствѣ по верховьямъ береговыхъ рѣкъ, въ обществахъ Хобзъ и Вардане не осталось ни одного человѣка, а когда возведены посты на Шахе, то же самое было съ убыхами горными.

Съ 4-го апрѣля до святой недѣли (19-го апрѣля) оставалось времени немного. Между тѣмъ, желательно было къ празднику привести отрядъ на отдыхъ, на постъ Даховскій, гдѣ уже нѣсколько поустроились, подѣлали хлѣбопекарныя печи, бани и куда торговцы стали со всѣхъ сторонъ привозить разнаго рода товары и припасы. Исполнить это было нетрудно; надлежало только распорядиться такимъ образомъ, чтобы всѣ посты, не исключая и самыхъ отдаленныхъ, были начаты скорѣе и работа на каждомъ изъ нихъ производилась возможно большимъ числомъ рукъ одновременно. Взяться разомъ за постройку всѣхъ постовъ, по числительности отряда, было невозможно; потому предполагено сначала вывести нѣсколько постовъ ближе къ морю, а потомъ выше въ горахъ; окончивъ же посты и оставивъ на нихъ гарнизоны, спуститься всѣмъ отрядомъ внизъ, по рѣкѣ Сочи, очищая дорожку отъ населенія все ущелье.

По мѣстнымъ условіямъ, оказалось необходимымъ вывести посты на слѣдующихъ мѣстахъ:

Постъ Кубанскій — на берегу Чернаго моря, у устья рѣки Догомыса. Здѣсь предполагенъ складъ провіанта для довольствія войскъ на всей линіи. Кромѣ того этотъ постъ важенъ какъ одинъ изъ береговыхъ, полезныхъ для наблюденія за побережьемъ. Въ гарнизонъ поста назначены три роты. Тутъ же, на горѣ,

выведена отдѣльная батарея на одно орудіе; назначеніе ея—по-
давать сигналы судамъ.

Постъ Догомуковскій, названный такъ потому, что выве-
денъ близъ мѣста, гдѣ хаджи-Догомуковъ, отъ имени убыхскаго
народа, изъявилъ покорность російскому императору. Онъ въ
3³/₄ верстахъ отъ Кубанскаго, на лѣвомъ берегу рѣки Дого-
мыса.

Эль-Мурзинскій — также на лѣвомъ берегу Догомыса, въ
четыре-хъ верстахъ выше Догомуковскаго. Близъ него былъ аулъ
одного изъ старшинъ убыхскихъ — Эль-Мурзы.

Каскадный, на правомъ берегу Догомыса, немного повыше
каскадовъ на рѣкѣ, въ 2³/₄ верстахъ отъ Эль-Мурзинскаго; при
немъ отдѣльный пикетъ.

Убыхскій — у водораздѣла между двумя Догомысами, въ 2¹/₂
верстахъ отъ Каскаднаго, также съ отдѣльнымъ пикетомъ. От-
дѣльные пикеты возводились на мѣстахъ наиболѣе возвышен-
ныхъ, откуда удобно наблюдать за дорогою и хорошо видны
сосѣдніе посты. На нихъ постоянно должна находиться неболь-
шая команда изъ гарнизона поста. Для самаго же гарнизона,
собственно постъ строился внизу, ближе къ водѣ, куда нетрудно
было бы подводить вьюки.

Высокій — наверху водораздѣла, между Догомысомъ и Шахе,
къ пяти верстахъ отъ Убыхскаго поста.

Шахинскій — на лѣвомъ берегу Шахе, въ 6³/₄ верстахъ отъ
Высокаго.

Небольшой тетъ-де-пона у моста черезъ Шахе, къ 2¹/₂ вер-
стахъ отъ Шахинскаго.

Вербный, заложенный въ Вербное Воскресенье, на правомъ
берегу рѣки Шахе, въ трехъ верстахъ выше тетъ-де-пона.

Посты эти выведены были въ слѣдующемъ порядкѣ:

4-го апрѣля, въ день отъѣзда изъ отряда командующаго
войсками, выслана колонна (четыре баталіона, подъ начальствомъ
подполковника Дове) для постройки поста Кубанскаго. 5-го чи-
сла начались работы; 6-го, 7-го и 8-го выведены: постъ, от-
дѣльная батарея, мостъ черезъ Догомысъ, близъ его устья, при-
стань, и разработана дорога отъ моря вверхъ по ущелью Дого-
мыса и по подъему на постъ.

5-го апрѣля отрядъ, въ составѣ восьми баталіоновъ, одной ро-
ты и четырехъ горныхъ орудій, съ эскадрономъ драгуновъ и сот-
нею казаковъ, выступилъ изъ-подъ поста Даховскаго и, раздѣливъ

шись на колонны, принялся разомъ за постройку постовъ Догомуковскаго, Эль-Мурзинскаго и Каскаднаго. 9-го числа посты эти и Кубанскій оконченъ и отрядъ весь стянулся.

10-го числа отряжено два баталіона для работъ на посту Убыхскомъ, а отрядъ двинулся далѣе. Густой туманъ сдѣлалъ то, что войска сбились съ дороги и пришлось заночевать въ глубинѣ одного изъ тѣсныхъ ущелій въ верховьяхъ Догомыса. Спускаться въ глубь ущелья и на другой день выбираться надо было по едва проходимой тропинкѣ, по кручѣ почти отвѣсной. Пѣхота, хотя съ большимъ трудомъ, выбралась благополучно. Орудія и заряды вытащены на рукахъ. Но лошади, въ особенности подъ вьюками, обрывались безпрестанно: 52 лошади остались на мѣстѣ; очень многіе офицеры и роты лишились своихъ вещей.

11-го, 12-го и 13-го чиселъ производились работы по устройству постовъ: Высокаго, Шахинскаго, тетъ-де-пона и Вербнаго. Предполагалось заложить далѣе по Шахе еще два поста: Трущобный и Бабуковскій; но, подойдя къ рѣкѣ Бзыгъ, оказалось, что выше до рѣки Ажу тѣсна Шахе такъ тѣсна и сурова, что и пѣшій человекъ едва можетъ пролѣзть. Здѣсь рѣка Шахе прорыла себѣ узкое русло черезъ громадный хребетъ. Это уже не ущелье, а просто разсѣлина, съ необыкновенно крутыми и обрывистыми свѣсами. Отъ постоянной влажности, свѣсы въ разсѣлинѣ поросли лѣсомъ; но все-таки, на каждомъ шагу, между деревьями, торчатъ обнаженныя голыя скалы. Тропинка, или, правильнѣе, направленіе, по которому можно пробраться черезъ разсѣлину, то и дѣло взвивается круто наверхъ по ступенямъ изъ выступовъ скалъ, вышиною въ аршинъ и болѣе, или падаетъ внизъ такъ, что спускаться необходимо цѣпляясь руками за ближайшія деревья и скалы.

Начальникъ отряда, съ баталіонами, назначенными для постройки постовъ Трущобнаго и Бабуковскаго, предполагалъ 13-го апрѣля достигнуть Бабуковскаго аула. Послѣ небольшого привала, при впаденіи въ Шахе рѣки Бзыгъ, двинулись далѣе. Впереди полѣзла команда охотниковъ Севастопольскаго полка; за нею начальникъ отряда, штабъ и конвойная команда, разумѣется, спѣшившись. Казаки повели было въ поводу лошадей; но не успѣли податься на нѣсколько десятковъ шаговъ, какъ ообрвался и полетѣлъ съ кручи въ рѣку одинъ конь, за нимъ другой, третій. Чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже; пѣшіе, подавшись

на нѣсколько шаговъ, должны были останавливаться перевести духъ. Никакое воображеніе не можетъ представить себѣ подобныхъ сообщеній; люди, давно свыкшіеся съ кавказскими горами, были поражены ужасною природою. Одинъ взглядъ на разсѣдину объяснялъ, почему Бабуковъ нѣсколько разъ говорилъ, что если и придутъ къ нему русскіе, то никакъ не отъ моря, никакъ не даховскій отрядъ, а развѣ съ сѣверной стороны. И такому пути не видно было конца; проводники говорили, что еще далеко. нѣсколько верстъ. Начальникъ отряда увидѣлъ себя вынужденнымъ отдать слѣдующія приказанія:

Постройка постовъ Трущобнаго и Бабуковскаго отложена. Войска, назначенныя для этой работы, остановлены, подъ начальствомъ подполковника фонъ-Клугенау, на мѣстѣ привала, близъ впаденія въ Шахе рѣки Бзыгъ. Только 21-му стрѣлковому баталіону, налегкѣ, съ сухарями на два дня, и командѣ охотниковъ перебраться черезъ тѣснину, вмѣстѣ съ начальникомъ отряда и штабомъ. Всѣ вьюки, верховыя лошади и всѣ казаки оставлены на бивуакѣ подполковника Клугенау, дожидаться возвращенія начальника отряда. Баталіонамъ: 3-му севастопольскому и 1-му кубанскому, которые предполагалось отправить въ ихъ штабъ-квартиры черезъ бѣлорѣченскій переваль, приказано вернуться и идти домой кругомъ черезъ постъ Вельяминовскій и укрѣпленіе Гойтхъ.

Перелѣзть черезъ разсѣдину оказалось такъ трудно, что едва къ сумеркамъ стали стягиваться къ устью рѣки Ажу стрѣлки 21-го баталіона. Пришлось здѣсь, на небольшой полянкѣ, и заночевать; до Бабуковскаго аула оставалось еще 12 верстъ. Изъ слѣдовавшей впереди команды охотниковъ часть была послана назадъ, взять со вьюковъ кой-какія, необходимыя для ночлега и приготовленія пищи, вещи. Когда спустился на упомянутую небольшую полянку начальникъ отряда, при немъ было не болѣе 15 человекъ охотниковъ. Между тѣмъ, навстрѣчу вышло нѣсколько десятковъ вооруженныхъ убыховъ изъ окрестныхъ ауловъ. Генералъ тотчасъ же подошелъ къ нимъ и черезъ переводчика обратился съ вопросомъ: „Почему они до сихъ поръ дозволяютъ себѣ оставаться въ горахъ, а не вышли къ морю? Развѣ имъ неизвѣстно, что уже почти всѣ убыхи на берегу, и въ скоромъ времени съ тѣми, кого встрѣтятъ въ горахъ, будутъ поступать какъ съ непріятелемъ?“ Убыхи, пораженные строгимъ вопросомъ, не знали что отвѣчать. Имъ об-

явлено, чтобы они тотчасъ же начали собираться и выходить, а между тѣмъ пригнали сюда, къ устью Ажу, барановъ для продажи войскамъ, что тотчасъ и было исполнено.

Черезъ нѣсколько времени, когда толпа разошлась, оставшіеся убыхи вступили въ разговоръ съ офицерами.

— Не удивляемся мы — говорили они — что вы прошли черезъ всю убыхскую землю, не удивляемся, что передъ вашими громадными силами падаютъ всѣ племена; но какъ вы пролѣзли черезъ эту щель, по этой тропинкѣ—вотъ что насъ крайне поражаетъ. Когда мы слышали, что съ этой стороны идутъ русскіе, мы не повѣрили и собрались посмотрѣть, въ какой степени слухъ справедливъ. Когда вода въ рѣкѣ не такъ высока, какъ теперь, мы еще ходимъ низомъ разсѣлины, безпрестанно переправляясь съ берега на другой; но весною, осенью и послѣ дождей, по нагорной тропинкѣ, гдѣ вы шли, большая рѣдкость, чтобы кто-нибудь рѣшился пуститься.

Поздно вечеромъ получено было извѣстіе, что къ Бабуковскому аулу подходитъ, съ сѣверной стороны, съ истоковъ Пшехи, черезъ пшехинскій переваль, отрядъ свиты Его Величества генераль-майора Граббе и что хаджи-Бабуковъ, никакъ не ожидая наступленія русскихъ отъ моря, уже нѣсколько дней какъ выѣхалъ навстрѣчу къ нему. Генералу Граббе тотчасъ послана записка съ просьбою подождать, завтра, въ Бабуковскомъ аулѣ прибытія начальника даховскаго отряда, для личнаго свиданія и переговоровъ. Пшехскому отряду остановиться на дневку, по немнѣнью лишняго провіанта, было невозможно; потому на утро войска выступили далѣе, а самъ генераль Граббе, со штабомъ и эскадрономъ нижегородскихъ драгуновъ, остался на нѣсколько часовъ у аула Бабукова. Генераль Гейманъ вышелъ съ мѣста ночлега съ разсвѣтомъ. Безъ верховыхъ лошадей, пѣшкомъ, пройдя по горамъ 12 верстъ, онъ, со своимъ штабомъ и командою охотниковъ, часу въ восьмомъ утра прибылъ къ мѣсту бывшаго бивуака отряда пшехскаго. Въ истокахъ рѣки Шахе, въ котловинѣ, окруженной снѣговыми хребтами, произошло свиданіе начальниковъ двухъ, дѣйствовавшихъ въ горахъ западнаго Кавказа, русскихъ отрядовъ.

Еще до полученія извѣстія о пшехскомъ отрядѣ, генераль Гейманъ приказалъ своему отрядному квартирмейстеру, офицеру генеральнаго штаба, перейти отъ Бабуковскаго аула, съ одною ротою, черезъ переваль бѣлорѣченскій, передать въ укрѣпленіе

Хамышкахъ нѣкоторыя свѣдѣнія и распоряженія начальнику хамышкпнскаго отряда полковнику Кишинскому и далѣе слѣдовать въ Ставрополь къ командующему войсками съ докладомъ о всемъ происшедшемъ. Еще 10-го числа получено весьма важное, по тогдашнему положенію дѣль, свѣдѣніе, что до 5.000 убыховъ отплыли въ Турцію съ Кубанскаго поста и что вообще вся масса этого народа двинулась къ морю. Упомянутая одна рота была 5-я стрѣлковая Севастопольскаго полка, которой приказано потомъ прямымъ путемъ пройти въ штабъ-квартиру полка, въ укрѣпленіе Псебайское, на Малой Лабѣ. Такъ какъ 14-го апрѣля пшехскій отрядъ потянулся по тому же направленію, черезъ бѣлорѣченскій перевалъ, ротѣ этой приказано присоединиться къ войскамъ генерала Граббе. Ночь съ 14-го на 15-е число они провели на бивуакѣ сейчасъ за переваломъ, подъ горою Оштень, въ истокахъ рѣки Бѣлой, на глубокомъ снѣгу и морозѣ, а 15-го апрѣля благополучно спустились въ Хамышки, совершенно неожиданно для гарнизона укрѣпленія и къ большому его удивленію.

Генераль Гейманъ 14-го же апрѣля возвратился къ мѣсту ночлега и, послѣ привала у устья рѣки Ажу, перебрался обратно черезъ тѣснину къ бивуаку подполковника фонъ-Клугенау. Отсюда, согласно съ предположеніемъ, отрядъ двинулся на другой день къ посту Убыхскому, а потомъ, переваливъ въ бассейнѣ Сочи, Сочеею подошелъ къ посту Даховскому. Къ берегу моря войска прибыли 17-го числа, въ страстную пятницу. Дорогою сожжены всѣ встрѣтившіяся селенія, въ томъ числѣ аулъ хаджи-Догомѹкова. Убыховъ войска даже вовсе не видѣли: на мѣстахъ жительства не было уже никого. Въ гарнизонахъ постовъ вновь выведенной кордонной линіи оставлены 2-й севастопольскій, 1-й бакпнскій и 2-й черноморскій баталіоны.

Съ 17-го по 26-е апрѣля даховскій отрядъ находился на отдыхѣ въ лагерѣ при устьѣ рѣки Сочи. Войска заблаговременно позаботились заготовить для праздника пасохъ, куличей и что было возможно; кто, пользуясь случаемъ, послалъ въ Новороссійскъ, кто въ Гагры, кто въ Сухумъ. У начальника отряда приготовленъ былъ походный завтракъ для розговѣнья офицеровъ всего отряда. Въ страстную пятницу, въ то же время, какъ изъ горъ къ посту Даховскому подходили войска, съ моря приближался военный пароходъ, барказы и нанятая турецкія кочермы съ разнаго рода провизіей. Вечеромъ и на другой

день, несмотря на усталость, все хлопотало и суетилось, готовилось къ празднику праздниковъ.

На разсвѣтъ, въ первый день пасхи, войска даховскаго отряда, почистившись и приварядившись какъ могли, построились покоемъ на той самой полянѣ, гдѣ встрѣчали три недѣли назадъ графа Евдокимова и Великаго Князя. Въ серединѣ у походнаго аналая помѣстился, съ крестомъ и евангелиемъ, отрядный священникъ. Далеко не въ первый разъ отцу*Василію приходилось встрѣчать свѣтлый праздникъ подъ открытымъ небомъ, среди бивуаковъ и лагерей. Онъ говаривалъ: „вотъ уже девять лѣтъ, какъ я не вѣнчалъ никого, за то сколько разъ провожалъ въ вѣчную жизнь павшихъ на брани христіанъ православныхъ“. Рѣдко можно встрѣтить духовнаго отца, который пользовался бы большимъ уваженіемъ своей паствы, какъ отецъ Василій. Онъ участвовалъ въ походахъ еще въ Чечнѣ и въ Закавказьи и со времени образованія даховскаго отряда находился при немъ безотлучно; подъ нимъ убита лошадь, самъ онъ контуженъ ядромъ, и не разъ, не два доставалось ему быть въ самыхъ жаркихъ дѣлахъ и перестрѣлкахъ.

Началась служба. Солдаты набожно крестились, по русскому обычаю одинъ за другимъ выходили и, низко кланаясь, клали возлѣ аналая кто копѣйку, кто двѣ, а кто и болѣе. Наконецъ въ долину Сочи раздалось православное — Христось воскресе! Стали христосоваться. Начальникъ отряда вызвалъ георгіевскихъ кавалеровъ; ихъ, противъ ожиданія, оказалось весьма много. Священникъ со святою водою пошелъ кропить куличи и пасхи. Позади баталіоновъ, какъ обыкновенно кругомъ церкви, расположены были длиннымъ рядомъ всѣ принадлежности розговѣнья; усатые артельщики и каптенармусы, почти всѣ кавалеры, замѣняли здѣсь молоденькихъ, красивенькихъ хозяекъ. Солдаты изъ рядовъ посматривали на яства своей роты, помышляя о томъ, какъ вмѣсто скудной кашицы и сухихъ сухарей они будутъ закусывать мягкимъ, вкуснымъ кулечемъ. Кончилась обѣдня. Пошли по домамъ. Начальникъ отряда, кромѣ офицеровъ отряда, пригласилъ къ себѣ моряковъ съ прибывшаго наканунѣ на рейдъ Сочи парохода. Они явились въ полной формѣ, въ шитыхъ новыхъ мундирахъ, бѣлыхъ жилетахъ и трехугольныхъ шляпахъ. Офицерамъ отряда было и стыдно и странно смотрѣть на нихъ. Если у кого и сохранился въ походѣ новый мундиръ, то онъ навѣрное такъ измокъ и измялся, что сдѣлался хуже

старого; большинство же было въ томъ самомъ поношенномъ платьѣ, въ которомъ постоянно карабкались по горамъ.

Послѣ разговѣнья, въ лагерь вскорѣ все стихло.

Первый день праздника въ отрядѣ прошелъ спокойно и скромно. Ни визитовъ, ни форменныхъ поздравленій здѣсь некому дѣлать. Офицеры собирались, толковали о томъ, о другомъ, ходили къ берегу взглянуть на море, и вечеромъ, когда смерклось, поужинавъ, удалились по палаткамъ. Нижніе чины также держали себя тихо; даже не было пѣсенъ. За то въ послѣдующіе дни люди расходились. Послѣ тяжелыхъ и долгихъ походовъ, недѣля отдыха, при изобильномъ подвозѣ провіанта и рому, показала блаженствомъ. Подъ конецъ недѣли праздникъ удвоился: генералу Гейману привезли георгиевскій крестъ третьей степени. На сколько начальникъ отряда радовался за отрядъ свой, когда 2-го апрѣля Великій Князь наградилъ многихъ на мѣстѣ, на столько подчиненные были счастливы настоящею наградою своего генерала.

Но миновала святая недѣля, миновалъ и отдыхъ. Съ Өминна воскресенья предположено снова приниматься за дѣло. При послѣднемъ движеніи въ горы, вмѣстѣ съ устройствомъ постовъ только мѣстами исправили трудную горскую тропу. Теперь надо было приняться за нее хорошенько, чтобы довести до состоянія хотя посредственной вьючной дороги.

Отрядъ раздѣленъ было на семь колоннъ. Каждой колоннѣ поручена извѣстная часть дороги. Недостатокъ войскъ не позволилъ взяться разомъ за все протяженіе линіи; пришлось нѣкоторыя колонны, по окончаніи работъ на одномъ мѣстѣ, перевести выше (*). Войска выступили по мѣстамъ 27-го апрѣля, а 28-го начали работать.

Теперь, съ наступленіемъ полного разгара весны, обстановка

(*) Колонны были слѣдующія: 1) полковника Скоропадскаго: кавалерія, двѣ роты 1-го бакинскаго баталіона и охотничья команда Севастопольскаго полка, близъ поста Кубанскаго; 2) маіора Попова-Азотча: 2-й баталіонъ Черноморскаго полка, у поста Догомуковскаго; 3) полковника Бюнтинга: 21-й и самурскій стрѣлковыя баталіоны, у поста Каскаднаго; 4) подполковника фонъ-Клугенау: сводно-стрѣлковый № 3-го и 1-й севавтопольскій баталіоны, на правомъ Догомысѣ; 5) маіора Пацевича: 1-й крымскій баталіонъ, съ двумя горными орудіями, на рѣкѣ Шахе; 6) маіора Щелкачева: кабардинскій стрѣлковый баталіонъ, у поста Шахинскаго; 7) маіора Калинина: 2-й баталіонъ севавтопольскій и 1-й таманскій, выше моста на Шахе.

1-го и 2-го мая 3-я и 6-я колонны передвинуты впередъ для работъ въ тѣснинѣ между рѣками Ажу и Бзыгъ.

перемѣнилась. Стало сухо и тепло—два условія, при которыхъ пребываніе въ походѣ, въ особенности послѣ зимы и начала весны, становится нетруднымъ, даже пріятнымъ. Воздухъ чистый и свѣжій; жаровъ еще не наступало и лихорадокъ почти не было; для коней и порціонной скотины явился подножный кормъ. Лучше другихъ было первой колоннѣ, близъ моря; тутъ находились начальникъ отряда и весь штабъ. Многіе на взморьѣ купались по нѣскольку разъ въ день. Позеленѣвшее и распутившееся побережье южнаго склона стало необыкновенно живописно. Яблони, груши, персики, сливы въ многочисленныхъ садахъ этого края цвѣли и отцвѣтали. Во многихъ мѣстахъ поднимались хлѣба, брошенные ушедшими въ Турцію горцами. Каштановые и орѣховые лѣса съ каждымъ днемъ становились темнѣе и трудно-доступнѣе.

Начальникъ отряда нѣсколько разъ ѣздилъ вдоль линіи взглянуть, что сдѣлано. Работа подвигалась. Во многихъ мѣстахъ вмѣсто бывшихъ крайне неудобныхъ подъемовъ и спусковъ продѣланъ отлогій путь, шириною въ два аршина. Имѣлось въ виду поскорѣе и сколь возможно больше войскъ передвинуть къ тѣснинѣ Шахе и къ Бабуковскому аулу и, по соединеніи съ хамышкинскимъ отрядомъ, отъ упомянутаго аула сдѣлать движеніе къ хакучамъ. Между тѣмъ, убыховъ оставалось все меньше и меньше; почти ежедневно отчаливали отъ берега кочермы. Въ концѣ апрѣля стали прибывать наши и турецкіе военные пароходы: разрѣшено перевозить на нихъ горцевъ бесплатно; пароходы эти въ нѣсколько часовъ нагружались и отправлялись. По сторонамъ кордонной линіи не было видно и слѣдовъ горцевъ. Относительно собравшихся къ берегу шапсуговъ и абадзеховъ (на пространствѣ отъ Туапсе до Шахе) почти ежедневно получались свѣдѣнія, что отправленіе ихъ въ Турцію шло весьма дѣятельно; но все-таки въ таборахъ оставалась еще очень большая масса, и къ нимъ изъ горъ продолжали подходить новые переселенцы.

Въ первыхъ числахъ мая, въ даховскомъ отрядѣ получено, для свѣдѣнія и, въ случаѣ нужды, соображенія, извѣстіе о томъ, что, съ цѣлю очистить отъ непріятели край къ востоку отъ Сочи, начато наступленіе въ горы войскъ изъ Кутаисскаго генераль-губернаторства. Войска эти, какъ было упомянуто въ копіи съ отношенія кутаисскаго генераль-губернатора командующему войсками Кубанской области, составляли два отряда:

1) ахчипсхувскій, высадившійся у устья рѣки Мзымты и дѣйствовавшій вверхъ по упомянутой рѣкѣ въ Ахчипсху, и 2) псхувскій, отъ Гагръ въ общество Псху. Тогда же графъ Евдокимовъ далъ знать, что онъ выѣхалъ изъ Ставрополя въ даховскій отрядъ, что 5-го мая будетъ въ укрѣпленіи Хамышкахъ и далѣе направится черезъ бѣлорѣченскій перевалъ, имѣя съ собою три баталіона, двѣ сотни казаковъ и кабардинскую милицію. Даховскому отряду приказано продолжать разработку до роги; но въ то же время колоннѣ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ быть въ сборѣ близъ берега моря, въ полной готовности къ выступленію въ движеніе.

Начальникъ отряда выѣхалъ навстрѣчу командующему войсками и 8-го мая, вечеромъ, засталъ его близъ Бабуковскаго аула. На другой день ему предстояло перебираться черезъ разсѣлину.

Нагорная тропа, посѣщенная впервые 13-го апрѣля, была, на сколько возможно, разработана: на значительномъ протяженіи пробита вновь, а гдѣ оставалась прежняя, тамъ мѣстами расширена и на подъемахъ и спускахъ высѣчена ступенями. Къ счастью, вода въ Шахе много спала, такъ что кавалерія и вьюки, хотя съ опасностію, могли идти нижнею тропою. Послѣ большихъ трудовъ разсѣлину миновали. Графъ Евдокимовъ, къ вечеру 9-го мая, прибылъ по новой, почти готовой, вьючной дорогѣ къ посту Кубанскому и тотчасъ же отправился, по требованію Его Императорскаго Высочества, на присланномъ пароходѣ, къ устью Мзымты, а оттуда въ лагерь ахчипсхувскаго отряда, гдѣ находился тогда главнокомандующій.

14-го мая, къ ночи, получено приказаніе: колоннѣ даховскаго отряда, находящейся въ сборѣ, выступить на урочище Кбаада, что въ верховьяхъ рѣки Мзымты, куда съ прочихъ сторонъ придутъ отряды мало-лабинскій (*), ахчипсхувскій и псхувскій.

Колонна эта состояла изъ пяти баталіоновъ (1-й крымскій, 5-й севастопольскій, 3-й кубанскій (**), самурскій стрѣлковый, 2-й черноморскій), двухъ горныхъ орудій, сотни казаковъ и команды милиціи.

(*) Одинъ изъ отрядовъ войскъ Кубанской области, дѣйствовавшій съ верховій Малой Лабы на Мзымту

(**) 5-й севастопольскій и 3-й кубанскій баталіоны были изъ числа прибывшихъ черезъ перевалъ съ командующимъ войсками.

Баталіоны введены въ составъ отряда исключительно тѣ, которые имѣли при себѣ лѣтнюю одежду; прочія войска оставались по зимнему, въ полушубкахъ и папахахъ. Несмотря на то, что распоряженія сдѣланы были уже давно, транспорты изъ штабъ-квартиръ съ лѣтнимъ платьемъ не подходили; да и въ трудное положеніе были поставлены начальники частей. Собщеніе черезъ бѣлорѣченскій перевалъ открыто только въ половинѣ апрѣля; до этого времени сношенія со штабъ-квартирами на сѣверномъ склонѣ производились или черезъ постъ Вельяминовскій и укрѣпленіе Гойтхъ, или черезъ Новороссійскъ; но черезъ Вельяминовское и Гойтхъ надо ждать случая, когда пойдетъ какая-нибудь колонна, а черезъ Новороссійскъ надо ждать парохода и потомъ ѣхать вверхъ по Кубани, для иныхъ сотни верстъ. Это еще ничего: такъ или иначе, все-таки приказаніе, посланное заранѣе, могло дойти вовремя. Но какимъ путемъ отправлять вещи? Еще въ началѣ марта объявлено по отряду, что въ апрѣлѣ имѣется въ виду открыть собщеніе съ сѣвернымъ склономъ черезъ перевалъ бѣлорѣченскій и что, слѣдовательно, всѣ транспорты съ лѣтнею одеждою можно направлять на укрѣпленіе Хамышки. Но всѣ знали, что въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ дѣлѣ военномъ, ручаться навѣрное нельзя ни за что; къ тому же старые кавказцы хорошо понимали, что перевалы черезъ высокій хребетъ до іюня, даже до іюля, крайне ненадежны: можно легко, погнавшись за прямизною пути, не только промѣшкать, но и потерять множество вьюковъ и лошадей. Потому большая часть частныхъ начальниковъ направили тяжести путемъ кружнымъ, на Новороссійскъ. Нетрудно представить себѣ, скоро ли придутъ они въ отрядъ на Сочи или Кубанскій постъ, на примѣръ, изъ Майкопа или Псебая; отдать же приказанія за нѣсколько мѣсяцевъ до наступленія весны невозможно было, по совершенной неизвѣстности, что и съ какою частію войскъ будетъ.

Упомянутая колонна двинулась подъ личнымъ начальствомъ генерала Геймана.

До разсвѣта 15-го апрѣля войска уже выступили. Маршрутъ ихъ былъ таковъ:

15-го мая пройдено берегомъ до поста Даховскаго и далѣе 6 верстъ вверхъ по Сочи.

16-го, по Сочи же, 15½ верстъ, до подъема на перевалъ между бассейнами Сочи и Мзымты.

17-го подъемъ на переваль, 9 верстъ.

18-го спускъ къ аулу Маршани, на рѣкѣ Цвижи, правомъ притокѣ Мзымты, 12 верстъ.

19-го до урочища Кбаада, 13 верстъ.

Начиная съ конца втораго перехода тропа была очень трудна; на подъемѣ 17-го числа, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, вьюки встаскивали въ гору на рукахъ. Лошади, развьюченные, по крутымъ и короткимъ, съ поворотами на каждомъ шагу, зигзагамъ едва карабкались; много изъ нихъ обрывалось и падало съ кручъ въ глубину болѣе ста сажень. На мѣстѣ ночлега съ 17-го на 18-е число оставленъ, для исправленія тропы, на случай обратнаго слѣдованія, 2-й баталіонъ Черноморскаго полка. Но все-таки движеніе это, какъ оно ни было трудно, не могло сравниться съ описанными въ первыхъ главахъ походами въ февралѣ и мартѣ: теперь, повторяемъ, было сухо и тепло.

Подходя къ верховьямъ Мзымты, получено было свѣдѣніе, что на урочищѣ Кбаада уже нѣсколько дней стоитъ отрядъ съ Малой Лабы (мало-лабинскій) и спускается съ горъ другой, изъ общества Анбга (псхувскій). П_проводники-горцы, и мѣстные жители были видимо поражены: и отсюда идутъ русскіе, и оттуда подходятъ русскіе, и съ третьей, и съ четвертой стороны показываются русскіе. Не только сопротивленія во время пути отряду не было никакого, но туземцы почти и не встрѣчались.

20-го мая, по утру, три отряда, собравшіеся наканунѣ на урочищѣ Кбаада, перешли на новыя мѣста; они разбили свои лагеря такъ, чтобы оставить въ серединѣ просторное мѣсто для молебствія и для ставки главнокомандующаго арміею. Къ вечеру того дня прибылъ и четвертый, ахчпсхувскій отрядъ, и, впереди его, Его Императорское Высочество со свитою. Тотчасъ по прибытіи, Великій Князь объѣхалъ войска даховскаго, мало-лабинскаго и псхувскаго отрядовъ.

На слѣдующій день, 21-го мая, глухое урочище Кбаада съ ранняго утра закипѣло жизнью. Войска чистились и одѣвались, готовились къ параду; то туда, то сюда сновали адъютанты и офицеры за приказаніемъ; задолго до назначеннаго срока отсюду сходились къ мѣсту молебствія линейные унтеръ-офицеры: имъ еще наканунѣ указаны мѣста, и они боялись, чтобы какъ-нибудь не сбиться. Въ большую диговинку были въ ту пору войскамъ, въ особенности Кубанской области, смотря и

парады. Въ походѣ и въ дѣлѣ они видѣли себя дома, а тутъ суетились, не знали какъ и за что взяться. Небо было сумрачно; густыя сѣрыя тучи безпрестанно закрывали снѣговыя вершины громадныхъ хребтовъ, которые какъ ширмы со всѣхъ сторонъ окружали котловину урочища; точно будто горамъ этимъ тяжело было смотрѣть на рать, одолѣвшую ихъ. Временами падалъ то крупный, то мелкій дождь; только къ концу торжества показалось солнце и погода разгулялась.

Въ одиннадцатомъ часу тронулись баталіоны. Войска даховскаго отряда заняли западный фасъ большаго каре. Въ чистыхъ, опрятныхъ мундирахъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ чахлами на шапкахъ, съ распущенными знаменами, они имѣли видъ красивый и стройный. Сѣверный фасъ каре занялъ мало-лабинскій отрядъ, восточный — псхувскій, южный — ахчипсхувскій. Аналой поставленъ въ серединѣ, на высококомъ курганѣ.

Начался церковный парадъ. Пробыли, по обыкновенію, на молитву и вышли впередъ знамена. Баталіоны, сотни казаковъ, дружины грузиновъ и мингрельцевъ и все, что было вокругъ, обнажило головы; только кой-гдѣ команды туземной милиціи да пришедшіе посмотрѣть любопытные джигеты и ахчипсхувцы, оставались въ своихъ высокихъ папахъ. Нѣсколько священниковъ въ ризахъ, возлѣ аналая, развѣвающіяся наклоненныя знамена, Великій Князь главнокомандующій и пять, шесть генераловъ на верху кургана, да многочисленная толпа офицеровъ и съ ними вновь награжденные георгіевскіе кавалеры вокругъ возвышенія, а далѣе со всѣхъ сторонъ стройныя густыя колонны со сверкающими штыками и непокрытыми головами— все это образовывало группу, достойную того, чтобы видъ ея оставался безсмертнымъ на вѣчныя времена. Запѣли „Тебѣ Бога хвалимъ“, и въ окрестныхъ горахъ раздались выстрѣлы за выстрѣломъ; отдаваясь тысячами эхо, каждый изъ нихъ обращался въ продолжительный громовый раскатъ.

По окончаніи службы, священники окропили ряды баталіоновъ святою водою; знамена, при звукахъ барабановъ и музыки, отнесены по мѣстамъ. Его Высочество объѣхалъ войска, благодарилъ всѣхъ за совершенное „трудное и великое дѣло“, и затѣмъ начался церемоніальный маршъ. Нечего грѣха таить: глазъ, привычный къ безукоризненнымъ гвардейскимъ парадамъ, здѣсь много на чемъ могъ бы остановиться. Сколько ни хлопотали начальники, солдаты суетились, старались и, разумѣт-

ся, тѣмъ портили дѣло. Нерѣдко старые, храбрѣйшіе, извѣстные своею неустрашимостію воины, тутъ и смотрятъ какъ-то пытливо и выступаютъ робко, словно барышни. Равненіе, разумѣется, мѣстами прихрамывало; случалось даже, отъ излишняго рвенія, сбивались съ ноги. Но не въ томъ было дѣло. Горы, ущелья и пропасти, куда ни оглянешься, уже всѣ были наши и отъ изъяна въ парадѣ не придутъ назадъ горцы, не возьмутъ назадъ своихъ дикихъ трущобъ. Всѣ баталіоны удостоены громкаго великокняжескаго „спасибо!“ и долго потомъ солдаты одни передъ другими кичились: намъ, молъ, сказали „отлично“ и прибавили „молодцы“, а вамъ просто „славно, ребята“. Въ штабѣ даховскаго отряда, между прочими чинами, на этотъ разъ случился офицеръ прусской службы.

— Вамъ, можетъ быть, странно, послѣ вашихъ молодыхъ и красивыхъ, обученныхъ до совершенства солдатъ, смотрѣтъ на нашъ незатѣйливый парадъ? спрашивали его.

— Напротивъ—отвѣчалъ онъ—я съ особенно-пріятнымъ чувствомъ смотрю на это сборище войскъ не показныхъ, не парадныхъ. Это воины, истинные кавказскіе воины, собрались отпраздновать вмѣстѣ свою побѣду.

Въ тотъ же день, по окончаніи большаго офиціального обѣда у Великаго Князя, въ даховскомъ отрядѣ ударили по возамъ и пробили сборъ. Въ четверть часа отрядъ былъ готовъ къ выступленію. Даховскому отряду пришлось покинуть урочище Кбаада раньше другихъ и выступить внизъ по Мзымтѣ къ берегу моря и далѣе къ Сочи. Еще 10-го числа войскамъ отряда, оставшимся на убыхской линіи, на работѣ, послано приказаніе: стянуться немедленно къ устью Сочи, для встрѣчи тамъ Его Высочества главнокомандующаго. 2-й баталіонъ черноморскій былъ направленъ туда же.

Надѣвъ походные сапоги и ранцы, да скрутивъ шинели черезъ плечо, солдаты выступавшей съ Кбаада колонны, увидѣли себя въ своей сферѣ: тутъ уже нечего тянуться, незачѣмъ лѣзть изъ кожи вонъ. Всѣ смотрѣли открыто, смѣло и весело. Великій Князь вышелъ проводить отрядъ и привѣтливо, по-русски, пожелалъ солдатамъ счастливаго пути. По дорогѣ, разработанной ахчипсхувскимъ отрядомъ, идти было нетрудно. Пѣхота въ четыре перехода, а кавалерія въ три уже были на мѣстѣ. Къ тому времени къ устью Сочи стянулись всѣ войска даховскаго отряда.

Его Высочество главнокомандующій имѣлъ въ виду послѣ молебствія объѣхать лично вновь покоренный край. Маршрутъ былъ назначенъ вдоль по побережью до устья Туапсе, оттуда въ горы до Гойтха и обратно, и далѣе опять вдоль берега моря. 25-го мая Великій Князь имѣлъ ночлегъ у устья рѣки Сочи, 26-го у поста Головинскаго, 27-го на яхтѣ „Тигръ“, противъ поста Вельяминовскаго, 28-го въ укрѣпленіи Гойтхъ. Тутъ кончился районъ, занятый войсками даховскаго отряда и ввѣренный генералу Гейману. На постахъ Головинскомъ и Лазаревскомъ, кромѣ гарнизоновъ, находились еще по два баталіона; все остальное, какъ мы сказали, было на Сочи. На этотъ разъ войска представились въ болѣе опрятномъ видѣ, чѣмъ въ прошлый (2-го апрѣля). При встрѣчѣ баталіоны дѣлали на-караулъ; ружья были разряжены по мирному положенію.

VIII.

Положеніе дѣлъ во вновь покоренномъ краѣ въ началѣ іюня.—Дѣятельность войскъ: 1) разработка дорогъ; 2) поиски по трупобамъ, для очищенія ихъ отъ остатковъ горцевъ.—Происшествіе 11-го іюня.—Хагучи.—Безусловность мирныхъ сношеній съ ними и военныя дѣйствія. — Хагучинское укрѣпленіе и кордонная линія. — Роспускъ отряда.

Необыкновенное зрѣлище представлялъ вновь покоренный край въ концѣ мая, въ іюнѣ и послѣ. Случалось, смотришь съ высокой горы во всѣ стороны: видно множество чудныхъ долинъ, хребтовъ горъ, рѣкъ и рѣчекъ; среди старыхъ, похожихъ на лѣсъ фруктовыхъ садовъ то тамъ, то здѣсь слѣды бывшихъ жилищъ. Но все это было мертво, нигдѣ ни души. Мѣстами свѣжіе всходы хлѣбовъ еще свидѣтельствовали о недавнемъ присутствіи населенія; но большею частію пахатныя поля заброшены и заглохли, и только обрѣзки стеблей прошлогодней кукурузы указывали, что и здѣсь нѣкогда жили и работали люди. Не хотѣлось вѣрить, чтобы на громадномъ пространствѣ, насколько видитъ глазъ сверху высокой горы, не было никого; между тѣмъ, это было такъ, и всѣ живописные виды и роскошные дары богатой природы, обезжизненные, невольно производили на зрителя впечатлѣніе болѣе тяжелое и грустное, чѣмъ пріятное.

При объѣздѣ края Его Высочествомъ главнокомандующимъ, земля убыховъ и вообще районъ, пройденный даховскимъ от-

рядомъ, былъ пустъ; оставались не уѣхавшими въ Турцію только очень небольшое число семействъ, преимущественно большихъ горцевъ; но и тѣ были собраны къ берегу моря. Нѣсколько иначе было къ востоку отъ Сочи. Джигеты и псхувцы почти не начинали выселяться; ахчипсхувцевъ ушло немного.

Какъ только разошлись отряды съ урочища Кбаада, пространство къ востоку отъ Сочи до Гагръ и горъ Дзыхра и Ахца присоединено къ району, ввѣренному генералу Гейману, и войска кавказской гренадерской дивизіи (восемь баталіоновъ), составлявшія высадившійся у устья рѣки Мзымты ахчипсхувскій отрядъ, временно подчинены командующему войсками Кубанской области и введены въ составъ отряда даховскаго. Такимъ образомъ, численность отряда даховскаго, включая части, разбросанныя по гарнизонамъ постовъ, дошла болѣе чѣмъ до тридцати баталіоновъ.

Но недолго гренадерамъ пришлось послужить съ войсками Кубанской области. Въ началѣ іюня переселеніе джигетовъ и ахчипсхувцевъ пошло быстро; при первой возможности, отчисленъ отъ отряда гренадерскій стрѣлковый баталіонъ, а къ 15-му іюня въ районѣ генерала Геймана остались только коренныя даховскія войска, и упомянутое пространство къ востоку отъ Сочи очищено отъ населенія.

Впрочемъ, въ то самое время, какъ на горахъ и въ долинахъ въ районѣ, пройденномъ войсками, не было ни души. въ трупобахъ подъ главнымъ хребтомъ, куда до наступленія лѣта нельзя было и думать пуститься, встрѣчались люди, которые, по выраженію горцевъ же, „сами не знали, чего хотѣли“. Безъ крови и безъ постоянного убѣжища, они бродили съ мѣста на мѣсто и поддерживали себя, вырывая изъ земли запасы, зарытые прежними жителями. Бродяги эти были остатки шапсуговъ, ахчипсхувцевъ и преимущественно абадзеховъ; но ни одного убыха, ни одного джигета. Два послѣднія племени выселились какъ нельзя болѣе добросовѣстно, можно сказать разомъ, до чиста. Наконецъ, въ верховьяхъ рѣки Псезуапе, въ котловинахъ, обставленныхъ со всѣхъ сторонъ горами, суровыми въ высшей степени, оставалась не выселившеюся небольшая масса хакучей.

Дѣятельность войскъ даховскаго отряда на время лѣта предположена была двоякая:

1) Разработка дорогъ, 2) очистка горныхъ трущобъ отъ оставшихся немногихъ туземцевъ.

Дорожныя работы предприняты въ краѣ тотчасъ по его покореніи, съ двойкою цѣлю: а) для подготовленія края подь будущее населеніе и б) для обезпеченія его въ военномъ отношеніи.

Въ горахъ, и въ особенности столь суровыхъ, какъ горы южнаго кавказскаго склона, прокладывать пути, разумѣется, нелегко; иногда на нѣсколькихъ стахъ саженьхъ цѣлыя тысячи рукъ провозятся очень долго: зачастую надо снимать массу камня вышиною въ нѣсколько сажень. Хорошо, если еще можно обходиться одною киркою; а нерѣдко безъ копотливыхъ порохострѣльныхъ работъ сдѣлать ничего нельзя. Потому порядокъ дорожныхъ работъ въ горахъ, распределеніе при этомъ войскъ, требуетъ предварительнаго внимательнаго изученія свойствъ и потребностей края. Ежели на мѣстности ровной ошибка въ выборѣ направленія или предпочтеніе по времени исполненія для части менѣе полезной, въ ущербъ болѣе необходимой, значитъ много, то здѣсь это имѣетъ особенную важность.

На пространствѣ южнаго склона, занятомъ войсками даховскаго отряда, слѣдующія направленія, съ точки зрѣнія проведенія дорогъ, обращаютъ на себя вниманіе:

1) Съ ущелья рѣки Пшиша на Туапсе, гдѣ, какъ мы уже говорили, лѣтомъ 1864 года разработана широкая повозочная дорога.

2) Съ Пшехи на Псезуапѣ и внизъ по этой рѣкѣ.

3) Съ Пшехи къ аулу Бабукова, что въ верховьяхъ рѣки Шахе.

4) Съ Бѣлой къ тому же аулу и далѣе внизъ по Шахе или вдоль по убыхской кордонной линіи.

5) Съ Малой Лабы на Мзымту.

Всѣ эти направленія связываютъ южный склонъ съ сѣвернымъ и переваливаются черезъ главный водораздѣльный хребетъ. Къ подъемамъ на водораздѣльный хребетъ съ обѣихъ сторонъ они подходятъ по ущельямъ рѣкъ; иначе пришлось бы шагать поперекъ множества другихъ высокихъ хребтовъ, паралельныхъ главному. Чѣмъ далѣе къ юго-востоку, тѣмъ перевалы эти труднѣе, потому что горы выше.

Конечно, если бы возможно, полезно было бы принятыя за всѣ направленія разомъ и стараться довести ихъ до состоянія

колесныхъ путей. Но для имѣвшагося количества войскъ, и притомъ утомленныхъ долгими походами, подобная работа представлялась гигантскою; надобно было остановиться только на самомъ важномъ.

Для бассейна рѣки Шиша имѣлся прямой путь къ берегу моря, по Туапсе. Съ бассейновъ Пшехи и Бѣлой можно было пользоваться въ первое время тѣмъ же направлениемъ; но съ Малой Лабы черезъ Туапсе, и въ особенности если нужно попасть куда-нибудь къ устью Мзымты, было бы очень кружно. Къ тому же вверхъ по Малой Лабѣ давно уже начата разработка колесной дороги, которую предполагалось вести черезъ истоки Бзыби къ Сухуму. Поэтому прежде другихъ переваловъ велѣно приступить къ работѣ съ Малой Лабы на Мзымту, а по остальнымъ направлениемъ установить сообщенія вьючныя. Войска даховскаго отряда разбиты были на четыре колонны: 1) въ ущельи Мзымты (сначала 8, потомъ 6 баталіоновъ), 2) у аула Бабукова (3 баталіона), 3) у устья Псезуапсе (4 баталіона) и 4) на Туапсе (4 баталіона).

Кромѣ направленій поперечныхъ, связывающихъ южный склонъ съ сѣвернымъ, обращаютъ на себя вниманіе еще слѣдующія:

1) Путь продольный, по верховьямъ главныхъ рѣкъ южнаго склона, параллельный водораздѣлу и берегу моря, по долинѣ между главнымъ и второстепеннымъ хребтами: по рѣкамъ Шишахо, Шишахо, Тхаценако, далѣе къ верховьямъ Псезуапсе, на Чесмай, Шахе и черезъ верховья Сочи на Мзымту. Путь этотъ, вмѣстѣ съ вѣтвію отъ верховій Ашше на Хакучипсе, оттуда къ аулу Бабукова и далѣе внизъ по Шахе, пройдетъ черезъ средоточіе нагорной полосы южнаго склона и можетъ служить сообщениемъ между перевалами. Такое же сообщеніе можно бы провести и ближе къ морю, напримѣръ по южной сторонѣ второстепеннаго хребта; но тогда придется спускаться въ бассейны многихъ второстепенныхъ рѣкъ, тогда какъ въ первомъ случаѣ отъ Туапсе до Мзымты только пять переваловъ, между бассейнами шести главныхъ рѣкъ (Туапсе, Ашше, Псезуапсе, Шахе, Соча, Мзымта). Кромѣ того, въ случаѣ войны, первый путь легко обезпечить отъ непріятеля; второстепенный хребетъ такъ высокъ и суровъ, что войскамъ перебираться черезъ него безъ тропинокъ невозможно, а тропинки идутъ только по теченію

большихъ рѣкъ, гдѣ на каждомъ шагу тѣснины, крѣпче всякихъ искусственныхъ укрѣпленій.

2) Дорога близъ самаго берега моря. Эта дорога необходима для будущаго гражданскаго населенія, которое, конечно, стѣснится ближе къ морю. Она имѣетъ то же значеніе, какъ знаменитая воронцовская дорога на южномъ берегу Крыма.

И тотъ и другой путь требуютъ предварительной тщательной трассировки. Да и проведеніе обоихъ ихъ, какъ ни важно, уступаетъ первымъ мѣрамъ для связи вновь покоренной части съ сѣвернымъ склономъ.

Послѣ короткаго отдыха началась хорошо извѣстная кавказскимъ солдатамъ рабочая пора. Въ лагеряхъ безпрестанно слышался: бой на работу, бой съ работы. „Экая служба-то наша—говорили, по обыкновенію, люди, выходя съ мѣста bivуака—нѣтъ похода, майся день-деньской съ лопатой да киркою въ рукѣ.“ А какъ выйдутъ, да возьмутся за дѣло, снова развеселятся, другъ надъ другомъ острятъ, балагурятъ. Офицеры, кому не очередь на службу, отдыхали и скучали безъ дѣла.

Въ то же время, какъ главнымъ занятіемъ войскъ была разработка дорогъ, изъ лагерей всѣхъ колоннъ высылались въ стороны команды для *поисковъ*. Части, назначавшіяся въ движеніе, отходили на десятки верстъ и не встрѣчали рѣшительно никого.

Но вотъ горы ближе къ главному хребту стали освобождаться отъ снѣга; доступъ въ трещины самыя суровыя сдѣлался легче. Войскамъ велѣно посѣщать ущелья ближе къ водопадѣлу.

Чѣмъ дальше углублялись команды наши въ горы, тѣмъ чаще стали встрѣчать туземцевъ. Но то были не мѣстные жители, а, про которыхъ мы говорили, остатки различныхъ племенъ. То покажутся вдали нѣсколько одиночныхъ людей; то, впрочемъ рѣдко, цѣлыя семьи. Враждебныхъ дѣйствій горцы не обнаруживали, но всегда съ появленіемъ войскъ уходили дальше и дальше. Мѣстность здѣсь такова, что людямъ, привыкшимъ къ горамъ, очень легко ускользнуть.

Не совсѣмъ такъ было въ окрестностяхъ колонны у устья Пезуапе. Здѣсь къ берегу моря выходили понемногу изъ трещинъ небольшія партіи. Ихъ, при первой возможности, отправляли или на казенныхъ пароходахъ даромъ, или на кочермахъ,

съ платою отъ казны. Чтобы не ошибиться въ расчетахъ при отправленіи, завѣдывавшій переселеніемъ (лейтенантъ Кореницкій) обыкновенно заблаговременно, на мѣстѣ, собиралъ свѣдѣнія о количествѣ готовящихся къ отплытію. Ему на всякій случай назначались въ прикрытіе команды изъ войскъ упомянутой выше колонны.

Объѣхавъ пространство къ западу отъ Ашше, 11-го іюня, лейтенантъ Кореницкій поднялся вверхъ по этой рѣкѣ. Тамъ, въ истокахъ рѣки, какъ указывалъ старшина Заурбекъ, находилось нѣсколько десятковъ семействъ, не исполнявшихъ обязательства выселиться. На этотъ разъ въ прикрытіе назначено шесть ротъ Таманскаго пѣхотнаго полка, подъ начальствомъ маіора Подрѣза.

Роты прибыли на указанное мѣсто и расположились на привалѣ. Заурбекъ вызвалъ нѣсколькихъ мѣстныхъ стариковъ; имъ объявлено требованіе немедленно сбираться къ берегу моря. Старики повиновались и отправились къ своимъ „уговоритъ“ массу. Но не таковъ былъ этотъ народъ. Часа черезъ два откуда-то съ горы раздался выстрѣлъ, за нимъ другой; со всѣхъ сторонъ стали сбѣгаться горцы; видно было, они обнажали свои винтовки. Черезъ нѣсколько времени еще выстрѣлъ. Войска не отвѣчаютъ: имъ приказано до послѣдняго не открывать неприязненныхъ дѣйствій. Вскорѣ стрѣльба горцевъ участилась. Маіоръ Подрѣзъ счелъ нужнымъ начать отходить.

Едва роты втянулись въ тѣсное ущелье Ашше, гдѣ пролегла тропа, горцы разсыпались по ближайшимъ командующимъ высотамъ и открыли живую пальбу. Людямъ велѣно стрѣлять; началось дѣло.

Все время, пока войска шли по Ашше, горцы провожали ихъ пальбою; повременамъ бросались въ шашки. Роты, гдѣ было удобно, останавливались, устраивались, давали отпоръ. Наконецъ, по приближеніи къ морю, горцы понемногу отстали. Войска вернулись въ лагерь съ потерей болѣе 20 человекъ раненыхъ и убитыхъ.

Съ 18-го марта прошло почти три мѣсяца, какъ въ районѣ, занятомъ даховскимъ отрядомъ, не раздавалось выстрѣловъ. Туземцы, находившіеся при войскахъ, объясняли, что происшествіе 11-го іюня не стоитъ вниманія; горцы, принимавшіе участіе въ перестрѣлкѣ — говорили они — байгуши, полудикіе бѣдняки, съ которыми добромъ нельзя сдѣлать ничего. Тѣмъ

не менѣе происшествіе это дало поводъ думать, что, можетъ статья, горсть оставшихся въ горахъ и собравшихся около хакучей туземцевъ вызоветъ возобновленіе открытыхъ военныхъ дѣйствій.

Хакучи въ то время заинтересовали всѣхъ въ отрядѣ; особенно много спрашивали и рассказывали объ ихъ оригинальной жизни и обстановкѣ. Впрочемъ, трудно было добиться до свѣдѣній подробныхъ и вѣрныхъ. „Вотъ выложи хакучинцу хоть сто рублей, да все мелкимъ серебромъ—говорили, бывало, шапсуги и убыхи—онъ и тогда не рѣшится передать, что и какъ у нихъ дѣлается.“ Обстоятельно знали только то, что хакучи вовсе не составляли самостоятельнаго племени: это былъ сбродъ отовсюду изъ горъ людей, которые, по разнымъ причинамъ, не могли ужиться въ прежней средѣ. Здѣсь было много бѣглецовъ абадзеховъ, шапсуговъ, нашихъ казаковъ и солдатъ. Удалившись въ котловины, обставленные горами, суровѣе которыхъ трудно себѣ что-нибудь представить, они издавна образовали какъ бы отдѣльное гнѣздо и жили совершенно особою жизнію. Съ сосѣдями сношеній дружескихъ у нихъ не было никакихъ; напротивъ, вѣчная вражда безпрестанно выражалась кровавыми столкновеніями. Но и столкновенія эти были не лихіе набѣги, не открытая борьба, а разбойничьи выходы. Убыхи, шапсуги и абадзехи утверждали, что противъ хакучей они держали кордонъ болѣе бдительный, чѣмъ противъ русскихъ, и до того ненавидѣли ихъ, что давно упрашивали двинуть въ землю хакучей войска, многіе вызывались сами, безвозмездно, быть проводниками и заранѣе высказывали удовольствіе при видѣ хакучей побѣжденныхъ и разоренныхъ. Вообще, не участвуя въ войнѣ противъ русскихъ, не вступая ни съ кѣмъ ни въ какіе союзы, они тщательно соблюдали строжайшую замкнутость: не выходя сами изъ предѣловъ своихъ, никого и къ себѣ не впускали. Ни христіяне, ни магометане, они въ одно и то же время ставили на поляхъ и на кладбищахъ кресты и исполняли различные магометанскіе, даже языческіе обряды. Однимъ словомъ, чтобы охарактеризовать хакучей, достаточно сказать, что убыхи, шапсуги и абадзехи называли ихъ „хищниками“, „голыми“.

Понятно, что, при такой обстановкѣ, у хакучей не могло быть особеннаго влеченія въ Турцію, тѣмъ болѣе, что они опасались тамъ мнѣнія бывшихъ сосѣдей-горцевъ. Выйти же

на плоскость, на Кубань или на Лабу, т. е. промѣнять добровольно разбойничью жизнь на мирную, гражданскую, казалось для нихъ большимъ стѣсненіемъ. Понятно также, что, пока мы имѣли дѣло съ многочисленными и важными племенами, хакучи не могли и не должны были обращать на себя большое вниманіе.

Положеніе дѣлъ въ земляхъ абадзеховъ, шапсуговъ и убыховъ было коротко извѣстно хакучамъ. Видя въ русскомъ оружій силу, передъ которою преклоняется все, поколебались и они. Еще въ мартѣ пріѣзжали къ генералу Гейману на постъ Даховскій нѣсколько представителей хакучей и просили дозволить имъ уѣхать вмѣстѣ съ „мусульманами“ въ Турцію. Съ тѣхъ поръ начали выходить отдѣльныя семейства. Лучшая часть выбыла и численность хакучей много ослабла. Но за то нѣкоторые, надѣясь, какъ не пускали прежде къ себѣ абадзеховъ или убыховъ, не пустить теперь и русскихъ, упорно, съ угрозами настаивали на томъ, чтобы сколь возможно больше людей оставалось на мѣстѣ.

Между тѣмъ, нѣсколько обстоятельствъ одно за другимъ способствовали тому, что въ оставшихся немногихъ хакучахъ надежда удержаться въ горахъ постепенно увеличивалась. Такъ, взаимнѣ выбывшихъ въ Турцію семействъ, къ нимъ стали прибывать остатки переселенцевъ. Встрѣченные сначала недоброжелательно, они мало по малу сжились съ хакучами и наконецъ составили съ ними одну горсть. Многіе изъ пришельцевъ устроились въ землѣ хакучей, а многіе около, въ верховьяхъ Ашше и въ окрестностяхъ. Большая часть ихъ была уже на берегу моря, въ готовности отплыть въ Турцію; но при израсходованіи всего продовольствія, ожидая судовъ, или ссоры съ единоплеменниками, или, что чаще всего, слухи о томъ, что въ Турцію не предстоитъ ничего привлекательнаго, что земли тамъ скудны, обращеніе властей дурно и требованія правительства велики, заставили ихъ возвратиться. Такимъ образомъ, въ нагорномъ пространствѣ подъ водораздѣльнымъ хребтомъ, центромъ котораго можетъ служить верховье рѣки Хакучи-псе, мало по малу собралась довольно значительная масса горцевъ. Съ другой стороны, верхи горъ освободились отъ снѣга; лѣса густо распустились; явился всюду подножный кормъ и представилась возможность, въ случаѣ нужды, удаляться въ мѣста самыя суровыя, повидимому совершенно недоступныя.

Отправление на сѣверный склонъ нѣсколькихъ баталіоновъ изъ войскъ Терской и Дагестанской областей породило слухъ объ уходѣ съ южной стороны горъ нашихъ войскъ. Въ то же время нѣсколькими возвратившимися изъ Турціи горцами выпущено извѣстіе, будто тамъ переселившіеся хакучи страшно преслѣдуются правительствомъ за убійство какого-то турецкаго сановника; будто тамъ переселенцамъ вообще теперь уже нѣтъ мѣсть: всѣ они дѣлятся поровну между нѣсколькими европейскими государствами и тотчасъ же зачисляются въ солдаты, и что, вѣроятно, въ судьбѣ горцевъ будетъ скоро новая, большая перемѣна.

Несмотря на все это, генералъ Гейманъ долго надѣялся покончить дѣло безъ пролитія крови. Неровность борьбы, когда весь Кавказъ былъ уже въ нашихъ рукахъ, казалось, была слишкомъ очевидна. Еще въ началѣ лѣта послано къ хакучамъ слѣдующее письмо (на арабскомъ языкѣ):

„Отъ начальника русскихъ войскъ въ горахъ, генерала Геймана, хакучамъ.

„Вы очень хорошо знаете, что всѣ народы, жившіе кругомъ васъ, покорились нашему оружію и свободно уѣзжаютъ въ Турцію или переселяются на Кубань и Лабу. По соглашенію нашего Государя съ султаномъ турецкимъ, наши и турецкіе пароходы перевозятъ, желающихъ ѣхать въ Турцію, даромъ. Остались непокоренными одни вы, думая, что горы и лѣса защитятъ васъ и что мы не рѣшимся къ вамъ прийти. Такъ знайте, что если вы не исполните нашихъ требованій, вамъ отлично извѣстныхъ, то наши войска, теперь свободныя, со всѣхъ сторонъ войдутъ въ ваши горы, и тогда не будетъ вамъ пощады: или вы будете уничтожены, или выселены во внутрь Россіи. Лучше опомнитесь и обдумайте свое положеніе. Зачѣмъ вы будете гибнуть напрасно! Вашихъ силъ не хватитъ остановить насъ! Обсудите хорошенько. Между вами есть люди разсудительные: пусть пріѣдутъ ко мнѣ—рѣшимъ, какъ лучше дѣло устроить. Иначе не рассчитывайте на нашу милость.“

Результаты письма мы уже видѣли.

Во время переселенія, начальникомъ отряда нарочно были задержаны нѣсколько отправлявшихся въ Турцію убыхскихъ и шапсугскихъ старшинъ и почетныхъ людей, извѣстныхъ хакучамъ; ихъ посылали и до происшествія 11-го іюня и послѣ, для увѣщанія и вразумленія. Но старшины эти всякій разъ едва успѣ-

вали убираться сами, встрѣчая въ оставшихся хакучахъ полное разнорѣчіе. Осталось одно средство: дѣйствовать оружіемъ.

Вторженіе въ котловину верховій Псезуапѣ и Ашше возможно только въ теченіе трехъ, трехъ съ половиною мѣсяцевъ. Зимой тутъ сообщенія если и производятся, то на лыжахъ, иногда поверхъ лѣса, занесеннаго снѣгомъ. А всю весну и всю осень такіе проливные дожди и густые туманы, что съ отрядомъ нельзя и думать пуститься. Мало того: и лѣтомъ, когда сухо, по тропамъ въ нѣдра горъ привычные пѣшеходы едва пробираются.

Если бы отряду надлежало прибыть въ центръ хакучей на нѣсколько дней, то можно было бы начать наступленіе тотчасъ по выселеніи джигетовъ и ахчипсехувцевъ. Вьюковъ тогда можно бы не брать съ собою вовсе. Но обстоятельства могли, какъ и оказалось впоследствии, сложиться такъ, что потребовали бы оставить войска подъ переваломъ на болѣе продолжительное время. Поэтому генераль Гейманъ рѣшился заняться сначала пробивкою вьючной тропы, а потомъ, когда будетъ близко, вторгнуться въ центръ хакучей разомъ.

Но наступать съ одной стороны было бы слишкомъ рискованно. Здѣсь такія трупобы, что на каждомъ шагу нѣсколько человѣкъ, засѣвъ по сторонамъ тропы въ безопасности, въ лѣсу и въ скалахъ, могутъ, стрѣляя на выборъ, причинить въ войскахъ большую потерю. Поэтому предположено направить къ хакучамъ три отдѣльныя колонны, съ трехъ разныхъ сторонъ.

Принимая въ соображеніе все это, согласно съ указаніями командующаго войсками Кубанской области, сдѣланы были слѣдующія распоряженія:

Для наступленія въ землю хакучей назначены:

1) Колонна полковника Мерхилевича (6 баталіоновъ и 4 горныхъ орудія) (*), съ верховій рѣки Пшехи черезъ хакучинскій перевалъ.

2) Колонна полковника Рукевича (3 баталіона (**)) и 300 человѣкъ милиціи), отъ аула Бабукова паралельно водораздѣльному хребту.

3) Колонна полковника Габаева (4 баталіона (***)) и 2 горныхъ орудія), отъ поста Лазаревскаго вверхъ по р. Псезуапѣ.

(*) Изъ войскъ пшехскаго отряда.

(**) Пятигорскаго пѣхотнаго полка.

(***) Таманскій пѣхотный полкъ и самурскій стрѣлковый баталіонъ.

Всѣ три колонны должны были соединиться въ средоточіи хакучей.

До конца іюля дѣло подвигалось мало по малу. Колонны, по мѣрѣ успѣха работы, переносили свои лагеря впередъ. Случалось, при занятіи новыхъ позицій происходили перестрѣлки, хотя движенія исполнялись по преимуществу скрытно, ночью. Бывало даже, засядутъ нѣсколько горцевъ въ кустахъ да за камнями, на высотахъ, окрестныхъ съ лагернымъ мѣстомъ, и пускаютъ въ засѣки, а если представится случай то и въ самый лагерь, пулю за пулей. Прогонять ихъ; смотришь, черезъ нѣсколько минутъ опять подкрадутся. Разумѣется, изъ подобной стрѣльбы рѣдко что-нибудь выходило; однакожь, въ періодъ времени отъ начала іюня до двадцатыхъ чиселъ іюля, во всѣхъ трехъ колоннахъ было потери убитыми и ранеными 22 человека нижнихъ чиновъ и одинъ офицеръ. Про намѣренія хакучей, вопреки ожиданія, были свѣдѣнія, что они не только не думаютъ покориться, видя наступленіе съ трехъ сторонъ, но противъ каждой колонны выставили по партіи. Конечно, партіи эти не могли быть многочисленны.

23-е іюля назначено было началомъ рѣшительныхъ дѣйствій. Всѣмъ тремъ колоннамъ приказано тронуться, распорядясь движеніемъ такъ, „чтобы разомъ навести на горцевъ страхъ и показать имъ невозможность сопротивленія“. Генералъ Гейманъ счелъ нужнымъ принять лично начальство надъ колонною, наступавшею съ берега моря, составивъ ее изъ семи стрѣлковыхъ ротъ, сотни казаковъ и сотни милиціи при двухъ горныхъ орудіяхъ, а полковнику Габаеву съ 13 ротами приказано остаться сзади, въ ущельи Псезуапсе, и продолжать разработку дороги. Къ 23-му іюля колонны подвинулись: полковникъ Мерхилевичъ на 18 верстъ отъ мѣста впаденія Гогопса въ Пшеху (ему оставалось подняться на перевалъ и спуститься въ котловину верховій Хакучипсе). Полковникъ Рукевичъ на 12 верстъ отъ Бабуковскаго аула (онъ сталъ въ одномъ переходѣ отъ главной хакучинской котловины); полковникъ Габаевъ на 10 верстъ отъ берега моря. Отсюда предстояло идти поперекъ нѣсколькихъ параллельныхъ водораздѣльному хребтовъ.

Раньше всѣхъ прибылъ въ центръ хакучей генералъ Гейманъ, съ семью ротами изъ колонны Габаева. Это было вечеромъ 24-го іюля. Въ оба дня движенія его небольшого отряда перестрѣлка не прекращалась. Въ мѣстахъ наиболѣе пересѣченныхъ

и закрытыхъ хакучи небольшими группами настойчиво насаждали на арьергардъ, дѣлали по авангарду изъ засадъ залпы и бросались въ шашки. Но больше всего вредили отдѣльные горцы, по одному, по два незамѣтно подползавшіе къ колоннѣ; они давали выстрѣлы, иногда почти въ упоръ, и сейчасъ же скрывались въ трещину.

По окончаніи перваго перехода, подъ вечеръ 23-го числа, съ мѣста бивуака послана, подъ командою полковника Скоропадскаго, легкая колонна (казаки, милиція и двѣ роты стрѣлковъ) въ набѣгъ, въ ущелье рѣки Ашше, разсѣять гнѣздо горцевъ, встрѣтившихъ 11-го іюня таманцевъ пальбою. Послѣ небольшой перестрѣлки, шесть ауловъ были уничтожены до основанія.

Второй переходъ былъ гораздо труднѣе перваго. Почти все время тропа шла лѣсомъ. Деревья въ этомъ лѣсу, букъ, каштанъ, чинаръ, чернокленъ, иногда въ два, въ три обхвата; между ними чаща кустовъ, высокая трава, и все это на такой кручѣ, что сойти съ тропы въ стороны почти невозможно. Дѣлать просьбу—не было топоровъ; да и для хакучей за такую громадную работу не стоило приниматься.

25-го іюля, по утру, въ хакучинскую котловину спустился полковникъ Мерхилевичъ, а въ тотъ же день, вечеромъ, прибылъ и полковникъ Ружевицъ. Потеря при всѣхъ этихъ движеніяхъ была пять убитыхъ, въ томъ числѣ одинъ офицеръ, и семь раненыхъ.

Хакучи, вывезя предварительно изъ ауловъ имущество и забравъ, кто сколько могъ, хлѣба, разбрелись по лѣсамъ. Такииъ образомъ, съ ними, какъ они ни были малочисленны, не удалось покончить такъ скоро и легко, какъ съ шапсугами и убыхами. Вотъ что значитъ имѣть дѣло съ горами лѣтомъ и зимою! Общая сумма потери при дѣйствіяхъ противъ хакучей превосходила все, что вышло изъ строя въ отрядѣ убитыми и ранеными, въ теченіе 1864 года. Нетрудно представить себѣ, каковъ былъ бы успѣхъ, если бы до лѣта оставались убыхи.

И какъ нарочно, отъ пуль хакучей-разбойниковъ погибали все лучшіе люди. „Одного Гугіева (*) — говорили въ отрядѣ—всѣ хакучи не стоятъ. Мыкался, мыкался бѣдный по походамъ чуть не всю свою жизнь, въ сколькихъ жаркихъ дѣлахъ былъ—все ничего; а тутъ какіе-то бродяги положили на мѣстѣ,

(*) Прапорщикъ Бакинскаго полка, состоявшій безсмынно при генералѣ Гейманѣ во все время командованія его отрядомъ.

не успѣлъ и слова сказать.“—„Не грустно думать нашему брату — говорилъ, будто предчувствуя исходъ свой, покойный — не грустно думать лечь въ славномъ бою; а отъ хакучей не дай Богъ.“—Былъ Иванъ Гугіевъ и подъ Веденемъ, и подъ Гунибомъ, на западномъ Кавказѣ круглые годы не выходилъ изъ палатки, и вездѣ, гдѣ онъ ни былъ, своею честною и молодецкою службою заслужилъ глубокое уваженіе и начальниковъ и товарищей. Зная мѣстный языкъ, онъ имѣлъ обязанностію наблюдать за жожаками. „Вонъ, вонъ, поѣхалъ опять дорогу смотрѣть“, говорили однажды солдаты, когда, передъ выступленіемъ съ бивуака въ пятнадцати-градусный морозъ и послѣ страшной мятели, Гугіевъ съ жожаками поѣхалъ отыскивать замеченную тропу; „значить, опять придется идти... И какъ это до сихъ поръ не убьютъ его, этого офицера—добавляли полушутя солдаты... Вѣчно вѣдь впереди—точно будто заговоренъ онъ.“ Но, видно, хакучи заговоромъ не знали, и въ счастливѣйшіе дни его жизни, когда готова была осуществиться его любимая мечта, назначеніе, какъ осетина родомъ, на службу въ конвой Государя, пришлось разстаться со всѣмъ, разстаться съ матерью и семействомъ, которымъ онъ служилъ единственнымъ средствомъ для жизни. И, въ довершеніе всего, убитыхъ хакучами нельзя было доставить въ районъ, очищенный горцами. На той же хакучинской котловинѣ, на курганѣ, высоко надъ рѣкою, въ серединѣ каштановой рощи, приготовлено мѣсто. Послѣ обыкновеннаго въ походѣ обряда, на мѣстѣ этомъ разбита коновязь казаковъ—затоптать свѣже-изрытую землю—чтобы, по уходѣ войскъ, горцы, какъ это у нихъ часто бываетъ, не вздумали разрывать нашихъ могилъ.

Сообразивъ положеніе дѣлъ, генераль Гейманъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Чтобы стать твердою ногою въ землѣ хакучей, на упомянутой котловинѣ заложено укрѣпленіе Хакучинское.

2) Для установленія сообщенія укрѣпленія съ постомъ Лазаревскимъ, откуда гарнизонъ будетъ получать продовольствіе, разработать вьючную дорогу вдоль всего течения Псезуапе.

3) Для обезпеченія движенія по дорогѣ выстроить посты и составить, такимъ образомъ, хакучинскую кордонную линію, которую связать также постами съ послѣднею на Пшихъ станицею.

4) Ежедневно отъ всѣхъ войскъ высылать въ окрестности

лагерей команды охотниковъ и милиціонеровъ, уничтожать жилища упорствующихъ въ выселеніи горцевъ и истреблять ихъ посѣвы.

5) По мѣрѣ того, какъ войска будутъ освобождаться отъ работъ по устройству кордонной линіи, производить движенія отдѣльными колоннами въ стороны, всюду, гдѣ еще остаются жилища туземцевъ и есть засѣянные поля.

Распоряженія эти приводились въ исполненіе такимъ образомъ:

1) Хакучинское укрѣпленіе въ три дня окончено.

2) Колонна полковника Габаева вверхъ по рѣкѣ, а Пятигорскій полкъ внизъ отъ Хакучинскаго укрѣпленія пробили вьючную тропу. Для установленія капитальнаго сообщенія, тропа эта, по крайней пересѣченности мѣстности и множеству скалъ, требуетъ, конечно еще много работы.

3) По хакучинской кордонной линіи построено восемь постовъ (обозначенныхъ на картѣ). Въ гарнизонъ постовъ и укрѣпленія вступилъ Таманскій пѣхотный полкъ.

4) Команды охотниковъ и милиціонеровъ очистили всѣ ближайшія окрестности.

5) Легкія колонны, преимущественно изъ стрѣлковыхъ частей, съ самымъ ограниченнымъ числомъ вьюковъ, а чаще безъ нихъ, пользуясь лучшимъ въ году временемъ, исходили вдоль и поперекъ все пространство подъ водораздѣльнымъ хребтомъ отъ Туапсе до Шахе. Дѣлая по мѣстности, замѣчательной своею суровостію, и утромъ и вечеромъ большіе переходы, они внезапно появлялись въ мѣстахъ самыхъ закрытыхъ, куда горцы, не допуская возможности прихода русскихъ войскъ, свозили свои запасы. Направленіе колоннъ въ разныя стороны и раздѣленіе каждой изъ нихъ на части сдѣлало то, что вся нагорная полоса была наполнена войсками почти одновременно. Всѣ оставшіяся селенія, до которыхъ весною положительно невозможно было добраться съ войсками, сожжены; посѣвы и найденные склады уничтожены; нѣсколько десятковъ душъ взяты въ плѣнъ. Горцы въ испугѣ всюду бѣжали отъ войскъ, забирая съ собою все, что успѣвали, для пропитанія. Сначала, разсыпавшись въ одиночку, они, какъ только представлялась возможность, открывали огонь; но потомъ, какъ было извѣстно по свѣдѣніямъ, большинство отказалось защищаться. Впрочемъ, отсутствіе между ними единства, полное разномысліе, недовѣріе однихъ къ другимъ, подстрекательство

и угрозы различныхъ личностей, преимущественно бѣглыхъ, были причиною, что общаго намѣренія прекратить вооруженныя дѣйствія не могло проявиться, и во все время движеній посылались въ войска съ разныхъ сторонъ выстрѣлы. Наконецъ въ послѣдніе дни движеній начали выходить понемногу цѣлыя семейства къ морю, съ изъявленіемъ желанія оставить горы; они сообщали, что до сихъ поръ многіе не рѣшаются выходить, боясь кары за то, что не выселились весною, вмѣстѣ съ другими.

Общая потеря въ колоннахъ, производившихъ движенія, отъ 25-го іюля по 18-е августа, была 11 человекъ убитыхъ и 24 раненыхъ.

Приведемъ теперь слова военнаго журнала даховскаго отряда отъ 15-го іюня по 18-е августа:

„Такимъ образомъ, послѣднее гнѣздо горцевъ на западномъ Кавказѣ, бывшее притономъ людей, наиболѣе склонныхъ къ грабежамъ и разбоямъ, разсѣяно, и на мѣстѣ его водворенъ русскій гарнизонъ. На всемъ пространствѣ отъ Туапсе до Бзыби едва-ли гдѣ-либо нынѣ имѣются обитаемые горскіе аулы. По вѣковымъ лѣсамъ и глухимъ ущельямъ еще бродятъ люди, издавна привыкшіе къ скитальничеству. На мѣстности, выгоднѣе которой для укрывательства едва-ли можно создать другую, они почти неодолимы. Только ближайшіе жители могутъ знать всѣ убѣжища; только тѣ, кто давно привыкъ лазать по обрывамъ и скаламъ, въ состояніи проникать въ нихъ. Поэтому только со введеніемъ въ горы постоянныхъ нашихъ обитателей могутъ окончательно искорениться эти остатки бывшаго полумилліоннаго населенія. Войска, что было возможно для нихъ, исполнили. Дальнѣйшее преслѣдованіе повело бы только къ излишнимъ потерямъ и изнуренію, а результаты теперь, пока тепло, пока скотъ можно имѣть при себѣ всюду, едва-ли могутъ проявиться существенные. Я (генераль Гейманъ) не сомнѣваюсь, что къ зимѣ значительная часть скитающихся въ горахъ выселится. Для того же, чтобы не дать остальнымъ устроить себѣ вновь на зиму убѣжища, я считаю необходимымъ, когда спадетъ листь, наполнить все нагорное пространство командами охотниковъ и приказать имъ, исходивъ его по всѣмъ возможнымъ направленіямъ, содѣйствовать очищенію края.

„Во все время описанныхъ дѣйствій противъ хакучей, на Сочѣ, на Мзымтѣ и на всемъ остальномъ пространствѣ было

совершенно спокойно. Команды войскъ, отдѣлявшіяся отъ лагерей на десятки верстъ, не встрѣчали ни одного человѣка.“

Подъ осень войска даховскаго отряда, баталіонъ за баталіономъ, стали отходить на сѣверный склонъ, на отдыхъ, къ станицамъ и штабъ-квартирамъ. Усилившаяся на побережь Чернаго моря болѣзненность заставила поторопиться спускомъ частей. Съ тѣхъ самыхъ сумрачныхъ горъ, на которыя, бывало, указывали казаки и казачки, вспоминая объ убитомъ отцѣ, братѣ, сынѣ, объ увезенной сестрѣ или дочери, съ тѣхъ самыхъ горъ спускались наши войска. Съ пѣснями вступали они въ станичныя ограды, набожно, многіе съ глазами полными слезъ, крестились, снимая шапки, передъ куполомъ Божьяго храма, и съ несказанною радостію расходились по казачьимъ домамъ, подъ крыши, которыхъ пны не видѣли въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ.

— Добро пожаловать, милости просимъ, господа кавалеры, походные люди, встрѣчали ихъ ласковою рѣчью хозяева-станичники.
